

Г. Н. Фейн

Том 1

Г. Н. Фейн

Анализ романа Л. Н. Толстого

«Война и мир»

Том I Часть первая

Первая часть романа. Две стихии: одна — воплощенная в Ростовых, Пьере и Андрее, другая — светский салон. Это — экспозиция.

— **Почему Анна Павловна испугалась, увидев входящего Пьера?** — В нем было нечто «не свойственное месту». — **А что именно?** — «Этот страх мог относиться только к тому умному и вместе... естественному взгляду, отличавшему его от всех в этой гостиной». — «Естественность» и «ум» *не свойственны месту*.

Что же свойственно месту? — Лживость. Притворство. Гости совершают обряд приветствования никому неинтересной и ненужной тетушки, напоминающей нам «княжеское отродье» из «Отцов и детей».

— **Кого изображает Анна Павловна?** — Энтузиастку. «Быть энтузиасткой сделалось ее общественным положением, и иногда, когда ей даже того не хотелось, она, чтобы не обмануть ожиданий людей, знавших ее, делалась энтузиасткой».

— **Чем же воодушевлена эта «энтузиастка» в вечер нашего знакомства с ней и ее салоном?** — В сущности, она из «куска говядины» хочет сделать утонченное блюдо. Анна Павловна — «хороший метрдотель»: она сервирует гостям виконта, потом аббата.

— **С кем еще сравнивает Толстой Анну Павловну?** — С хозяйкой прядильной мастерской... Мысль, чувство, искренность, — где-то в другом мире. Мы еще не знаем его, этот другой мир. Но представитель его, Пьер, здесь, и он пугает «хозяйку прядильной мастерской», которой важно только одно — чтобы веретена «равномерно и не умолкая шумели».

Постоянный гость в салоне Анны Павловны — князь Василий.

— **Какова манера его речи?** — Он говорил, как «заведенные часы». И здесь подчеркивается автоматизм, отсутствие внутренней свободы, лицемерие, ставшее сущностью человека.

- **Помните ли вы, как об этом обществе отзывался Лермонтов, как он характеризовал его в одном из стихотворений?** — Великий поэт писал о светском салоне, где «мелькают образы бездушные людей, приличьем стянутые маски». В этом обществе не так легко отделить кажущееся от действительного. Кажется, Василия Курагина очень волнует состояние здоровья Анны Павловны и депеша Новосильцева. Кажется, княгиня Друбецкая с интересом слушает рассказ виконта. Кажется, княжна Элен очень красива. Но все это только кажется, все «как будто».
- **Какая человеческая сущность скрывается за этими «уверенными и изящными лицами»?** Вот красавица Элен. Вспомним, как Толстой описывает ее. — Она шла, «шумя своею белою бальной робой... и блестя белизною плеч... любезно предоставляя каждому право любоваться красотой своего стана, полных плеч, очень открытой, по тогдашней моде, груди и спины, и как будто внося с собою *блеск бала*...» — Сколько белизны и блеска! **Но почему же необыкновенно похожий на нее брат Ипполит столь «поразительно дурен»?** — Потому что лицо его «отуманено идиотизмом». — **Может быть, нам только кажется, что Элен прекрасна?** Подождем, Толстой покажет нам эту женщину в других ситуациях, в другой обстановке.

— **Зачем приехали сюда, к Шерер, Друбецкая и Василий Курагин?** — Прежде всего для устройства своих личных дел. Иногда Анна Михайловна получила возможность поговорить с тем, кто может пристроить Бореньку, «с лица ее исчезла вся прежняя *притворность* интереса», ибо «она приехала... чтобы выхлопотать определение в

гвардию своему единственному сыну. Только затем... она назвалась и приехала на вечер к Анне Павловне, только затем она слушала историю виконта». Для самого князя Василия главной целью визита было узнать, можно ли рассчитывать на место первого секретаря в Вене для своего сына.

Пьер попадает в положение «ребенка в игрушечной лавке».

— **Почему Толстой называет его ребенком?** — Он наивен, он не понимает, что действительно попал в игрушечный домик, он хочет с заводными фигурками говорить о мировой политике. Когда-то еще Гоголь предупреждал: «Не верьте этому Невскому проспекту... все обман, все мечта, *все не то, чем кажется*... Он лжет во всякое время, этот Невский проспект». Разве не напоминает нам судьба Пьера, чуть было не принявшего Элен за «гений чистой красоты», судьбу бедного Пискарёва?..

- **Но пока еще, в первых главах романа, не кажутся ли нам эти люди довольно безопасными?** — Да, это пока только милые игрушки, умеющие изображать на своих намалеванных лицах улыбки. Эти улыбки призваны скрыть нечто тайное, они шаблонны, как мертвые маски актера старинного китайского театра. «Сдержанная улыбка... не шла к... отжившим чертам» Анны Павловны; князь Василий улыбался «неестественно и одушевленно»; и у всех людей в салоне «улыбка... сливалась с неулыбкой».
- **А какая улыбка у Пьера, человека, пришедшего из другого мира?** (Вспомните: он «незаконнорожденный», он чужой в этом салоне, где собираются «люди самые различные по возрастам и характерам, но одинаковые по обществу»). — «Улыбка у него была не такая, какая у других людей, сливающаяся с неулыбкой. У него, напротив, когда приходила улыбка, то вдруг, мгновенно исчезало серьезное лицо и являлось другое, детское, доброе...» Улыбка его говорила «разве только вот что: мнения мнениями, а вы видите, какой я добрый и славный малый». Толстой всегда думал, что улыбка человека говорит о многом.

— **Есть ли среди действующих лиц романа герой, который знает цену людям света, всему этому миру?** — Есть, это «новое лицо — Андрей Болконский». «Гостиные, сплетни, балы, тщеславие, ничтожество» — заколдованный круг, который он ненавидит и из которого хочет вырваться.

— **Почему он идет на войну?** — «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь — не по мне!»

— **Как чувствует себя в свете князь Андрей?** — «...Все бывшие в гостиной... надоели ему так, что и смотреть на них и слушать их ему было *очень скучно*. У него «скукающий взгляд», на лице его чередуются «выражения *скуки*, усталости и досады». Это скука того же сорта, что у Онегина (у того хандра была «на страже и бегала за ним она, как тень или верная жена»).

Не случайна эта аналогия. Начало XIX века — время размежевания в русском дворянстве: одни дворяне служили престолу и делали карьеру, — другие жаждали большого дела и тяготились жизнью, не заполненной серьезными интересами. Пушкин жалуется в письмах из Михайловского: «Скучно — вот и все» и — главное: «Скука есть одна из принадлежностей мыслящего человека». Это пишут лучшие люди начала века. — Но находили ли они выход, была ли скука для них оправданием пассивности и бессилия? — Эти люди страстно искали выхода, они боролись за переустройство общества. А многие из тех, кого не интересовали мелкие заботы светского общества, «бешено гонялись за жизнью, ища ее повсюду», как говорил Белинский о Печорине. Это говорилось о «лишних людях», литературных героях, воплотивших в себе тоску их создателей об активном действии. «Лишние люди» — не выдумка. Они были всегда, когда действительность разочаровывала, но осмысленной цели не предлагала. Эти страстные поиски жизни, цели ее отличают и князя Андрея.

— **Как отражается в портрете Андрея противоречие между демонстративным выражением скуки и внутренней страстью борения?** — Вот он с Пьером в порыве самораскрытия. Теперь он «был еще менее похож, чем прежде, на того Болконского, который, развалившись, сидел в креслах Анны Павловны и сквозь зубы, шурясь, говорил французские фразы. Его сухое лицо все дрожало нервическим оживлением каждого мускула; глаза, в

которых прежде казался потушенным огонь жизни, теперь блестели *лучистым* (это фамильное: сравните «лучистые» глаза княжны Марьи), ярким блеском».

— **Как же вырваться из этого круга пустой светской жизни, где выход и есть ли он? — Какой пример перед князем Андреем?** — Наполеон. Капитан республиканской армии, никому неизвестный молодой человек, случайно очутившийся в лагере под Тулоном, захваченном роялистскими мятежниками, возглавил штурм, и крепость пала; 24-летний капитан стал бригадным генералом, он вырвался из безызвестности и покори́л мир.

— **Какое качество, замеченное в князе Андрее Пьером, давало ему возможность добиваться поставленной цели?** — «Отсутствие способности мечтательного философствования (к чему особенно был склонен Пьер)».

Мы прочитали восемь глав, и перед нами возник сложный мир, раздираемый внутренними противоречиями, мир, в котором быются две живые жизни.

В X главе мы попадаем в другую обстановку.

— **Какая атмосфера царит в доме Ростовых, в чем отличие взаимоотношений в семействе Ростовых от взаимоотношений людей в «высшем свете»?** — Именины двух Наталий. Съезжаются гости. И здесь привычные светские сплетни, темы старые, как газеты «времен очаковских и покоренья Крыма». Но эти новости здесь как-то иначе переживаются.

— **Как старик Ростов воспринимает рассказ о проделках долоховской компании?** — «Хороша, та chere, фигура квартального,— закричал граф, помирая со смеху».

— **А мнение светских дам?** — «Ах, ужас какой! Чему тут смеяться, граф?» Но уж такова сила непосредственности, что «дамы невольно смеялись и сами».

— **Сравним, как принимал гостей старик Ростов и как — Анна Павловна.** — «Ma chere» или «mon cher» он (Ростов) говорил всем без исключения, без малейших оттенков как выше, так и ниже его стоявшим людям». У Анны же Павловны для каждого гостя был выработан особый поклон, в зависимости от положения этого человека в обществе. Так, Пьера она «приветствовала... поклоном, относящимся к людям самой низшей иерархии в ее салоне».

— **Как описывает Толстой Наташу?** — «Тоненькие, оголенные руки и маленькие ножки в кружевных панталончиках и открытых башмачках». Эти ласкательно-уменьшительные суффиксы срываются как бы произвольно с пера Толстого: писатель приступает к созданию образа детскости, радости, любви, счастья.

— **Какими эпитетами сопровождает Толстой описание Наташи?** — «Именинно сиявшая», «разрумянившаяся», «оживленная», у нее «звонкий смех». Удивительная эта Наташа. Все, что она делает, кажется ужасно неприличным. Вот Вера, ее сестра,— абсолютно правильная девушка, и как же мало о ней можно сказать! Она «была хороша, была неглупа, училась прекрасно, была хорошо воспитана, голос у нее был приятный», то, что она говорила, всегда «было справедливо и уместно». Но...

Как уст румяных без улыбки,

Без грамматической ошибки

Я русской речи не люблю...

Наташа делает «бог знает что» (по словам графини): целуется с Борисом; за столом громко спрашивает, какое будет пирожное; Наташа заливается смехом, видя, как танцует отец.

— **Но почему же, почему так любит Толстой ее и не любит Веру, Элен?** — Свою работу о Толстом и Достоевском Вересаев назвал: «Живая жизнь». Это не тавтология, не «масло масляное», ибо есть еще *мертвая* жизнь, жизнь душ, никогда не бывших детскими и молодыми, душ, лишенных непосредственности мироощущения.

- **Как и почему меняется настроение Наташи в день ее именин? Какая гамма переживаний отражается на ее лице?** — Вот она с «покрасневшим лицом», на котором «видны торжественность и страх», целует Бориса; вот со «счастливым

лицом» входит с ним в диванную; а вот «распустив свой большой рот и сделавшись совершенно дурною, заревела, как ребенок, не зная причины и только оттого, что Соня плакала». Не проходит и нескольких минут, и — «она целовала ее (Соню), смеясь». Сколько изменений милого лица!

— **А меняется ли выражение лица Элен на вечере у Шерер?** — «Княжна Элен улыбалась; она поднялась... с неизменяющейся улыбкой вполне красивой женщины». Человеческое лицо — и маска, пусть прекрасная, но — маска. Наташа живет не рассудком, а чувством. Непосредственность переживаний, ликующая радость жизни как бы не оставляют места для размышлений. (Позже Пьер скажет о ней: «Она не удостоивает быть умной».)

- **Как это свойство Ростовых, такое равнодушие к разуму, к рассуждениям, отражается в Николае?** Вспомним, как реагирует Николай на сентенцию служебного полковника. — «Мы должны драться и до последней капли кров... и умрёт за *срасо* императора... А рассуждают как мо-о-ож-но меньше». «Совершенно с вами согласен», — отвечал Николай. Пусть трогателен порыв Николая, заявившего «восторженно и напыщенно», что «русские должны умирать или побеждать» не рассуждая, мы ужестораживаемся, нас коробит этот милый Николай, тем более что за его порывом следует реплика на французском языке жеманной Жюли: «Прекрасно! Прекрасно то, что вы сказали».

Разные бывают рассуждения, и неодинаково отношение к ним Толстого. Вот Пьер в салоне Шерер высказывает свое отношение к французской революции («Революция была великое дело»), а князь Андрей говорит о женщинах, о войне, о свете. Они не могут не мыслить, они живут не только личными интересами, но и интересами человечества.

— **А о чем рассуждает Берг, какое словечко в его речи наиболее часто встречается?** — Я, я, я не сходит с его языка. «Разговор его всегда касался только его одного; он всегда спокойно молчал, пока говорили о чем-нибудь, не имеющем прямого к нему отношения». «Берг... казалось, не подозревал того, что у других людей могли быть тоже свои интересы». Мое «я», мое положение в жизни — единственно стоящий интерес. Так неслышным шагом входит в роман наполеоновское начало. Потом, уже в третьем томе. Толстой скажет о Наполеоне: «Видно было, что только то, что происходило в его душе, имело интерес для него. Все, что было вне ее, не имело для него значения». Как Пьер и Андрей — «чужеродные тела» в салоне светских мертвецов, так Берг и Вера — мертвецы среди живых в доме Ростовых.

Борьба за мозаиковый портфель

И опять перебивка планов: только что мы наслаждались весельем и танцами у Ростовых, а уже **в главе XXI Толстой, развивая тему света, вносит в нее новый мотив — мотив войны**. Речь идет не о войне с Наполеоном, а о войне расчета и выгод, о хищнических порывах, жадности и корыстолюбии. Меняется «светское» выражение лица князя Василия перед боем за наследство Безухова.

— **Каким становится это лицо?** — «...Щеки его начали нервно дергаться то на одну, то на другую сторону, придавая его лицу неприятное выражение, какое никогда не показывалось на лице князя Василия, когда он бывал в гостиных. Глаза его тоже были не такие, как всегда: то они смотрели нагло-шутливо, то испуганно оглядывались». — Расскажите о борьбе за мозаиковый портфель; обратите внимание на движения князя Василия, княжон и Анны Михайловны Друбецкой, на их речь, интонации этой речи. — Князь Василий говорит, «хватая княжну за руку»; княжна старается говорить «нечто остроумное и оскорбительное», она смотрит на собеседника «злобно», Анну Михайловну называет «гадкой, мерзкой», завещание называет «гадкой, мерзкой бумагой». Пьер видел «озлобленное, потерявшее все приличие лицо княжны» и «перепрыгивающие щеки князя Василия». На лице Анны Михайловны перед боем «выразилось сознание того, что *решительная минута* наступила»: две женщины начали схватку за деньги, и «слышны были только звуки усилий борьбы за портфель». Наконец, последний, гениальный аккорд: раскаяние побежденного перед лицом смерти. В князе Василии просыпается человек. «Ах, мой друг! — сказал он, взяв Пьера за локоть; и в голосе его была искренность и слабость,

которой Пьер никогда прежде не замечал в нем.— Сколько мы грешим, сколько мы обманываем, и все для чего? Мне шестой десяток, мой друг... Ведь мне... все кончится смертью, все. Смерть ужасна.— Он заплакал». Великий психолог Толстой оттеняет пошлость и злобу светского мира этими светлыми минутами человечности, просыпающейся в лицее и хищнике.

Последние главы первой части — Лысые Горы. Дом Болконских. Еще один способ вырваться из круга светской пошлости — размеренная, осмысленная жизнь старого князя.

-Интересуется ли старик Болконский политикой? — Да, он во всех подробностях знает «все военные и политические обстоятельства Европы последних годов».

-Но чем его интерес к политике отличается от интереса к ней светских трутней, таких, как князь Василий? — Он болезненно переживает неудачи русской армии. Но немножко и злорадствует. Он — как фонвизинский Стародум. Был Суворов — и русская армия была непобедима. А теперешние? Что они могут? Он — весь в прошлом, но зорко следит за настоящим. «Князь Андрей слушал... невольно удивляясь, как мог этот старый человек, сидя столько лет один безвыездно в деревне, в таких подробностях и с такою тонкостью знать и обсуживать все военные и политические обстоятельства...»

- Соглашались ли отец и сын в оценке политической ситуации?— Нет, их убеждения были совершенно различны.

-Способны ли были они переубедить друг друга? — «Сын не возражал, но видно было, что какие бы доводы ему ни представляли, он так же мало способен был изменить свое мнение, как и старый князь».

Понимают ли, чувствуют ли друг друга отец и сын? — Старый князь «насквозь видел» сына, говорить ничего не нужно было. «Андрей молчал: ему и приятно и неприятно было, что отец понял его». Да и сам «сын привык понимать отца».

— **Что же в мировосприятии князя Андрея сближало его с отцом?** — Прежде всего ироническое отношение к религии, к сентиментальности. Отец считал, что суеверие и праздность — «два источника людских пороков»; сын непочтительно высказывается об образке, который княжна Марья хочет повесить ему на шею: «Ежели он не в два пуда и шею не оттянет». Отец хочет прекратить переписку княжны Марьи с «Элоизой», а князь Андрей называет сестру плаксой. Но полное взаимопонимание шло не от некоторого сходства взглядов, оно шло откуда-то изнутри, из области подсознательного.

- Почему княжне Марье живется тяжело в доме отца?— Потому что он не понимает ее.

Для чего он учит ее математике? — «Чтобы ты не была похожа на наших глупых барынь».

- Но разве душевная жизнь княжны Марьи дает основание для подобных опасений? Вспомним портрет княжны Марьи.— «Некрасивое слабое тело и худое лицо», но «глаза княжны, большие, глубокие и лучистые были так хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица, глаза эти делались привлекательнее красоты».

Разве глаза эти ни о чем не могут сказать старику-отцу?— Рассуждения о правилах рационального воспитания мешают ему проникнуть во внутренний мир дочери. Потому-то и тяжело княжне Марье, что душа ее полна религиозным восторгом, а отец, к тому же неумелый педагог, заставляет ее заниматься наукой, учить геометрию. Уже само это сопоставление проникнуто тонкой толстовской иронией: точная наука — и вера, разум — и душа. Это несовместимо.

Г. Н. Фейн

Анализ романа Л. Н. Толстого

«Война и мир»

Том I Часть вторая

Толстой — участник Севастопольской обороны. В Севастополе познал он цену жизни и смерти, понял, что нельзя о войне говорить пышными словами реляций; он первый начал писать о буднях войны, о страхе смерти, живущем в каждом сражающемся, о прозаичности героизма. Толстой презирал людей, которые войну стараются использовать для того, чтобы приобрести почести, награды, славу. Каковы тайные пружины войны? Где секрет побед и поражений? Каково место личности в войне, будь то так называемая великая личность или простой солдат? Чтобы понять это, надо восстановить правду жизни, правду войны. В «Севастопольских рассказах» Толстой писал: «Герой... моей повести, которого я люблю всеми силами души... и который всегда был, есть и будет прекрасен,— правда».

В романе изображены две войны: война 1805 года — за границей и война 1812 года — Отечественная война. Две войны — две правды. Нельзя было показать вторую войну без первой. Толстой говорил: «Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с бонапартовской Францией, не описав наших неудач и нашего срама. Кто не испытывал того скрытого, но неприятного чувства застенчивости и недоверия при чтении патриотических сочинений о 1812 годе. Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер тот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений». «Характер народа» или «дух армии» — так говорит Толстой. И он хочет показать армию и понять ее дух.

В романе появляются исторические фигуры.

— **С какими историческими деятелями мы знакомимся во второй части?** — С Кутузовым, Багратионом, Мюратом, Маком и другими. Течение авторской мысли подходит к композиционному центру романа, к образу Кутузова. Мы должны понять, чем близок художнику этот образ, почему он занимает в романе центральное место.

— **Какую цель ставил перед собой Кутузов в кампании 1805" года?** — Он хотел одного — "вывести русскую армию из пределов австрийских границ и, в конечном счете, выйти из этой ненужной войны. На смотре под Браунау он хотел «показать австрийскому генералу то печальное положение, в котором приходили войска из России». Через образ Кутузова Толстой передает свою неприязнь к парадности, к пышности одеяний и фраз. Толстой хочет, чтобы мы видели Кутузова так, как видит его он сам и как видят его солдаты.

— **Каким же видит Кутузова Толстой?** — «Пухлое, изуродованное раной лицо», «улыбка глаз» (новый вид улыбки — улыбка мудрого человека); Кутузов «тяжело ступает».

— **Каким видят его солдаты?**

«— Как же сказывали, Кутузов кривой, об одном глазу?

- А то нет! Вовсе кривой.
- Не... брат, глазащее тебя. Сапоги и подвертки — все оглядел.
- Как он, братец ты мой, глянет на ноги мне... ну! думаю...»

— **Как смотрит на солдат Кутузов?** — «Поглядывая на обувь, он несколько раз грустно покачивал головой и указывал на нее австрийскому генералу с таким выражением, что как бы не упрекал в этом никого, но не мог не видеть, как это плохо». И главное — он видит не серую массу одноликих фигур, он узнает и выделяет отдельных солдат и офицеров. В строю он видит Тимохина — капитана с «красным носом», он называет его «Измайловским товарищем».

— **Чем закончился смотр?** — Песней и пляской солдат. На лице Кутузова «выразилось удовольствие при звуках песни». Так возникает тема единения командующего с солдатами, тема единения личности с массой.

И почти сразу же после глав, где мы знакомимся с Кутузовым,— маленький эпизод, в котором начинается звучать один из главных мотивов эпопеи, возникает песнь единения человечества.

Николай Ростов приветствует немца — хозяина дома, где он с Васькой разместился на постой.

— **Какая улыбка появляется на лице Ростова, когда он видит немца?** — Ростов приветствует немца «радостною, братскою улыбкой».

— **Какими приветствиями они обмениваются?** — Ростов: «Hoch Oesterreicher! Hoch Russen!» («Да здравствуют австрийцы! Да здравствуют русские!») Немец: «Lind die ganze Welt hoch!» («И да здравствует весь мир!») В этом чувстве единения — высшая правда человеческого бытия. «...Оба человека эти со счастливым восторгом и братскою любовью посмотрели друг на друга, потрясли головами в знак взаимной любви и, улыбаясь, разошлись». Толстого волнует этот вопрос. Он видит грязь, мерзость, обман там, где люди разьединены, — он видит чистую, может быть, необъяснимую радость там, где люди сливаются в некое человеческое единство.

-Но это ощущение принадлежности к общему миру, живущее в душе любимых толстовских героев, часто задавлено условиями мнимого мира. Так гаснет в Николае Ростове стремление до конца бороться за справедливость при упоминании о чести полка.

— **Кто же прав, Ростов или полковой командир?** — Нам жаль, что Ростов отказался от лучшего, что было в нем, что он подчинился вот этому ложному общему и предал то большое общее, что лежит где-то за пределами полка, армии с ее кодексом сословной чести. И не видно ли уже здесь стремления будущего Толстого дойти «до корня»? Ведь кажется, что Ростов правильно поступил, признавшись в своей мнимой вине перед полковым командиром. Гусары приветствуют его. «Вот это так, граф, — крикнул штабс-ротмистр, ударяя его большой рукой по плечу». — «Я тебе говорю, — кричал Денисов, — он славный малый».

— **Но почему же мы не удовлетворены этим, казалось бы, столь трогательным разрешением инцидента?** — Толстой заставляет нас задуматься о «корне», о той чести, которая важнее чести полка, а потому требует от человека большего мужества ума, чем имел его Николай Ростов.

Толстой за каждым событием, за каждой личностью, за каждой жизненной проблемой видит даль. Он никогда не забывает о большой человеческой правде. В нем живет жажда неба.

В VI—VIII главах Толстой описывает первые бои.

Сцены сражений даны так жизненно, что мы чувствуем себя участниками боев. В этих главах — первые мазки толстовской батальной живописи. — Давайте прочитаем в отрывках VIII главку второй части. — Мы слышим голоса солдат и офицеров, нам тоже досадно из-за путаницы на переправе. Но Толстого увлекает не сам процесс батальной живописи. **Человек, его душевные переживания, поток мыслей в вихре боя, у той черты, которая отделяет «живых от мертвых», — вот на чем сосредоточил внимание Толстой.**

— **Что почувствовал Ростов в первом сражении? Что он видел?** — «Николай Ростов отвернулся и, как будто отыскивая чего-то, стал смотреть на *даль*, на воду Дуная, на *небо*, на солнце! Как хорошо показалось небо, как глубоко, спокойно и глубоко!.. Как ласково-глянцевито блестела вода в *далеком* Дунае! И еще лучше были *далекие*, голубеющие за Дунаем горы...» Вот они раскрываются — эти дали, это небо — то, что выше и важнее происходящего сейчас на земле: бессмысленных убийств, жертв, неизвестно во имя чего приносимых. Ростов увидел небо. Увидит его и Андрей Болконский, но увидит глубже, осмысленнее. У Николая Ростова нет того умения «сопрягать», которое есть у Андрея и Пьера.

— **О ком подумал Николай, испугавшись смерти, к кому обратился за помощью?** — «Господи боже! Тот, кто там в этом небе, спаси, прости и защити меня!» — прошептал про себя Ростов». В том-то и волшебство гения художника, что мы ощущаем страх его героя, даже сочувствуем его обращению к какой-то силе, якобы способной сохранить его жизнь. Но смотрим мы на него немного сверху вниз. Он слишком погружен в себя, он в тесных рамках своего ограниченного существования.

В Андрее Болконском вмещается большая часть мира, чем в Николае Ростове, чем в других офицерах армии.

— **Чем князь Андрей выделялся из среды офицеров?** — «Князь Андрей был один из тех редких офицеров в штабе, который полагал свой главный интерес в общем ходе военного дела».

— **Какие перемены произошли в князе Андрее?** — «В выражении его лица, в движениях, в походке почти не было заметно прежнего притворства, усталости и лени; он имел вид человека, не имеющего времени думать о впечатлении, какое он производит на других, и занятого делом приятным и интересным».

— **А волнует ли Николая Ростова то, что о нем думают окружающие?** — «Все кончилось, но я трус, да, я трус,— подумал Ростов...— Однако, кажется, никто не заметил». Потому-то в князе Андрее больше авторского «я», что он прежде всего думает о смысле происходящего, а не о себе. Князь Андрей чувствует себя частью большого целого — русской армии, чувствует себя участником европейских событий.

— **Зачем князь Андрей был послан в Брюнн, к австрийскому двору?** — Чтобы сообщить о победе.

— **Была ли это очень важная в стратегическом отношении победа?** — Нет.

— **Почему же ликование распространилось в армии?**— Это была первая победа. До сих пор «были дела при Ламбахе, Амштеттене и Мельке; но, несмотря на храбрость и стойкость, признаваемую самим неприятелем, с которой дрались русские, последствием этих дел было только еще быстрее отступление». А теперь «в первый раз после двухнедельного отступления русские войска остановились и после *борьбы* не только удержали поле сражения, но и прогнали французов».

«Дух армии» поднялся. Князь Андрей счастлив, как счастлива армия. Толстой тонко раскрывает постепенное изменение душевного состояния князя Андрея. Вот он едет в бричке, направляясь в Брюнн: «Как скоро он закрывал глаза, в ушах его раздавалась пальба ружей и орудий, которая сливалась со стуком колес и впечатлением победы»; «...Лошади быстро скакали...» Эта скачка соответствовала душевному оживлению князя Андрея. Он, «несмотря на быструю езду и бессонную ночь... чувствовал себя еще более оживленным, чем накануне». **И вдруг — стоп. Движение останавливается; оживление сталкивается с равнодушием. Значительное событие, сообщить о котором спешил князь Андрей, оказывается вовсе не таким значительным.**

— **Как принял князя Андрея военный министр?** — «...Из всех дел, занимавших военного министра, действия кутузовской армии менее всего могли его интересовать», а потому «на лице его остановилась глупая, притворная, не скрывающая своего притворства, улыбка человека, принимающего одного за другим много просителей». Улыбка многое «может сделать: она может привлечь — может оттолкнуть, она может заставить верить, а может разубедить в самом святом. Так думал Толстой.

— **О чем сказала князю Андрею эта улыбка и весь прием, оказанный ему при австрийском дворе?** — Он понял, что здесь есть какие-то сугубо частные интересы, непонятные, чуждые и ему, князю Андрею, и русской армии.

— **Почему князь Андрей решил ехать в действующую армию?** — «Еду для того, чтобы спасти армию». Для князя Андрея наступают решительные минуты и приближается его Тулон — его мечта. А может быть, эти мечты смешны? Не является ли признаком ума скепсис Билибина?

— **Что главное для Билибина?** — Он из тех людей, о которых говорят: «Для красного словца не пожалеет родного отца». Скепсис его кажется наиболее правильным отношением к путанице, которая царит и при дворе, и в армии.— Но прислушаемся к тому, как князь Андрей реагирует на шутки Билибина: «Полноте шутить,— *грустно и серьезно* сказал князь Андрей». И потом князь Андрей еще раз перебивает Билибина: «*Перестаньте шутить*». Читая

следующую главу, мы видим, что и вправду для шуток нет оснований. Настроением тревоги и заботы, столь чуждым Билибину, охвачены в армии все офицеры.

Какое выражение лица у Кутузова?— «По выражению единственного зрячего глаза главнокомандующего видно было, что мысль и забота так сильно занимали его, что как будто застилали ему зрение».

— **Чем был озабочен Кутузов?**— Он думал о том, как спасти армию. Князь Андрей, который еще восхищается Наполеоном («Что за необычайная гениальность!»), сближается в этом стремлении — спасти армию — с Кутузовым. Билибин занят изобретением новых *mot*; Несвицкий старается вывезти все свои вещи; пьяный офицер, наслаждаясь властью, кричит на всех, в том числе на женщину: «В лепешку расшибу»; всюду хаос, путаница, ибо все думают о своем, о личном. В князе Андрее просыпается раздражение.

— **Что думал обо всем увиденном князь Андрей?** — «Я одно понимаю, что все *мерзко, мерзко, мерзко*». Потом, при Аустерлице, глядя на толпу отступающих русских и австрийцев, нечто подобное произнесет и Кутузов: «Остановите этих *мерзавцев*»

— **Расскажите о плане Кутузова и о том, какую роль в этом плане он отвел отряду Багратиона. Что ждало отряд Багратиона, по мнению Кутузова?** — «Ежели из отряда его придет завтра одна десятая часть, я буду бога благодарить».

— **О чем просит князь Андрей Кутузова?** — «Позвольте мне остаться в отряде князя Багратиона».

— **Как вели себя солдаты перед сражением?** — «...Бонапарте... со всею гвардией двигался к полю сражения, боясь упустить готовую *жертву*, а четырехтысячный отряд Багратиона, *весело* раскладывая костры, сушился, обогревался, варил в первый раз после трех дней кашу, и никто из людей отряда не знал и *не думал о том, что предстояло ему*». — Люди-жертвы, они спокойно и даже *весело* готовятся к тому, что их ждет. **Должно совершиться нечто противное человеческому естеству — убийство. А те, кто должны будут скоро убивать друг друга, в часы перемирия смеются.** «Го-го-го! Ха-ха-ха! Ух-ух!» — раздавался между солдатами грохот такого здорового и веселого хохота, невольно через цепь сообщившегося и французам, что после этого нужно было, казалось, разрядить ружья, взорвать заряды и разойтись поскорее всем по домам». Мы все время чувствуем, что у Толстого как бы два зрения, когда он смотрит на войну. С одной стороны, он очень тепло, даже любовно описывает солдатский быт, увлеченно — сражения, а с другой стороны, нет-нет да и прорвется уже в этом томе нотки ненависти к войне.

Что же такое война? Что чувствует человек, когда он становится жертвой? Может ли полководец организовать побоище таким образом, чтобы обеспечить победу себе и поражение неприятелю? Что такое героизм и как выглядят герои? Из сцепления образов вырисовываются ответы на эти вопросы, волновавшие художника и мыслителя. Так давайте добудем ответы на поставленные нами вопросы из описания Шенграбенского сражения.

В сражении с обеих сторон участвует 154 тысячи человек.

— **Какие фигуры нарисованы крупным планом?** — Это — Багратион, князь Андрей, Тушин, Тимохин, Долохов, Жерков, Николай Ростов и несколько безымянных солдат и офицеров, фейерверкер и два «нумера» на батарее Тушина, кавалерист-полковник, генерал, дежурный штаб-офицер. Толстой размышлял как-то в дневнике: «Как описать, что такое отдельное «я»?» Он стремился найти своеобразие этого «я», а через понимание своеобразия описываемых личностей привести читателя к осознанию важнейших проблем общественного бытия. Тут важно и то и другое: личность как отдельное и личность как часть общего. Но сама особенность личности лучше всего раскрывается в ее общении с другими людьми, в ее реакции на события, в ее социальной практике.

— **Каким впервые предстает перед нами Тушин и какое впечатление он производит на князя Андрея?** — «Маленький, грязный, худой артиллерийский офицер», «без сапог... в одних чулках», неловко улыбается при виде вошедших адъютанта и штаб-офицера. У него «большие, умные и добрые глаза». «Князь Андрей... взглянул на фигурку артиллериста. В ней было что-то особенное, совершенно невоенное, несколько комическое, но чрезвычайно привлекательное». Так Толстой рисует будущего героя. Кроме больших, умных и добрых глаз, все вызывает лишь снисходительную усмешку.

— **Но ведь важно, кто видит его глаза умными и добрыми. Кому Тушин кажется привлекательным?** — Князю Андрею. А для штабного офицера Тушин — просто командир, который распустил солдат, человек довольно смешной и не поддающийся увещаниям. Потом князь Андрей, за несколько минут до сражения, слышит голос Тушина, этот голос кажется ему «приятным». Тушин выходит из балагана, и князь Андрей видит его «доброе, умное лицо». Толстой рисует и других офицеров: молодцеватого пехотного офицера, обладателя мужественного голоса; Жеркова; дежурного штаб-офицера «на англоизированной красивой лошади». Тушин пока смешон, а штабные офицеры пока чрезвычайно картинны. Но человек проверяется в бою, а не сейчас.

— **Вспомним смотр при Браунау. Как выглядел там Тимохин?** — Весьма неприглядно. «Лицо капитана выражало беспокойство школьника, которому велят сказать невыученный им урок. На красном (очевидно, от невоздержания) лице выступали пятна, и рот не находил положения».

— **Что роднит Тимохина и Тушина в их отношении к начальству?** — Невероятный страх перед ним.

Но вот начинается сражение.

— **Как действует Тушин?** Прежде всего — инициативно.

— **Но откуда исходит его инициатива?** — Из его удивительного доверия к простому солдату. «Никто не приказывал Тушину, куда и чем стрелять, и он, посоветовавшись с своим фельдфебелем Захарченком, к которому имел большое уважение, решил, что хорошо было бы зажечь деревню». Тушин занят делом, его «я», его мысли о самом себе выключены, а потому-то, по мнению Толстого, это «я» увеличивается в своем значении (неприятель решил, что там, где была батарея Тушина, сосредоточены главные силы русских). Но внешне Тушин не меняется: выстрелы заставляют его «каждый раз вздрагивать», он покрикивает на солдат «слабым, тоненьким, нерешительным голоском».

— **Но из-за страха ли за свою жизнь вздрагивает Тушин, боится ли он за себя?** — «...Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову»; «Только когда убивали или ранили людей, он морщился...»

— **Подтвердилось ли мнение штаб-офицера, что Тушин распустил солдат?** — «Солдаты, большею частью красивые молодцы (...на две головы выше своего офицера и вдвое шире его), все, как дети в затруднительном положении, смотрели на своего командира, и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах».

Толстой показал тот скромный, незаметный героизм простого человека, который и решал участь сражений.

Вот тот же Тимохин, «красноносый капитан», на которого не кричит лишь ленивый,— какую роль сыграл он в Шенграбенском сражении? — «Рота Тимохина... одна в лесу удержалась в порядке и... неожиданно атаковала французов...» Тушин, Тимохин, солдаты выглядят перед начальством очень непрезентабельно, но грозны для неприятеля. Награды им не достаются, награды получают Жерковы и Долоховы.

— **Как же вел себя в бою штабной офицер Жерков?** — Перед начальством он храбр, в бою труслив. «Жерков, *бойко*, не отнимая руки от фуражки, тронул лошадь и поскакал. Но едва он отъехал от Багратиона, как силы изменили ему. На него нашел непреодолимый *страх*, и он не мог ехать туда, где было опасно». Но зато когда идет отступление, когда Тушин — уже не богатырь, чуть ли не один на один сражающийся с французами, а командир, потерявший два орудия, вся эта свора начальников помыкает им.

«Все они передавали приказания и делали ему упреки». — Вот здесь начинает снова раскрываться важнейшее сцепление романа. Тимохина и Тушина не замечал никто из начальства, кроме Кутузова и князя Андрея. (Кутузов выделил Тимохина на смотре в Браунау. Князь Андрей говорит Багратиону: «Успехом дня мы обязаны более всего...

героической стойкости капитана Тушина и его роты».) Придет час, когда это единение с народом проявится в полную силу: во время войны 1812 года придворная свора с царем во главе будет отдавать Кутузову самые противоречивые приказания, втайне посмеиваясь над ним, и тогда простые люди окажутся для него единственной и надежной поддержкой.

Для князя Андрея Шенграбенский бой обозначил целую эпоху развития.

Мы говорили, что Жерков испугался опасности, а испугался ли ее князь Андрей? — Да, «нервическая дрожь пробежала по его спине».

— **Но как же он повел себя?** — «...Одна мысль о том, что он боится, снова подняла его. «Я не могу бояться», — подумал он и медленно слез с лошади между орудиями. Он передал приказания и не уехал с батареи».

— **Как оценили солдаты и Тушин этот поступок князя Андрея?** — «А то приезжало сейчас начальство, так скорее драло, — сказал фейерверкер князю Андрею, — не так, как ваше благородие». Тушин, прощаясь с князем Андреем, говорит: «До свидания, голубчик... Милая душа! Прощайте, голубчик». Он говорит это «со слезами, которые неизвестно почему выступили ему на глаза». Это важно. Князя Андрея, человека «высшего света», оценивают простые люди. Толстой еще не смотрит на все «глазами мужика», как в последние годы жизни, но народная эпопея, которую он создает, ведет писателя к этому. Князь Андрей во второй части романа формирует себя по образу и подобию вымышленного им Наполеона, но жизнь толкает его к простым людям. Сам князь Андрей еще не чувствует, что отвергнет выбранный им путь борьбы за личную славу и власть, не придает значения тому, что простые люди начинают видеть в нем своего, близкого человека.

— **Что почувствовал князь Андрей, прощаясь с Тушиным после совета у Багратиона?** — «Князю Андрею было грустно и тяжело. Все было так странно, так непохоже на то, чего он надеялся». Толстой, вторгаясь в подсознательный мир князя Андрея, обнаруживает здесь еще неизжитый аристократический снобизм. «Нечто очень важное, для князя Андрея оскорблено в нем самом, — пишет Ермилов. — Его обида — не только за Тушина, но... и за свои представления о величии. Но Шенграбен не бесследно исчез из души князя Андрея. Придет время, когда он поймет, как выглядит истинное величие и где его искать.

И второе разочарование. Князь Андрей составил себе ложное представление о полководце, вероятно, по пышным и многословным рассказам французских газет о Наполеоне. Полководец намечает гениальную диспозицию; затем по мановению его руки воинские части располагаются на поле брани таким образом, что поражение неприятеля оказывается предрешенным; во время битвы полководец рассылает адъютантов, которые осуществляют его волю на театре военных действий.

Но вот князь Андрей видит Багратиона при Шенграбене.

— **Что поразило его в поведении Багратиона?** — Князь Андрей тщательно прислушивался к разговорам князя Багратиона с начальниками и к отдаваемым им приказаниям и к удивлению замечал, что приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался желать вид. что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями».

— **Какое же влияние оказывало на солдат и офицеров присутствие Багратиона?** — «Начальники, с расстроенными лицами подъезжавшие к князю Багратиону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело приветствовали его и становились оживленнее в его присутствии и, видимо, щеголяли перед ним своею храбростью». Когда Багратион сказал: «С богом!», князь Андрей почувствовал, «что какая-то непреодолимая сила влечет его вперед, и испытывал большое счастье». И не только князь Андрей — все солдаты «нестройною, но веселою и оживленною толпой побежали под гору за расстроенными французами».

Князь Андрей не делает еще выводов — он пока только наблюдает, но эти сцены уже ведут читателя к важнейшему для Толстого выводу: полководец может руководить духом войска.

Князь Андрей думает, сопоставляет, анализирует. Но любопытно, что он ни разу не вспомнил о своей прошлой жизни, о семье. Пусть он еще не видит до конца ложности дела, в котором участвует, но он весь в этом деле, а потому у него не остается времени думать о себе, о той части своего «я», которое связано с довоенной жизнью.

— **Когда мысли о семье заняли главное место в душе князя Андрея?** — После ранения под Аустерлицем. «Те мечтания об отце, жене, сестре и будущем сыне и нежность, которую он испытывал в ночь накануне сражения... составляли главное основание его *горячих* представлений».

К людям, которые зависят от времени, от обстоятельств, относится Николай Ростов.

Он участвует в тех же сражениях, что и князь Андрей, он видит почти так же много, но чувства и мысли его связаны лишь с частью общего — с полком. И когда он, раненный, оказывается в одиночестве и видит, как французы бегут на него, он из лихого гусара превращается в «зайца, убегающего от собак».

— **Сравните его настроение в начале боя и после ранения.** — «Поскорее, скорее бы,— думал Ростов, чувствуя, что наконец-то наступило время изведать наслаждение атаки, про которое он так много слышал от товарищей-гусаров». «Ох, как рубану его»,— думал Ростов...» Когда же его хотят убить, он в ужасе и даже недоумении. «Что-нибудь не так,— подумал он,— не может быть, чтоб они хотели убить меня». «Он смотрел на приближавшихся французов, и, несмотря на то что за секунду скакал только затем, чтобы настигнуть этих французов и изрубить их, близость их казалась ему теперь так ужасна, что он не верил своим глазам». Все это, кажется, не в пользу Ростова. Страх смерти заставил Ростова думать о жизни, о *своей* жизни. Он должен был стать убийцей, а стал жертвой.

— **О чем вспоминает Ростов, когда к нему приближаются французы?** — «Ему вспомнилась любовь к нему его матери, семьи, друзей...» У того француза, которого он хотел изрубить, тоже есть мать, есть друзья, есть воспоминания. Но Ростов об этом не думал. Ни у Кутузова, ни у князя Андрея, ни у солдат не было этого желания «изрубить», но они никогда не оказывались и столь жалкими, как Ростов. Пусть Толстой, любящий Ростовых, старается смягчить читательское отношение к графу Николаю, вызвать сочувствие к нему («бледное, *доброе молодое* лицо»), но место Ростова — не с теми, кто составляет народную стихию или сближается с ней.

- **Какое чувство охватывает нас, когда мы читаем о раненом Ростове?** - Чувство жалости к нему. А ведь мы только что говорили о том, что он достиг почти презрения. В том-то и дело, что отношение к Ростову сложное: как участник сражения, готовый рубить налево и направо, пока опасность не угрожает лично ему, он вызывает у нас презрение. Но вот он, раненный, сидит на лафете, у него болит рука, в голове прыгают красные круги, и он вспоминает «русскую зиму с тёплым, светлым домом, пушистую шубой, быстрыми санями, здоровым телом и всею любовью и заботой семьи», - и мы его жалеем оттого, что он попал в тяжёлую переделку и чувствует себя бесконечно одиноким. Нет, не здесь, не на войне он должен быть. Он не создан для убийств. «И зачем я пошёл сюда!» - это недоуменное восклицание Ростова звучит в конце второй части. Эта мысль - мостик к третьей части.

Что же происходит там, где нет крови, нет убийств, действительно ли там - мир?

Г. Н. Фейн

Анализ романа Л. Н. Толстого

«Война и мир»

Том I Часть третья

Начальные главы третьей части - развитие первой части романа, темы светского общества. В первой части Толстой, по сути, довольно полно выразил своё отношение к нему, но там свет выглядел безобидным. Правда, попытка похищения мозаичного портфеля уже

показала, что люди света, вроде князя Василия, способны на все, в том числе и на преступление. Но ведь, как мы помним, князь Василий все-таки раскаялся, уже потерпев поражение. Однако оказывается...

- **Какую цель поставил перед собой князь Василий, когда Пьер разбогател?** — «...Князь Василий делал все, что было нужно для того, чтобы женить Пьера на своей дочери».

— **Был ли этот план заранее обдуман?** — Нет, «князь Василий не обдумывал своих планов». — Почему же он начал «охотиться» за Пьером? — «*Инстинкт* подсказывал ему», что так надо делать. Этим словом Толстой сближает князя Василия со зверем, с хищником. *Инстинкт* подсказал князю Василию две жертвы, с помощью которых он мог бы разбогатеть: Пьера и княжну Марью. Начинается охота. Пьер, в сущности, попадает в положение Николая Ростова в Шенграбенском сражении. Он тоже заяц, убегающий от собак, с той лишь разницей, что Николаю удалось убежать от «собак» — французов, а на Пьера набросилась свора светских собак с князем Василием во главе.

— **Как князю Василию удалось женить Пьера на Элен?** — Кажется, что дело это удалось князю Василию необъяснимо легко. Но надо понять характеры сторон. Мы уже говорили о том, что в свете все лживо, все «кажется», а не «есть». Нужно было быть князем Андреем, чтобы понять суть и отделить ее от формы. Пьер же наивен и неопытен. То, что ему и другим *кажется*, он принимает за истину, за подлинное *чувство*.

- **Что увидел Пьер, став богачом, в отношении к нему людей?** — Он почувствовал себя «центром какого-то важного движения». Ему «казалось, что все его любят». — Как чувствовал себя Пьер в обществе Анны Павловны раньше и как теперь, после того как разбогател? — «Прежде Пьер в присутствии Анны Павловны постоянно чувствовал, что то, что он говорит, неприлично, бестактно, не то, что нужно; что речи его, кажущиеся ему умными, пока он готовит их в своем воображении, делаются глупыми, как скоро он их громко выговорит, и что, напротив, самые тупые речи Ипполита выходят умными и милыми. Теперь все, что ни говорил он, все выходило *charmant*». «Такова власть денег, что тупой становится умным, а умный — глупым, если за умом — бедность, а за глупостью — богатство. Такова мораль собственнического общества. И ум Пьера, и тупость Ипполита уравниваются в глазах света, когда уравнивается их богатство. Не так-то легко Пьеру понять, что только его имения сделали его умным и красивым в глазах пустого светского общества».
- **Каково отношение Пьера к Элен? Какое чувство вызывала в нем Элен?** — «Что-то гадкое есть в том чувстве, которое она возбудила во мне, что-то запрещенное». Но она была страшно близка ему. Она имела уже власть над ним. «И между ним и ею не было никаких преград, кроме преград его собственной воли».

— **Что же удерживало Пьера от решительного шага?** — «Пьер принадлежал к числу тех людей, которые сильны только тогда, когда они чувствуют себя *вполне чистыми*». Вот это качество Пьера и отделяет его резко от общества Курагиных и Шерер, которым незнаком этот нравственный критерий. В красоте Элен не было того возвышающего душу начала, которое свойственно красоте человека и заставляет в нем восторге смотреть на статую Венеры Милосской. Но любопытно, что, подчеркивая низость светского общества, Толстой утверждает, что хотя тяготение Пьера и Элен друг к другу было чисто животного характера, в их отношениях было больше человечности, чем в интересах этого общества. «Среди тех ничтожно-мелких, искусственных интересов, которые связывали это общество, попало простое чувство стремления красивых и здоровых молодых мужчины и женщины друг к другу. И это человеческое чувство подавило все и парило над всем их искусственным лепетом».

- **Расскажите сцену объяснения Пьера и Элен.** — Удивляет полное отсутствие одухотворенности в Элен. Элен «*грубым* движеньем головы перехватила его губы и *свела* их со своими. Лицо ее поразило Пьера своим изменившимся, неприятно-растерянным выражением». Лицо светской красавицы становится неприятным, когда она впервые целует будущего мужа.

Так победой сил зла заканчивается столкновение нравственного, но пассивного начала, заложенного в Пьере, с активным хищничеством семейства Курагиных.

В главах III—V продолжается эта борьба двух начал, и опять красота телесная (Анатоль) противостоит красоте нравственной (княжна Марья). Толстому важно выяснить, в чем истинная прелесть женщины. Только что читатель брезгливо, даже с отвращением смотрел на красавицу Элен. Грудь, спина, оголенная по последней моде, «тепло ее тела, запах духов и скрип ее корсета» — вот что составляет Элен. Глаза, лицо — вне поля зрения художника, когда же он обращает внимание на лицо Элен, то вместе с Пьером поражается тому, сколь оно неприятно.

— **А как Толстой описывает внешность княжны Марьи?** — «Нехорошо было не платье, но лицо и вся фигура княжны... Как ни видоизменяли раму и украшение этого лица, само лицо оставалось жалко и некрасиво». И вдруг крупным планом — деталь: «*большие прекрасные глаза, полные слез и мысли*». Эта мысль, эти слезы делают княжну прекрасной той нравственной красотой, какой нет ни у Элен, ни у маленькой княгини, наиболее яркая черта которой — «губка с усиками», ни у Бурьен с ее хорошеньким лицом.

— **Какие, же чувства отражались в прекрасных глазах княжны Марьи?** — В душе ее — два начала: языческое и христианское. Мечта о радости земной любви к мужу, о ребенке, «какого она видела вчера у дочери кормилицы», — и мысли о боге, опасение, что все это — искушение дьявола.

Далее Толстой рисует Анатоля в восприятии всех присутствующих.

— **Каким видят его княжна Марья, Бурьен, старик Болконский?** — «Когда она (княжна Марья) взглянула на него, красота его поразила ее»; «Он ей казался добр, храбр, решителен, мужественен и великодушен» (опять это обманчивое «казался»). «М-11е Bourienne давно ждала того русского князя, который сразу сумеет оценить ее превосходство над русскими, дурными, дурно одетыми, неловкими княжнами, влюбится в нее и увезет ее; и вот этот русский князь, наконец, приехал». Любопытно, что эти представления об Анатоле (как Бурьен, так и княжны Марьи) не были следствием долгого знакомства с ним: обе отталкивались от шаблонного представления об образе прекрасного молодого человека (сравните сведения горничной Маши «о том, какой румяный чернобровый красавец был министерский сын, и о том, как он, как орел,.. пробежал» за отцом). И разочарование княжны Марьи чем-то сродни разочарованию князя Андрея в облике полководца, созданном его воображением на основе литературного стандарта.

Мудрый старик Болконский учиняет допрос возможному зятю. Два-три вопроса — и Анатоль как на ладони. Человек, кровно связанный с лучшими традициями суворовской армии, в ответ на свой вопрос: «Что ж, хотите, мой милый, послужить царю и отечеству?.. Что ж, во фронте» — слышит: «Нет, князь. Полк наш выступил. А я числюсь... При чем я числюсь, папа?» Старик все замечает. Перед сном он думает: «...И разве я не вижу, что этот *дурень* смотрит только на Бурьенку... Надо ей (княжне Марье) показать, что этот *болван* об ней и не думает...»

Но лучше всех знает Анатоля, конечно же, сам Толстой. И Толстой (что возмущало Тургенева) не *боится* давать прямые авторские оценки героев.

— **Какую же оценку уже сейчас дает Анатолю автор?** — Мы еще не видим Анатоля в действии, но Толстой предупреждает нас: «На всю жизнь свою он смотрел как на непрерывное увеселение, которое кто-то, почему-то обязался устроить для него». И дальше: «Анатоль был не находчив, не быстр и не красноречив в разговорах»; он попросту неумен, ординарен, но это не заставляет его отказаться от своих претензий. А главное — Толстой показывает, как с приездом Анатоля вошло в дом Болконских нечто чуждое этой семье, но очень характерное для семьи Курагиных: животное, безнравственное начало. Анатоль «начинал испытывать... к Bourienne то страстное, *зверское* чувство, которое на него находило с чрезвычайной быстротой и побуждало его к самым *грубым* и смелым поступкам». Когда княжна Марья увидела, как Анатоль обнимает француженку, он с «*страшным* выражением оглянулся» на нее. (Даже маленькая княгиня в присутствии Анатоля, «как старая полковая *лошадь*», готовится к привычному галопу кокетства.) Княжна Марья принимает это выражение за проявление несдерживаемого большого чувства Анатоля к Бурьен, и в ней вновь просыпается жажда христианского самопожертвования.

— **Что думает после этого княжна Марья о своем призвании?** — «Мое призвание — быть счастливою другим счастьем, счастьем любви и самопожертвования. И него бы это мне ни стоило, я сделаю счастье бедной Амели». Христианское начало торжествует в Марье, но эта чистая, благородная душа жертвует собой, принимая за святую, все оправдывающую любовь пошленькие ощущения светского донжуана.

— **А как же тот мир, о котором вспоминает с тоской раненый Николай Ростов?** Этот мир, действительно, живет только им. Соня, прочитав письмо от Николая, счастлива, Петя горд за своего брата. Какими-то таинственными нитями привязаны члены этой семьи друг к другу. И никакие соображения, доводы рассудка не могут, по мысли Толстого, сравниться с этим интуитивным чувством кровного родства. Вот графиня Вера тоже слушает чтение письма от Николая.

— **Какая же «справедливая» мысль приходит ей в голову?** — «О чем же вы плачете, мама?—сказала Вера.— По всему, что он пишет, *надо* радоваться, а не плакать». — Это *надо* чуждо и Ростовым, и самому Толстому. Ничего не *надо* делать, руководствуясь холодными соображениями: пусть чувство, непосредственное чувство радости и любви, прорывается беспрепятственно наружу и соединит всех людей в одну семью. Когда человек все делает по расчету, заранее обдумывая каждый свой шаг, он вырывается из роевой жизни, отчуждается от общего, ибо расчет эгоистичен по своей сути, а роднит людей, тянет их друг к другу интуитивное чувство. Не случайно мысль Толстого от столкновения Вериного благоразумия с ростовской сердечностью переходит к спору Бориса и Берга с Николаем о карьере.

Когда мы встречаемся с Бергом в заграничном походе, он отдельными чертами напоминает нам знакомого героя другого произведения, созданного как раз в эпоху действия романа.

— **Благодаря чему Берг сумел устроить выгодно свои экономические дела?** — Он «успел своей *исполнительностью и аккуратностью* заслужить доверие начальства». Вспоминаем: «Нет-с, свой талант у всех». — «У вас?» — «Два-с: *умеренность и аккуратность*».

— **Как Бергу удалось успокоить разгневанного великого князя?** — Он молчал, когда великий князь «пушил» его. Вспомним:

Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел;

При батюшке три года служит,

Тот часто без толку сердит,

А он *безмолвием* его обезоружит.

Молчалину повезло. Он перекочевал в очерк Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности» и преобразился в Берга в «Войне и мире».

— **Но только ли у Берга черты Молчалина? Как решил служить Борис?** — Он «решился служить... по... неписаной субординации», той, «которая заставляла... затаенного с багровым лицом генерала почтительно дожидаться» капитана, потому что капитан *si tot* «для своего удовольствия находил более удобным разговаривать с прапорщиком...» Здесь та же служба не делу, а лицам, тем, кто может быть тебе полезен, чья благосклонность сулит выгоды.

— **Как отнесся Ростов к рекомендательному письму, которое ему передал Борис Друбецкой?** — Он не хочет им воспользоваться и бросает его под стол: «Черта ли мне в письме!» А Борис, так же как Вера, очень рассудительно и справедливо возражает: «...Раз пойдя по карьере военной службы, надо стараться делать, коль возможно, блестящую карьеру». В свидании Николая и Бориса проявилось это различие в мироощущении человека ростовской породы и карьериста.

Какие бы недостатки ни были у Ростова, человек в нем жив. В том-то и отличие Николая от светских трутней: пусть он довольно ограниченный, пусть в нем много гусарства, но у него все идет от души. Поэтому-то и не раздражает, нас новая любовь, возникшая у Николая в армии.

— **В кого же и как он влюбился?** — Он влюбился в царя, влюбился как в девушку. Он испытывает к царю нежность, ему хочется плакать, все в Александре ему кажется «обво- рожительным». По мере приближения царя Николай, не видя его, чувствовал это по тому, как «светлее, радостнее и значительнее и праздничнее делалось вокруг него». Увидев государя, Николай чувствует себя, «как любовник, дождавшийся ожидаемого свидания». Для понимания характера Николая Ростова эта влюбленность дает очень многое. В этой любви Ростова к Царю совершенно отсутствует момент анализа. Он не спрашивает себя, *почему* он влюблен. Ростов вообще никогда не задает себе вопросов «почему?», «зачем?». И здесь его сила и его слабость.

Д. И. Писарев, сравнивая Ростова с Друбецким, замечает: «Борис не становится ни к кому **в** восторженно-подобострастное отношение. Он всегда готов тонко и прилично льстить тому человеку, из которого он так или иначе надеется сделать себе дойную корову... Он может стремиться только к выгодам, а не к идеалу. У Ростова, напротив того, идеалы, кумиры и авторитеты, как грибы, на каждом шагу вырастают... Веровать и любить слепо, страстно, беспредельно...— это неистребимая потребность его кипучей природы».

Но этот вопрос — почему?— ставит Толстой. Достоин ли Александр такого обожествления? Толстой не даёт прямого ответа на этот вопрос, однако это не значит, что он избегает выразить свое непосредственное отношение к царю. Он раскрывает это отношение постепенно, разоблачая своего героя изнутри, отталкиваясь от внешнего облика монарха, вызывающего как будто симпатию, и показывая пустоту и ничтожность внутреннего мира героя. Краски на этот образ ложатся так, что у читателя появляется презрение, а не симпатия к герою. Это достигается подбором деталей, подтекстом повествования.

— **Расскажите сцену встречи Александра с раненым солдатом на площади в Вишау.**— Государь восседает на «англизированной кобыле» (вспомним штаб-офицера тоже на англизированной кобыле), он смотрит на раненого, «*грациозным жестом держа золотой лорнет у глаза*». У солдата «*окровавленная голова*». С одной стороны — золото, грация, с другой — кровь. На глазах у императора слезы, он, «видимо, более страдал, чем умирающий солдат». Вот Александр говорит: «Какая ужасная вещь война, какая ужасная вещь!»

А вспомним, какое лицо у него в эти дни, перед сражением при Аустерлице.— «Прекрасное, молодое, *счастливое*»; «Оно сияло такой *веселостью* и молодостью... что напоминало ребяческую четырнадцатилетнюю *резвость*». Не видно, чтобы война ощущалась им как «ужасная вещь». **Возникает подозрение: не играет ли этот резвый мальчик в войну, в солдатиков?** Ведь войну-то затеял и он, а теперь вдруг: «Какая ужасная вещь война!»

Читая о переживаниях Николая, о впечатлении, которое на него произвел император, мы начинаем чувствовать, что только что, за несколько страниц до этого, в этой же части, уже читали нечто подобное. «...Когда она (княжна Марья) взглянула на него (Анатоля), красота его поразила ее». — «Когда государь приблизился... и Николай ясно, во всех подробностях, рассмотрел *прекрасное*, молодое и счастливое лицо императора, он испытывал чувство нежности и восторга»; княжна Марья «не могла видеть его (Анатоля), она видела что-то большое, яркое и *прекрасное*». Вряд ли Толстой намеренно строил эту параллель. Просто он видел Александра и Анатоля каким-то одним зрением. И, конечно, это сравнение Александра с Анатодем не лестно для императора. Любопытна и некоторая общность в восприятии людей княжной Марьей и Николаем Ростовым — будущими мужем и женой. Так император Александр попадает в одну компанию с Анатодем, с Жерковым, а Николай Ростов какими-то нитями связывается с княжной Марьей.

Все ставится на свои места, все соответствует композиционной основе романа — четкой антитезе между народным и антинародным, всегда внутренне близким императору. И если по этому поводу могут остаться сомнения, то они развеиваются Толстым в тех главах, где он изображает Аустерлицкое сражение.

Аустерлицкое сражение — завершающий аккорд первого тома. Многие идейные узлы, завязанные Толстым в первом томе, распутываются. Вместе с князем Андреем мы видим, как ничтожество раскрывает себя до конца. Но вместе с тем нам предстоит еще понять истинное величие. Потому-то Аустерлиц — не только завершение, но и начало.

«Ничего, ничего нет верного,— думает князь Андрей,— кроме ничтожества всего того, что мне понятно, и величия чего-то непонятно, но важнеего!»

— Какие две точки зрения на предстоящее сражение были у командования русских войск и какая из них восторжествовала?— Точка зрения «молодых» с Александром во главе: напасть на Наполеона и в решающем сражении разбить его — и точка зрения Кутузова: отступить или подождать подкреплений из России. Восторжествовала точка зрения императора, и утвержден был план австрийского генерала Вейротера.

— В чем был главный порок диспозиции Вейротера?— Она строилась на предположении, что положение неприятеля известно, «тогда как положение это может быть... неизвестно, так как неприятель находится в движении».

— Какой результат сражения предсказал Кутузов? — «Я думаю, что сражение будет проиграно...».

— Как вел себя Кутузов при обсуждении диспозиции Вейротера? Почему он не считал нужным высказаться, выдвинуть свой план? — Кутузов спал. Он считал, что любой план по сравнению с планом Вейротера «имел тот недостаток, что план Вейротера уже был одобрен», а в пользу какого бы то ни было плана в сложившейся ситуации Кутузов не верил.

— Как вел себя на обсуждении своей диспозиции Вейротер? — Крайне самоуверенно. Ему чуждо то, что называется благородным сомнением. Он слепо верит в надежность своего плана. «Он... был испачкан грязью и имел вид жалкий, измученный, растерянный и вместе с тем самонадеянный и гордый». Гордость его основывалась на том, что его план был утвержден императорами.

Но как только колонны стали «маршировать» по плану, указанному Вейротером, начались «беспорядок и бестолковщина».

— Какое настроение сразу возникло в армии?— В армии еще до начала сражения распространилось убеждение, что оно будет проиграно.

— Как называет Толстой русско-австрийскую армию? — «...Толпы бежали назад»; «войска бежали густой толпой»; «выбравшись из толпы бегущих, князь Андрей увидел французов».

— В каких природных условиях велось сражение?— Все передвижение русских войск, а затем и битва проходили в густом тумане. «Туман был так силен, что, несмотря на то что рассветало, не видно было в десяти шагах перед собой»; «в густом тумане, не видя ничего впереди и кругом, русские лениво и медленно перестреливались с неприятелем»; «туман сплошным морем расстился по низу». И этот туман был разлит не только в природе,— туманными, неясными были планы Вейротера, распоряжения командиров. Когда князь Андрей пытался выяснить сущность плана Вейротера, «князь Долгоруков быстро и неясно рассказал план флангового движения». Сам Вейротер «говорил быстро, неясно, не глядя в лицо собеседника, не отвечая на делаемые ему вопросы».

— Кто же расплачивался за бездарность Вейротера и императоров? — Солдаты и офицеры действующей армии. Вот Ростов узнает, что из «всей... массы огромных красавцев-людей (кавалергардов.— Г. Ф.)... после стычки осталось только осьмнадцать человек». Потом он увидел, что «на поле, как копны на хорошей пашне, лежало человек 10—15 убитых, раненых на каждой десятой месте». «На узкой плотине... под лошадьми и между колес толпились обезображенные страхом смерти люди, давя друг друга, умирая, шагая через умирающих и убивая друг друга для того только, чтобы, пройдя несколько шагов, быть точно так же убитыми». Весь этот ад возник по вине человека с «прекрасным счастливым лицом» и «ласковым голосом».

— Как же выглядит Александр после поражения? — «Государь был бледен, щеки его впали и глаза ввалились»; «заплакав», он «закрыв глаза рукой». И надо было быть влюбленным Ростовым, чтобы при этом в чертах этого жалкого человека увидеть «тем больше прелести, кротости».

— А каково было настроение Кутузова перед Аустерлицким сражением и в разгар его? Интересно сравнить настроение Кутузова и его штаба перед сражением с настроением

Александра и его приближенных.— У Кутузова «злое и едкое выражение лица», он «желчно смеется». Вот приближается император со свитой: «Как будто через растворенное окно вдруг пахнуло свежим полевым воздухом в душную комнату, так пахнуло на невеселый кутузовский штаб молодостью, энергией и уверенностью в успехе от этой прискакавшей блестящей молодежи». Два восприятия предстоящей битвы: одно — легкое, радостное; другое — мрачное, даже брюзгливое. В свете последующих событий становится ясной авторская мысль, его отношение к тому и другому лагерю: легкомыслие императора граничит с преступлением; Кутузов же испытывает неподдельное горе, думая о людях, которые должны погибнуть, о русской армии, ожидающем ее позоре.

Но ложные отношения приводят к тому, что мальчишка-император учит умудренного опытом старика Кутузова. Не только деньги — мерило человеческой ценности, но и положение.— Какая стычка произошла между Кутузовым и Александром?

«— Что ж вы не начинаете, Михаил Ларионович?

- ...Поджидаю, ваше величество... Не все колонны еще собрались, ваше величество...
- Ведь мы не на Царицыном лугу, Михаил Ларионович, где не начинают парада, пока не придут все полки...
- Потому и не начинаю, государь, что мы не на па раде и не на Царицыном лугу...»

Обратим внимание на то, как меняется в течение разговора весь облик Кутузова, как меняются интонации его речи.— Кутузов, услышав приближение императора, *сморщившись*, оглянулся. Когда император подъезжает к нему, «вся его фигура и манера изменилась. Он принял вид подначальственного, *нерассуждающего* человека». Когда начался спор, Кутузов *почтительно* наклонился вперед; спор разгорается, и «у Кутузова неестественно дрогнула верхняя губа, в то время как он говорил... «поджидаю» (старик теряет власть над собой). И наконец, он говорит резким, «звучным голосом... как бы предупреждая возможность не быть расслышанным, и в лице его еще раз что-то дрогнуло». Но Кутузов понял: нет смысла спорить — бесполезно. И — «Впрочем, если прикажете, ваше величество,— сказал Кутузов, поднимая голову и снова изменяя тон на прежний тон тупого, нерассуждающего, но повинующегося генерала».

Так впервые столкнулись представители двух стихий. На стороне одного — истина субординации, истина сама по себе мертвая и ведущая в данном случае к убийствам, но истина господствующая; на другой стороне — правда человеческая, правда сердца и ума, но правда подчиняющаяся, подавленная. А потому Кутузову остается только страдать. «Что делают! Что делают!» — бормочет про себя Кутузов, видя путаницу, возникшую перед началом сражения. Когда все пошло так, как он предсказывал, он уже не может сдержать своего горя: «О-оох! — с *выражением отчаяния* промычал Кутузов и оглянулся.— Болконский,— прошептал он дрожащим от своего старческого бессилия голосом.— Болконский,— прошептал он, указывая на расстроенный батальон и неприятеля,— что ж это?»

Так воспринимают события люди, облеченные властью. Мы выяснили, что делали, что чувствовали, как выглядели, какое место в событиях занимали Александр и Кутузов. Перед нами раскрылись ничтожество, лицемерие одного и старческая мудрость другого.

— **А Наполеон? Его место в событиях, его восприятие их перед началом боя и после победы?** — Мысль Толстого, анализирующая и объединяющая, видит внутреннее сходство между Наполеоном и Александром. «На... лице его был тот особый оттенок... заслуженного счастья, который бывает на лице влюбленного и счастливого мальчика». Вспомним: лицо Александра «сияло такой веселостью и молодостью... что напоминало ребяческую 14-летнюю резвость». Врагов роднит главное — ребяческое легкомыслие в отношении к людям, к народу. Как много смысла вкладывает Толстой в условное обращение Наполеона в письме к Александру: «Государь, *брат мой*». Да, они братья по духу и по делу,— они строят свое счастье на несчастье других. Князь Андрей видит «ограниченный и счастливый от несчастья других взгляд» Наполеона.

Так обнаруживается главнейшая мысль первого тома — мысль о ничтожестве тех, кто живет собой, своим счастьем, построенным на несчастье других. Эта нравственная, а точнее, глубоко безнравственная суть роднит Наполеона с Александром, с князем

Василием и его чадами. Убеждение в этом разовьется в Толстом впоследствии до страстного отрицания права на жизнь всех эксплуататоров.

Когда Толстой начинал работу над романом, он решил: «...не Наполеон и Александр, не Кутузов и Талейран будут моими героями, я буду писать историю людей более свободных, чем государственные люди». В окончательном тексте Толстой делает героями и государственных деятелей, и частных лиц. Его интересуют различие и общность в мироощущении тех, кто вершит судьбами людей, и самих этих людей.

— **Как воспринимают войну, кровь, смерть одних и тщеславную радость других те «свободные частные лица», о которых собирался писать Толстой?** Ведь по мысли Толстого, именно благодаря тому, что эти люди свободны, им легче свободно же оценивать жизненные явления.

— Воплощением толстовских исканий смысла жизни является Андрей Болконский. В небольшой период времени — в один день Аустерлицкого сражения — происходит в нем перелом; в этот день — и высший взлет князя Андрея, и первое глубочайшее разочарование его (его презрение к свету мы не можем назвать «разочарованием», поскольку Толстой не показал, был ли князь Андрей «очарован» им).

— **Чего ждал князь Андрей от предстоящего сражения?** — «Завтра же, может быть, — даже наверное завтра, я это предчувствую, — в первый раз мне придется, наконец, показать все то, что я могу сделать»; «И вот та *счастливая* минута, тот Тулон, которого так долго ждал он, наконец представляется ему...» Тулон — путь к славе, к торжеству над людьми. В этот момент Андрей становится в мыслях своих на тот путь, который приводит людей, проникнутых бессознательным чувством единения с общим, к разрыву с этим общим. Князь Андрей хочет стать *над людьми*. Мечта о славе жила в юности и в душе писателя. Расставание с этой мечтой отразилось на страницах «Войны и мира». (Толстой в дневнике 1851 года, обличая себя в разных грехах, чаще всего упоминает «тщеславие»). Желание прославиться владело Толстым в первые годы после того, как он оставил университет. На Кавказе он уже записывает в дневнике: «Все меня мучит жажда... не славы — славы я не хочу и презираю ее, а принимать большое влияние в счастье и пользе людей»)

— **Что становится для князя Андрея самым важным накануне Аустерлица?** — «...Хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими... одного этого я хочу, для одного этого я живу».

— **Чувствует ли Андрей Болконский свой отрыв от людей?** — Да, он чувствует, что то, что *для него* важно, другим безразлично. Он мечтает о славе и слышит в это время разговор кутузовского кучера с поваром:

«— Тит, а Тит?

- Ну, — отвечал старик.
- Тит, ступай молотить, — говорил шутник.
- Тьфу, ну те к черту, — раздавался голос, покрываемый хохотом денщиков и слуг».

У этих людей совсем другая жизнь, и полюбить его, князя Андрея, они не смогут: к разным мирам они принадлежат. У него свой, личный мир; их мир, их жизнь — нечто непонятное и чуждое ему. «И все-таки я люблю и дорожу только торжеством над всеми ими, дорожу этой таинственной силой и славой, которая вот тут надо мной носится в этом тумане». Князь Андрей в первый раз сближается с тем миром, который олицетворяет собой Наполеон. В это же время на высоте при деревне Шлапаниц стоял Наполеон и тоже, глядя на солнце, выплывающее из этого же тумана, видел, как оно осветит поле его торжества. И он тоже не думал о том, что его торжество будет следствием страданий и гибели людей. Наполеоновское начало, как яд, проникло в кровь князя Андрея.

Мы все глядим в Наполеоны;

Двуногих тварей миллионы

Для нас орудие одно...

И вот эта минута настала.

— **Прочитаем главку XVI третьей части первого тома.**— Да, князь Андрей несомненно проявил здесь героизм. «Вот оно! — думал князь Андрей, охватив древко знамени и с *наслаждением* слыша свист пуль, очевидно, направленных именно против него». Слава достается нелегко, и в этом тоже ее сладость.

— **Обратим внимание на внешнее и внутреннее движение и торможение.**— Князь Андрей стремится к славе, он рвется к ней. Схватив знамя, он *«побежал»* вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон *побежит* за ним. Действительно, он *пробежал* один только несколько шагов. Тронулся один, другой солдат, и весь батальон с криком *«ура!»* *побежал* вперед и *обогнал* его... Одни дрались, другие бросали пушки и *бежали* к нему навстречу». Все это движение соответствует внутреннему порыву князя Андрея. Но как раньше его мечты о славе притормаживались разговором кучера с поваром Титом, так и здесь он вдруг видит не все поле, а одну фигуру рыжего безоружного артиллериста, который дерется с французом. «Что они делают? — думал князь Андрей, глядя на них.

— **Зачем не бежит рыжий артиллерист, когда у него нет оружия?»** И он, раненный, уже чувствует, что и сам не может бежать. «Что это? я падаю? у меня ноги подкашиваются», — подумал он и упал на спину». С этим прекращением внешнего движения резко останавливается порыв его к славе. Он видит небо. И, — по контрасту с прежним стремительным движением: «Как тихо, *спокойно* и торжественно, *совсем не так, как я бежал*, — подумал князь Андрей, — *не так, как мы бежали*, кричали и дрались...»

В повествование вновь врывается небо. Оно заполняет взор князя Андрея, и в этом взоре уже нет места земным страстям. «Да, все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба...»

— **Что же включает князь Андрей в это «все»?** Случайно ли он пришел к выводу о тщете мирских страстей? — Нет, Толстой мастерски подводил своего героя к этому выводу. То, что накапливалось в его сознании в эти месяцы войны, получает теперь ясную форму: князь Андрей наконец осознал страшную противоположность между суетой, ложью, борьбой тщеславий, притворством, озлоблением, страхом, царящими на этой бессмысленной войне, и спокойным величием «бесконечного неба». Он приходит к отрицанию войны, военного дела, политики. Лживость всего этого ему абсолютно ясна (вспомним: «ничтожество всего того, что мне понятно»), но где же правда, где величие — он не знает, хотя, как ему кажется, чувствует «величие чего-то непонятного, но важнее».

Эти мысли князя Андрея — вывод не только его самого и не только из исканий его на первом этапе развития, но и вывод Толстого из всего первого тома.

Назревают те острые противоречия великого художника, о которых говорит Ленин: уже теперь, до идейного перелома, к которому шел Толстой и к которому готовила его и работа над «Войной и миром», «борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики».

Вместе с тем важно, что Толстой подводит своего героя к мысли о ничтожности стремления к личному счастью, если оно, это счастье, не связано с чем-то большим, общим, «с небом».

И, наконец, увидишь ты,

Что счастья и не надо было,

Что сей несбыточной мечты

И на полжизни не хватило,

Что через край перелилась

Восторга творческого чаша,

И все уж не мое, а наше,

И с миром утвердилась связь —

И только с нежною улыбкой

Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастьем привыкли звать!
А. Блок

Том 2

Анализ романа Л. Н. Толстого «Война и мир»

Том II Часть первая

Итак, князь Андрей расстался с мечтой о славе; он понял, как ничтожно то, что он считал великим, и как величественно то, чего он раньше не замечал.

— **Вспомним, почему Наполеон стал вдруг противен князю Андрею.**— Наполеон был «счастлив от несчастья других».

— **Что представилось князю Андрею в хаосе его горячечных мечтаний?**— «...Тихая жизнь и спокойное семейное счастье в Лысых Горах представлялись ему».

А возможны ли тихая жизнь и спокойное семейное счастье в мире, раздираемом корыстью и злобой, завистью и борьбой честолюбий? Мы открываем второй том. Здесь ответ на наш вопрос. Толстой покидает театр военных действий, где гибель людей составляет счастье завоевателей, наполеонов. Второй том — единственный во всем романе, где не изображается война единственный, казалось бы, абсолютно «мирный» том.

— **С чего начинается первая часть второго тома?** — С описания приезда Николая Ростова домой после войны.

— **Каким желанием охвачен Николай?**— Быстрей, быстрей домой, туда, куда стремился он все последние месяцы и дни.

— **Вам самим никогда не приходилось возвращаться после разлуки со всем, что близко и дорого? Что удалось Толстому «подсмотреть», «подслушать» в ваших чувствах?** — Вот это нетерпение. «Скоро ли? Скоро ли? О эти несносные улицы, лавки, калачи, фонари, извозчики!» И радость узнавания вещей, с которыми что-то было связано в детстве. Вот «карниз с отбитой штукатуркой»; «все та же дверная ручка замка, за нечистоту которой сердилась графиня, так же слабо отворялась»; «те же ломберные столы, та же люстра в чехле». И счастье любви, особенно глубоко ощущаемое в минуты встречи после разлуки, любви всех к одному тебе. Не случайно Толстой, описывая встречу Николая, сначала даже не называет тех, кто выбежал к нему. «*Что-то* стремительно, как буря, вылетело из боковой двери и обняло и стало целовать его». Мы-то уже знаем, кто в семействе Ростовых стремителен, как буря. Конечно, это Наташа. А потом: «Еще другое, третье такое же существо выскочило из другой, третьей двери...»

— **Какие чувства господствовали в этот миг?** — Радость, счастье.

— **Описывает ли Толстой подробно облик встречающих?** — Нет, он только через детали передает настроение: «блестящие слезами радости любящие глаза», «губы, искавшие поцелуя».

— **Кто наиболее бурно выражал свои чувства?** — Наташа. Она «прыгала как коза», «пронзительно визжала»; «подскочила к Денисову, обняла и поцеловала его». В искусстве такая манера письма называется импрессионистской. Художник не описывает подробно объект изображения, а передает что-то основное, что должно сообщить читателю или зрителю настроение, которое возникает у художника, когда он наблюдает тот или иной случай, того или иного человека. Все семейство Ростовых — это любовь. Наташа — это движение, это искрящаяся бурная радость.

— **Почему Наташа все время смеется?** — Она смеялась «не потому, чтобы было смешно то, что... говорили, но потому, что ей было весело и она не в силах была удерживать своей радости, выражавшейся смехом». Любовь к жизни, умение всем своим существом отдаваться радости — это счастье избранных натур, таких, как Наташа.

- **Как подействовала на Николая вся эта атмосфера любви?** — «...На душе его и на лице распускалась та *детская* улыбка, которою он ни разу не улыбался с тех пор, как выехал из дома». Детское для Толстого всегда синоним чистого, истинно человеческого. Война и детскость несовместимы. Поэтому-то Николай Ростов «в первый раз через полтора года» улыбался такой детской улыбкой. И это не только улыбка лица, это и «улыбка души».
- **Как доказала Наташа свою любовь к Соне и как Николай отнесся к подобному способу доказательства любви?** — «...Он понимал и не удивлялся этому». Тонко развитое чувство, умение понимать внутренние стимулы поступков близкого человека — свойство Ростовых и вообще любимых толстовских героев. Вспомните, как Левин в «Анне Карениной» объясняется в любви Кити. По первым буквам, составляющим фразу, Кити поняла, что хотел сказать ей Левин. — Чем пошлее герой, тем в меньшей степени дано ему понимать душевное состояние людей. Вспомните, как встретились Николай с Соней и что при этом заявила Вера. — Николай «поцеловал ее руку и назвал ее *вы* — *Соня*. Но глаза их, встретившись, сказали друг другу «ты» и нежно поцеловались». «Как, однако, странно, — сказала Вера... — что Соня с Николенькой теперь встретились на «вы» и как чужие». Для Веры «вы» Николая, обращенное к Соне, говорит о том, что они стали чужими; речи глаз для Веры, живущей только рассудком, не существует.
- **Какой образ жизни начал вести молодой Ростов в Москве? В чем он видел смысл жизни, в чем чувствовал ее «сладость»?** — Толстой, который так любовно рисовал встречу Николая с семьей, его отношения с матерью, с Наташей, с Соней, теперь с легким презрением повествует о том, как Николай завел «своего собственного рысака и самые модные рейтузы, особенные, каких ни у кого еще в Москве не было, и сапоги, самые модные, с самыми острыми носками», как он превратился в «молодца-гусара».

Ростовское (отзывчивое, чуткое) и гусарское (сливающееся с грубостью, лихостью — со всем тем, что считается достоинствами нерассуждающего вояки) — вот две стороны характера Николая. Какое же начало восторгается? Это мы увидим лишь в конце романа. Уже сейчас ясно отношение Толстого к этим двум сторонам натуры Николая, но пока, вероятно, сам Толстой не знает, чем закончится развитие Ростова, что в нем восторгается. Он, как и Пушкин, «даль свободного романа... сквозь магический кристалл еще неясно различал».

- **Расскажите о приеме, который оказали москвичи Багратиону. Кому было поручено организовать обед и почему?** — Старику Ростову, ибо «редко кто умел так на широкую руку, хлебосольно устроить пир, особенно потому, что редко кто умел и хотел приложить свои деньги, если они понадобятся на устройство пира». Ростовская порода выражается и в этом бескорыстии, в этой широте... Но мы то знаем, за чей счет эта доброта. Да и Толстой знал, что за обед в Английском клубе будут рассчитываться крестьяне. Только в это время, в середине 60-х годов, в сознании его «крестьянский вопрос» не занимал того важного места, как позднее, в 80-

е годы. Как бы между прочим приказывает Илья Андреич своему управляющему: «...Скажи ты в подмосковную и вели ты сейчас нарядить барщину Максимке-садовнику». Правда истории требовала от Толстого, чтобы Илья Андреич это приказал, однако на субъективное отношение художника к старику Ростову это обстоятельство не повлияло. Но дворянское общество как нечто нерасчлененное целое и тогда уже вызывало у Толстого-художника иронию. Как и в начале первого тома, появляются на празднестве в Английском клубе люди-вещи и люди-насекомые.

- **С кем и с чем сравнивает Толстой гостей Английского клуба?** — «...Как пчелы на весеннем пролете, снова ли взад и вперед, сидели, стояли, сходились и расходились... члены и гости клуба (вспомните «Мертвые души»: «Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета...»); «...Разбросанные в разных комнатах гости, как *встряхнутая рожь на лопате*, столпились в одну кучу и остановились в большой гостиной у дверей залы»; «300 человек разместились в столовой по чинам и важности, кто поважнее — поближе к чествуемому гостю: так же естественно, как вода разливается туда глубже, где местность ниже».

Излюбленный прием Толстого — изображение живых-людей в среде людей-вещей.

— **Как чувствовал себя Багратион в Английском клубе?** — «...Ему привычнее и легче было ходить под пулями по вспаханному полю, как он шёл перед Курским полком в Шенграбене». Автоматизму жестов и фраз, определяющему поведение людей света, Толстой противопоставляет «нескладность», «неловкость» Багратиона. «Он шел, не зная куда девать руки, застенчиво и *неловко...*»; Багратион «сказал несколько нескладных, *неловких* слов».

- **Кто еще чувствовал себя чужим в Английском клубе?**— Пьер. «Он, казалось, не видел и не слышал ничего происходящего вокруг него...»

— **О чем думал Пьер? И какое чувство поднималось в его душе?** — Правда ли то, о чем говорили в свете? Правда ли, что жена неверна ему? И «Пьер чувствовал, как что-то *ужасное, безобразное* поднималось в его душе»; «Что-то *страшное и безобразное*, мутившее его... поднялось и овладело им». Если в первом томе свет выглядел еще просто скоплением пустых, неискренних людей, то теперь Толстой показывает, как свет вносит в души чистые и честные нечто безобразное, страшное.

- **Какие два соображения занимали Пьера в ночь перед дуэлью?** — «Виновность его жены... и невинность Долохова, не имевшего никакой причины беречь честь чужого для него человека». Обратим внимание: честь одного человека безразлична другому. Пьер уже понимает, что вряд ли «друзья готовы за честь его принять оковы». Он открывает для себя страшную истину: человеческое общество раздроблено на мелкие эгоистические единицы, и каждый ведет борьбу только за себя.
- **Почему дуэль отвратительна Пьеру?** — «Глупо... глупо! Смерть... ложь...»,— твердил он. Опять на поверхность романа всплывает его основная мысль, которая то таится в нюансах, в подводном течении, то, как в этом случае, выражается абсолютно отчетливо. Напомним: «Правда заключается в братстве людей, люди не должны бороться друг с другом... И все действующие лица [романа] показывают, как человек подходит или отходит от этой правды...» Если правда — в единстве людей, то в их разъединении — ложь. И эту ложь чувствует Пьер.

Эта ложь в крови у Долохова.

— **С каким настроением Долохов идет на дуэль?** — «...С твердым намерением его убить, как можно поскорее и повернее...» — Опишите внешность Долохова. Какие детали в его облике выделяет Толстой? — «Светлые блестящие голубые глаза»; «рот его, как всегда, имел подобие улыбки».

— **Какими еще эпитетами сопровождает Толстой описание глаз Долохова?** — «Прекрасные *наглые* глаза».

— **Каким становится лицо Долохова после ранения?** — «...Губы его дрожали, но все *улыбались*; глаза блестели усилием и злобой последних собранных сил». Все то же «*подобие улыбки*». Значит, Долохов притворяется. Он играет кого-то. Мы чувствуем, что у

Долохова есть и другая суть. И Толстой, которому важно показать, как светское общество уродует людей, показывает нам другого Долохова.

— **Вспомните, с какой новой стороны раскрылся Долохов Николаю Ростову после дуэли.** — Ростов «узнал, что Долохов, этот буян, бретер Долохов, жил в Москве с старушкой-матерью и горбатой сестрой и был самый нежный сын и брат».

Герои Толстого сложны. Даже в худших из них (вспомним князя Василия после смерти Безухова) порой просыпается нечто хорошее, заложенное в каждом человеке. Но мы всегда чувствуем психологическую доминанту. Есть она и в характере Долохова. Ее очень хорошо почувствовал Пьер, хотя и не знал, почему Долохов стал тем, чем он стал.

— **Кого винит Пьер в первую очередь?** — Он обвиняет себя. Он виноват в том, что «сказал эти не выходившие из него слова: «Je vous aime» (Я вас люблю)». Он виноват в том, что не прислушался к внутреннему своему голосу, чистому, единственно честному. Виноват в том, что связал себя с чуждым ему миром.

Итак, снова в повествование, рисующее сцены мирной жизни, ворвалась война. Лишь несколько страниц прочитали мы после эпизода встречи Николая Ростова, возвратившегося с войны, и опять — запах пороха в дуэли Пьера с Долоховым, и опять враждебность людей, ненавидящих и боящихся друг друга.

— **С кем сравнивает Толстой Пьера, увидевшего входившую к нему в кабинет Элен?** — «...Как заяц, окруженный собаками, прижимая уши, продолжает лежать в виду своих врагов, так и он попробовал продолжать читать...» Элен, жена, — враг, потому что она — носительница грубых начал разъединения. И сразу вспоминаешь, что это сравнение («как заяц, окруженный собаками») уже встречалось нам в романе: Николай Ростов бежал от французов «с чувством зайца, убегающего от собак».

— **Как в речи Элен выражается ее грубая сущность? Чем характеризуется язык Элен?**

— Бросается в глаза вульгарность ее выражений. Любопытно, что в светском обществе она обычно молчит и только улыбается; ей нечего сказать. А вот наедине с мужем она использует весь свой лексикон: «Я не какая-нибудь дура... поди сам попробуй... allez vous promener...» (убирайся).

— **Как реагирует Пьер на грубость жены, на ее цинизм?** — «Я тебя убью!» — закричал он...» Вот это «убью» — новая черточка, отражающая атмосферу войны всех со всеми, которая раздирает светское общество.

В чем же человек, по мысли Толстого, может найти утешение? Мы уже говорили, что весь роман «Война и мир» — это гимн человеческому единению. Всякий раз после описания разрушительных начал, таящихся в светском обществе, Толстой обращается к характерам, стремящимся к единению. Толстой подчеркивает, как ничтожно то, что разъединяет людей, и как величественно то, что их объединяет. Людей разъединяют корысть, честолюбие, ревность. Людей объединяют любовь, самопожертвование, смерть близких.

— **Как узнала княжна Марья, что пришло известие о гибели брата?** — «Она по лицу отца... увидела, что вот, вот "над ней повисло и задавит ее страшное несчастье, худшее в жизни... несчастье непоправимое, непостижимое, смерть того, кого любишь».— **Какое чувство поднялось в ней, как оно отразилось на ее лице?** — «...Лицо ее изменилось, и что-то просияло в ее лучистых, прекрасных глазах. Как будто радость, высшая радость, независимая от печалей и радостей этого мира, разлилась сверх той самой печали, которая была в ней».— Казалось бы, как совместить горе и радость? Но вспомните Пушкина: «Мне грустно и легко, печаль моя светла...» **Отчего же эта светлая печаль у княжны Марьи?** — Оттого, что общее горе сближает ее с отцом, с человеком, которого она любит и боится. «Моп рёге,— сказала она.— Не отвертывайтесь от меня, будемте плакать вместе».

— **Поверила ли княжна Марья в гибель брата?** - Нет. В ней жила вера, она «каждую минуту ждала известия о его возвращении». — Пройдет много лет, и уже наш советский поэт скажет: «Не понять не ждавшим им, как среди огня ожиданием своим ты спасла меня». Любовь иногда оказывается сильнее смерти. Толстому очень дорога эта мысль. Любовь и смерть, радость и горе живут в жизни рядом. Живут они рядом и в романе Толстого.

— **Какое таинство называет Толстой «торжественнейшим в мире»?** — Рождение человека. — Какое настроение воцарилось в Лысых Горах, когда так странно слились здесь горе из-за гибели сына и брата и радость, вызванная рождением нового человека? — «...Во всех людях... видна была какая-то *общая* забота, смягченность сердца и сознание чего-то великого, непостижимого, совершающегося в эту минуту».

И наконец — приезд князя Андрея, смерть маленькой княгини. — Давайте прочитаем этот отрывок, один из самых эмоциональных, напряженных и лиричных в романе (от слов «Была одна из тех мартовских ночей, когда зима как будто хочет взять свое...»). Два последних аккорда, завершающих эти музыкальные страницы романа, — слезы князя Андрея и старика Болконского. «Когда он (Андрей. — Г. Ф.) вдруг понял все радостное значение этого крика, слезы задушили его, и он, облокотившись обеими руками на подоконник, всхлипывая, заплакал, как *плачут дети*», И старик Болконский «жесткими руками, как тисками, обхватил шею сына и зарыдал *как ребенок*». Ни князь Василий с чадами, ни Наполеон, ни Берг не показаны плачущими. Они неспособны на глубокие переживания, ибо у них нет тесной связи с людьми. Подлинные горе и радость чужды им. Ведь по мысли Толстого, радости и печали — удел тех, кто способен выйти за пределы своего узкого «я».

Мы уже говорили о яде «наполеонизма», проникшем в душу даже такого человека, как князь Андрей. Но если этот «наполеонизм» был для Андрея «детской болезнью», от которой его излечил ряд «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», то душу других героев разъела эта ржавчина наполеоновского эгоизма.

— **Как относится к людям, например, Долохов?** — «У меня есть обожаемая, неоцененная мать, два-три друга... а на остальных я обращаю внимание только настолько, насколько они полезны или вредны». («Двуногих тварей миллионы для нас орудие одно...»). Образ Долохова сложен. Долохов беден, не знатен, а друзья его, Курагин, Безухов, Ростов, — знатны, денежные, удачливы. За историю с квартирным Долохов разжалован в солдаты, а Безухов прощен. У него горбатая сестра, а сестры Ростова и Анатоля — красавицы. Он всю жизнь ищет женщину «небесной чистоты», а когда находит ее, оказывается, что она влюблена в другого, и этот другой — его друг, Николай Ростов. Долохов не любит Элен (называет ее «продажной тварью»), но связь с Элен доставляет ему возможность посмеяться над богачом Безуховым (вспомните: «За здоровье красивых женщин, Петруша, и их любовников»); в дуэли с Безуховым вылилась вся ненависть плебея к аристократу. Как и в Печорине, свет убил в нем лучшие свойства души. Но если Печорин не дорожит светским обществом, презирает его, то Долохов напрягает все силы, чтобы это общество приняло его как равного. Сначала он играл роль бретера, светского льва, а потом маска стала его лицом. И уже трудно понять, когда он играет: то ли когда он любящий сын, брат и друг, то ли когда он бретер и распутник. Вспомним, что «рот его... всегда имел на себе *подобие* улыбки».

-- **Как определила сущность Долохова Наташа?** — «...У него все назначено, а я этого не люблю». А ведь часто голос Наташи — голос авторский, потому что Наташа — воплощение чуткости и справедливости. Долохову удастся стать своим человеком в среде людей-масок, но его не принимают в свою среду Ростовы, вынесшие ему приговор устами Наташи. И он решает мстить Николаю, тому самому, которого причислял к двум-трем своим настоящим друзьям, для которых будто бы ему было не жаль и жизни.

— **Каким взглядом встретил Долохов Ростова, когда тот пришел к нему в гостиницу? Какое настроение духа было в этот момент у Долохова, в чем оно нашло выражение?** — Ростова встретил взгляд «светлый, холодный». «Из-за улыбки его Ростов увидел в нем то

настроение духа, которое было у него во время обеда в клубе и вообще в те времена, когда, как бы соскучившись ежедневной жизнью, Долохов чувствовал необходимость каким-нибудь странным, большей частью *жестоким*, поступком выходить из нее». В этом тоже сказывается наполеоновское начало в Долохове. Безвестный офицер Бонапарт, «соскучившись ежедневной жизнью», тоже выходил из нее «жестоким поступком». Война — стихия Наполеона, война, уничтожение — стихия и Долохова. «А вот это я люблю», — говорила улыбка Долохова, когда Пьер вызвал его на дуэль. Стихия войны врывается в роман с Долоховым.

— **Вспомним, как идет игра в карты.** — Николая охватывает тот же ряд чувств, ощущений, которые владели им в бою: он «молился богу, как... *молился на поле сражения* на Амштеттенском мосту»; как на войне он чувствовал, что непреодолимая сила толкает его в бой, так и теперь он «почувствовал необходимость взять карту»; он «повинуется» Долохову, боясь и ненавидя его.

— **Какая деталь в облике Долохова неотвратимо притягивала к себе взгляд Ростова?**

— «...Ширококостные, красноватые руки с волосами, видневшимися из-под, рубашки». Волосатые, красные руки эти вырастают в символ чего-то хищного, жадного и неумолимого, как «лучистые глаза» княжны Марьи выражают ее светлую душу, а приподнятая верхняя губка маленькой княгини говорит о слабости и незащищенности этой пустой, но несчастной женщины.

Как и в бою, чувства Николая сумбурны, сложны и противоречивы.

— **Раскройте комплекс переживаний Николая во время игры.** — Тут и надежда на выигрыш, и страх за свою честь в случае проигрыша, и сложная любовь-ненависть к Долохову, и стремление вырваться из этой игры, и мысли об утраченном счастье спокойной семейной жизни, и попытка сохранить невозмутимость, даже когда проигрыш превышает сорок тысяч. В этом умении передать противоречивые, часто взаимоисключающие, но вместе с тем взаимосвязанные чувства проявляется гениальное мастерство толстовского психоанализа.

— **В состоянии полной подавленности покидает Николай Ростов игорный зал. Что выводит его из этого состояния? Как поет Наташа? Может быть, в ее пении есть что-то артистическое?** — Нет, из ее рта «попились звуки...», которые может производить в те же промежутки времени и в те же интервалы всякий, но...» (и это «но» очень важно) — «но которые тысячу раз оставляют вас холодным, в тысячу первый раз заставляют вас содрогаться и плакать». У Наташи еще необработанный голос, но в нем столько непередаваемого словами чувства, «девственной нетронутости», что «нельзя... ничего изменить в этом голосе, не испортив его». Именно непосредственность и сила чувства, по мысли Толстого, важнее всего.

— **Какой рой мыслей поднимается в Николае, когда он слушает пение Наташи?** — «Все это, и несчастье, и деньги, и Долохов, и злоба, и честь — все это вздор... а вот оно настоящее». — Это отрицание мира войны и ненависти миром любви и музыки — стержень романа. Мы забыли, что считаем «мирные» страницы: идет война, порожденная ненавистью и эгоизмом, — но Толстой уверен, что есть в людях что-то лучшее. Это лучшее есть и в душе Ростова. Толстой утверждает имманентность человеческого счастья. Оно «независимо от всего в мире, и выше всего в мире. Какие тут проигрыши, и Долоховы, и честное слово!.. Все вздор!» Это счастье дает в романе Наташа. Та борьба гусарского и ростовского, которая все время идет в Николае, доходит в этот момент до предела: «Ему хотелось бы целовать руки своего отца, на коленях просить его прощения, а он небрежным и даже грубым тоном говорил, что это со всяким случается». И все же ростовское берет в нем пока верх: «Папенька! па...пенька! — закричал он... рыдая, — простите меня! — И, схватив руку отца, он прижался к ней губами и заплакал».

— **Как изменилась жизнь Николая, после проигрыша? К чему он стремится?** — Он опять мечтает попасть в полк, опять на войну.

Этим кончается первая часть второго тома, обрамленная приездом и отъездом Николая Ростова. В начале — мечты о спокойных семейных радостях, в конце — разрушение этих радостей. А разум Николая по-прежнему подчинен чувству, по-прежнему он не определяет ни поведение Ростова, ни его отношение к жизни, к людям.

Г. Н. Фейн

Анализ романа Л. Н. Толстого

«Война и мир»

Том II Часть вторая

Конец первого тома и первая часть второго — это рассказ об утраченных иллюзиях: князь Андрей понял, как ничтожна слава, ничтожно счастье одного, построенное на несчастье многих; Николай Ростов не нашел мира там, где его искал; у Пьера Безухова раскрылись глаза на окружающее его общество, которому он так по-детски доверял в первые дни своего приезда на родину.

Утрата иллюзий потрясла внутренний мир этих людей. Но каждый из них по-своему, в соответствии со складом своего характера, с особенностями своего интеллекта начал искать выход, формировать свое жизнеощущение, жизнепонимание.

— **Как изменилась внутренняя жизнь Пьера после дуэли с Долоховым?** — «Как будто в голове его свернулся тот главный винт, на котором держалась вся его жизнь».

— **Что же так потрясло его?** — Беспомощность человеческой мысли, ее неспособность решить главные вопросы бытия.

— **Какие же это вопросы?** — «Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всем?» — Мы видим, что Пьера волнуют философские вопросы (проблемы социальных отношений пока проходят мимо него). Ему кажется, что человек — не хозяин своей судьбы, а беспомощная частичка мироздания, безвольное орудие каких-то неизведанных сил. «Людовика XVI казнили за то, что его считали преступником, а через год убили тех, кто его казнил, тоже за что-то». Каждый прав по-своему в какой-то момент. Следовательно, нет абсолютной истины...

Это — особенность Пьера: он диалектик по натуре, в его сознании одна мысль вызывает другую, затем — цепную реакцию соображений, выводов, новых вопросов; и все это — вопросы общеполитического характера. Запомним это обстоятельство, ибо потом, когда речь опять пойдет о Николае Ростове, мы увидим совсем иной тип мышления. И, сопоставив их, сделаем выводы.

— **Какое место заняли новые мысли в жизни Пьера?** — «Ему все равно было в сравнении с теми мыслями, которые его занимали теперь». Это особенность не только Пьера, но и ряда других героев Толстого, да и его самого: стремление дойти «до корня», искать, не успокаиваясь. Привлекательность этих героев состоит именно в страстном желании узнать, понять, что же такое жизнь, в чем ее смысл, в чем высшая справедливость. Вот и Пьер не может ответить на вопросы, от которых, как ему кажется, зависит вся его дальнейшая жизнь.

— **К чему же он приходит?** — «Умрешь и все узнаешь — или перестанешь спрашивать». Для ищущего разумного объяснения всего это — трагедия, это конец жизни. Придя к такому выводу, Левин задумается о самоубийстве. Пьера спасает неожиданная встреча.

— **С кем Пьер на станции по пути в Петербург? Как вел себя Пьер в присутствии этого человека?** — Пьер, «*неволью покоряясь*», сел подле Баздеева.

— **Чем поразила Пьера речь масона?** — «Определенностью и твердостью». Мы видим, насколько сильно воздействие на Пьера этой личности. Как когда-то уверенность князя Василия в правильности всего того, что он делает, лишала слабовольного Пьера способности распоряжаться собой, так теперь покоряет его сила фанатической веры Баздеева. Баздеев почти гипнотизирует Пьера.

- **Поверил ли Пьер доводам Баздеева?** — Он поверил не столько «разумным доводам, которые были в речи масона», сколько «*интонациям убежденности* и сердечности, которые были в речи масона, дрожанию голоса, которое иногда почти прерывало масона... этим блестящим, старческим глазам, состарившимся на том же убеждении... тому спокойствию, *твердости и знанию своего назначения*, которые светились из всего существа масона и которые особенно сильно поражали его в сравнении с своей *опущенностью и безнадежностью*», Вера, убежденность Баздеева были сильнее его доводов. Во взыскующей истины душе Пьера, пришедшего к выводу об относительности законов морали, о невозможности найти абсолютную истину, таились зерна надежды, тоски по вере.

— **Верит ли Пьер в бога?** — Нет, он признается масону в своем неверии. Но он слушал доводы Баздеева и «*всей душой желал верить*, и верил, и испытывал радостное чувство успокоения, обновления и возвращения к жизни»; он «*боялся неясности и слабости доводов своего собеседника, он боялся не верить ему*». Пьеру кажется, что неверие страшнее веры в ложную истину. Он сначала поверил тому, кто был убежден, что «*твердо*» знает истину, и потому «неотразимо» привлекал Пьера, а уже потом принял существо масонства.

Толстой собирался написать роман о декабристе. Этим декабристом должен был стать Пьер. Исторически оправдан этот этап, масонство, на пути Пьера к декабризму. Через масонство прошли многие дворянские революционеры — и потому, что нравственное учение масонов во многом совпадало с моральными принципами передового дворянства, и потому, что сама тайная организация масонов давала возможность конспирировать политическую деятельность под вывеской религиозных бдений. Отдельные элементы учения масонов — например, учение о «*нравственном усовершенствовании*» — предвосхитили толстовство, хотя Толстой весьма отрицательно относился к мистической стороне масонства. Пьер принял в масонстве то, что принимал Толстой, и отверг то, что было чуждо Толстому.

- **Что, масонов?** — Тех, кого он знал по петербургскому обществу и кто никогда не выбывал его симпатий.

- **Какая улыбка не сходила с лица Пьера?** — *Детская* улыбка стыдливости, сомнения и насмешки над самим собой». — Эта *детская* чистота, это неприятие фальши не дают Пьеру возможности безусловно отдаться вере. И здесь есть нечто от автора. Толстой видел фальшь, под какими бы масками она ни скрывалась. Вспомните слова Тургенева, очень тонко выразившего эту особенность толстовского мировосприятия.

— **Что, по существу, привлекло Пьера к масонству?** — Он понял «неизведанное еще им наслаждение верить в возможность достижения совершенства и в возможность братской и деятельной любви между людьми». Толстой, хотя и изучил источники и провел много часов над масонскими рукописями, все же изложил многие стороны масонства по-своему. Пьера привлекла формула будто бы масонов, а в действительности евангелия в толстовской обработке: «Прощай врагу твоему, не мсти ему, разве только деланием ему добра».

— **Но что было наиболее дорого Пьеру в масонском учении?** — «...Всеми силами противоборствовать злу, царствующему в мире».

— **А что вызывало в Пьере сомнение?** — Обрядовая сторона масонства.

— **Что чувствовал Пьер, когда его принимали в масоны?** — «Где я, что я делаю? Не смеются ли надо мной? Не будет ли мне стыдно вспоминать это?» У Пьера есть чутье истины. Он говорил о своей любви Элен и в то же время чувствовал что-то фальшивое, нечистое, что отталкивало его от этой женщины. Он принял масонство, но уже при посвящении в масоны в нем появилось сомнение в истинности и нужности того, что он делает.

Но так или иначе Пьер в конце концов почувствовал себя готовым к новой жизни.

— **Кто же нарушил его состояние радостного обновления?** — Князь Василий. Он недаром вновь появляется в романе в этот момент. Это свойство Курагиных — появляться перед людьми, когда у них светло на душе, чтобы отравить им эти минуты радости.

— **Князь Василий, пытаюсь примирить Пьера с Элен, вернуть его к прежней жизни, имеет союзницу. На чье мнение он ссылается?** — «...Вдовствующая императрица принимает живой интерес во всем этом деле. Ты знаешь, она очень милостива к Элен». — Как это симптоматично! «Продажная тварь» (по словам Долохова), пустейшая, пошленькая особа пользуется милостью двора. Столь же любопытно отношение к Пьеру, с одной стороны, Анны Павловны Шерер, с другой стороны — Наташи, князя Андрея, княжны Марьи.

— **Как называет Пьера Анна Павловна после его разрыва с Элен?** — «...Безумный молодой человек, испорченный развращенными идеями века».

— А как отнеслась к Пьеру княжна Марья? — «...Его несчастье с женой... его доброе простое лицо расположили ее к нему». — Такие высказывания характеризуют не только того, о ком думают и говорят, но и того, кто говорит. Глубокая борозда проложена Толстым между двумя группами героев. Одни — те, кто ищет истины и чистоты, другие — те, которым и истина и чистота безразличны, важно лишь, какое место человек занимает в обществе. Пьер страдает от отсутствия веры. Но вот он находит эту веру, горит желанием действовать, чтобы противоборствовать злу, царствующему в мире, и великосветское общество его отвергает. Он «безумен», как безумен был Чацкий. И как «Молчалины блаженствуют на свете», так в обществе Шерер и Курагиных блаженствует Друбецкой.

- **Изменился ли Борис Друбецкой со времени нашей встречи с ним в Ольмюце? Каким жизненным правилом он руководствуется?** - «Он вполне усвоил себе ту... неписаную субординацию... по которой успеха на службе, были нужны не усилия на службе, не труды, не храбрость, не постоянство, а нужно было только уметь обращаться с теми, которые вознаграждают за службу...»

— **В чем проявляются свойства молчалинства у Друбецкого?** — Во-первых, он «старательно избегал заявления своего мнения насчет тех фактов, которые он передавал» у («В мои лета не должно сметь свое суждение иметь», — слышим мы голосок Алексея Степановича). Во-вторых, он идет на поклон к женщинам, пользующимся весом в обществе (его брату по духу уже советовали ездить к женщинам «только не за этим»). Лишь случайность помешала Молчалину достичь того, чего достиг Борис. — **С кем из женщин сближается более всего Друбецкой?** — Он становится «близким человеком в доме графини Безуховой».

Так устанавливается единая линия: императрица — Элен — Борис; двор — пошлость — карьеризм. И вся эта камарилья враждебна Пьеру и ненавистна князю Андрею.

В голове князя Андрея в это время тоже, в сущности, «свернулся тот главный винт, на котором держалась вся его жизнь». Он считал себя призванным к величию, но величие обернулось перед ним низостью; жена казалась ему помехой на пути к славе, и теперь, когда она умерла, он чувствует себя в чем-то виноватым и даже в лице ангела, стоящего на могиле маленькой княгини, читает «кроткую укориэну».

— **Что осталось ему, как он думает?** — Только одно — забота о здоровье сына. — Вспомните, что пережил князь Андрей, когда заболел его сын. — То ему казалось, что сын умер, и тогда он считал, что «все кончено», именно все, потому что маленькое существо

— «одно, что ему осталось в жизни». То, когда мальчик выздоровел, «князю Андрею хотелось схватить, смять, прижать к своей груди это маленькое беспомощное существо». Мир князя Андрея бесконечно сузился. И он хочет принадлежать только этому своему новому миру. Все, что происходит в большом мире,— зло и ложь, суета сует; только здесь — пусть маленькое, но счастье.

Пьер, после того как масоны открыли ему истину, решает, что надо противоборствовать злу, царствующему в мире.

— **Что он собирается предпринять в первую очередь?**— Он стремится «немедленно» принять «меры для совершенного освобождения крестьян от крепостной зависимости». Очень характерны эти слова — *немедленно* и *совершенное освобождение*. Неизвестно, чего в них больше: нетерпеливой жажды добра или наивных представлений о действительности. Прав был один исследователь, когда писал: «...для Пьера это великое и столь трудное, столь ответственное дело было только средством личного нравственного удовлетворения, успокоения своей совести, путем к самоусовершенствованию».

— **Как объясняет Толстой неудачу Пьера в деле облегчения положения крестьян?** — «Пьер не имел той практической цепкости, которая бы дала ему возможность непосредственно взяться за дело, и потому он не любил его и только старался притвориться перед управляющим, что он занят делом».

Страницы, рисующие «освободительную» деятельность Пьера, очень любопытны тем, что читатель присутствует при ломке мировоззрения художника. Приступая к работе над романом, Толстой прямо объявил, что не будет описывать жизнь разночинцев, купцов, мужиков, «которая ему непонятна и неприятна», а будет описывать жизнь милого ему дворянства.

Главные герои — дворяне. И заблуждения и ошибки лучших из них Толстой до сих пор объяснял не их недостатками, а пороками окружающей их действительности. Но вот впервые его любимый герой сталкивается с другим классом, с крепостным крестьянством. Толстой стоял перед дилеммой: показать своего героя и здесь благородным, гуманным, тем самым продолжив аристократические тенденции романа, или раскрыть истинные отношения народа со «страшно далеким от него» дворянством, т. е., в сущности, судить героя с позиции закрепощенных крестьян. Литературовед В. Шкловский выдвинул очень интересную и глубоко верную, во всяком случае по отношению к Толстому периода его работы над «Войной и миром), мысль: «...Мировоззрение не есть что-то предшествующее художественному произведению, оно все время строится и проверяется художественной работой».

— **Как выглядит Пьер-«освободитель»?** — В Пьере, в милейшем, искренности Пьере, обнаруживается притворство («старался притвориться перед управляющим, что он занят делом») и равнодушие к народному делу. («Опять целые дни, недели, месяцы жизни Пьера проходили так же *озабоченно и занято* между вечерами, обедами, завтраками, балами...») — Обратите внимание, как изменился язык автора. В авторской речи появляются слова, которыми он раньше описывал ханжу и лицемерку Друбецкую или фальшивую до мозга костей Жюли: народ представлялся Пьеру «*благоденствующим и трогательно-благодарным* за сделанные ему *благодетельства*» (так и слышишь слова жеманной Жюли: «Прекрасно! прекрасно то, что вы сказали»). А какая обломовщина в этих размышлениях Пьера: «Трудно представить себе людей, более счастливых, и... бог знает, что ожидало бы их на воле».

- **Действительно ли крестьяне в имениях Пьера стали счастливыми?** Расскажите, как изменилась жизнь крестьян в результате «деятельности» Пьера.— Положение крестьян не только не улучшилось, но в некоторых отношениях и ухудшилось, во всяком случае «крестьяне продолжали давать работой и деньгами все то, что они дают у других, то есть все, что они могут давать». Вспомним, какой глубокий смысл вкладывал Толстой в слово «мир», стоящее в названии романа. Большой народный мир для Толстого оказывается дороже, чем внутренний мир барина-филантропа.— **Понял ли Пьер, что потерпел неудачу?** — Нет, он

«в самом счастливом состоянии духа» возвратился из своего «путешествия». Это единственный случай в жизни Пьера, когда он не почувствовал фальши своего положения.

— **С кем спешит Пьер поделиться счастьем своей обновленной души?** Какая перемена в князе Андрее поразила Пьера? — «Слова были ласковые, улыбка была на губах и лице князя Андрея, но взгляд был потухший, мертвый». Если внимательно всмотреться в развитие князя Андрея и Пьера, то мы заметим, что развитие одного с некоторым опозданием дублирует развитие другого. Оба проходят в разное время одни и те же «круги ада». Один из кругов — скептицизм, неверие в возможность найти истину.

— **Верит ли князь Андрей в существование критериев справедливости?** — Нет. «...То, что справедливо и несправедливо, — не дано судить людям. Люди вечно заблуждались и будут заблуждаться, и ни в чем больше, как в том, что они считают справедливым и несправедливым». Ведь это же повторение рассуждений Пьера о Людовике XVI. Но теперь Пьеру кажется, что он нашел истину. Эта истина — жизнь для ближних, в частности для мужиков.

— **Как отнесся князь Андрей к мыслям Пьера об улучшении жизни крестьян?** — Он опровергает их с тех же позиций релятивизма, на которых так недавно стоял и Пьер. Истина относительна. Князю Андрею теперь кажется, что просто существовать, не мучая себя вопросами, легче, лучше, чем размышлять о смысле жизни, и он завидует мужику, живущему животной жизнью. Зачем народу школы? К мучениям физическим они прибавят мучения нравственные.

— **Что ж, князь Андрей против освобождения крестьян?** — Нет, он за освобождение крестьян, но не для них, а для... дворян, которые, будучи «воспитанными в... преданиях неограниченной власти, делают жестоки, грубы», становятся все «несчастнее и несчастнее». Интересно, что взгляд у князя Андрея «оживлялся тем больше, чем безнадежнее были его суждения». Споря с Пьером, с его убеждением в необходимости служить ближнему своему, князь Андрей оживляется, сосредоточиваясь на этом вопросе, и в чем-то внутренне соглашается с Пьером.

— **Какое значение для князя Андрея имела эта встреча с Пьером?** — «Свидание с Пьером было для князя Андрея эпохой, с которой началась хотя во внешности и та же самая, но во внутреннем мире его новая жизнь». — Как вы думаете, почему Пьеру удалось относительно быстро переубедить князя Андрея? — Конечно, потому, что этот этап развития Андрея, с его утверждением пассивности, не соответствовал активному, жизнедеятельному началу в его характере.

- **Прочитаем отрывок из XII главы второй части — «Пьер и Андрей на пароме».** Посмотрите, как рисует Толстой воздействие природы на князя Андрея. — «Паром давно пристал, и только волны течения с слабым звуком ударялись о дно парома. Князю Андрею казалось, что это полоскание волн к словам Пьера приговаривало: «Правда, верь этому».

— **А как изменилось лицо князя Андрея?** — «Князь Андрей вздохнул и лучистым, *детским* нежным взглядом взглянул в... лицо Пьера». — Тема светлого и чистого детства почти автоматически вызывает у Толстого тему неба. Князь Андрей, «выходя с парома, поглядел на небо... и в первый раз после Аустерлица он увидел то высокое, вечное небо, которое он видел, лежа на Аустерлицком поле, и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было в нем, вдруг радостно и молодо проснулось в его душе». Князь Андрей не мог бы оставаться пассивным долго. Это типичный толстовский положительный характер, вечно ошибающийся и ищущий. Толстой писал в письме к тетке: «Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен сметь выйти хоть на секунду ни один человек. Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и все же бороться и ошибаться» Каков идеал Толстого, таковы Андрей и Пьер — воплощение этого идеала.

Князь Андрей «путается» не только в крестьянском вопросе.

— **Что он сказал Пьеру о своем отношении к русской армии?** — «Ежели бы Бонапарт стоял тут, у Смоленска, угрожая Лысым Горам, и тогда я бы не стал служить русской армии». Замкнувшийся в себе, в своем «я», он непричастен к той роевой жизни, которую ощутит позже, когда Бонапарт действительно будет стоять у Смоленска. Но в душе у него живет это чувство общего, потому-то Пьеру удастся убедить князя Андрея в том, что хотя ложь и царит на земле, но она преходяща, а истина вечна. «На земле...— говорит Пьер,— нет правды — все ложь и зло; ко *в мире, во всем мире* есть царство правды, и мы теперь дети земли, а вечно — дети *всего мира*».

- **А каков мир Николая Ростова?** — «Весь мир был разделен на два неровные отдела. Один — наш Павлоградский полк, и другой — все остальное. И до этого остального не было никакого дела». В сущности, это повторение ощущения князя Андрея: у князя Андрея весь мир — его ребенок, семья, хозяйство, а до остального ему нет дела. Мы установили, что такое самоограничение не соответствует «коренным основам... его существа». В нем после беседы на пароме с Пьером просыпается чувство связи со всем миром. Посмотрим, способен ли Николай Ростов вырваться за пределы узкого мирка, называемого «Павлоградский полк». Ростову казалось, что все, связанное с полком, просто и ясно. Но так ли уж изолирован полк от мира?

—**В каком положении находился Павлоградский полк за границей?** — «Была ростепель, грязь, холод... по несколько дней не выдавали ни лошадям, ни людям провианта... Все было съедено, и все жители разбежались».

— **Кто и как попытался улучшить положение солдат?** Любопытно сравнить, о чем думает Ростов и о чем — Денисов в эти дни солдатского голода и нищеты. — Ростов «приятно размышлял о том, что на днях должен выйти ему следующий чин...» И в это время раздается крик Денисова, ругающего солдат за то, что они едят ядовитый «машкин корень». Денисов входит в балаган и «сердито выкуривает трубку». Ростов блаженствует, Денисов — тревожится. Их различие пока еще еле заметно, но в конце концов они придут в разные лагеря. Денисов пытается вмешаться в жизнь, Ростов считает, что, отдежуривав на вахте, он свое дело сделал.

— **За что наказан Денисов?** — За то, что он отбил обоз у другой части, чтобы накормить своих солдат.

— **Кого Денисов встретил в провиантском складе?** — Вора Телянина. Если в первом томе мы могли еще сомневаться, кто прав, Ростов или офицеры полка, то теперь Толстой определенно занимает позицию Николая Ростова в этом споре. Выброшенный из полка, но не разоблаченный Телянин из мелкого жулика превратился, как говорит Денисов, в «обер-вора». Ростов должен был бы тогда быть настойчивее, но он не умел встать выше среды, как умеют это делать князь Андрей и Пьер.

— **Начинается главное испытание для Николая. Что он увидел в госпитале, где лежит Денисов?** — «...Больные и раненые лежали там на полу, на соломе и шинелях»; «Больничный запах был так силен..., что Ростов схватился за нос и должен был остановиться, чтобы собраться с силами и идти дальше; мертвые лежат рядом с живыми.

— **Как Толстой описывает облик раненых солдат?** — Один — с худым, как скелет, лицом и небритой бородой; лицо другого «багрово-красно... на босых ногах его и на руках, еще красных, жилы напряжились, как веревки». У Ростова, когда он видит все это, «мороз пробежал по... спине».

— **Что же он предпринял?** — «Нет, тут ничего не сделаешь,— подумал Ростов, опустив глаза», а затем поспешил уйти, стараясь пройти незамеченным сквозь строи этих укоризненных солдатских глаз.

Теперь уже образ госпиталя становится доминирующим. Что бы Николай ни делал, о чем бы он ни думал, «весь госпиталь с этими оторванными руками и ногами, с этой грязью и болезнями» преследовал его. «Ему так живо казалось, что он теперь чувствует этот

больничный запах мертвого тела, что он оглядывался, чтобы понять, откуда мог происходить этот запах».

— **Что заставляло Николая Ростова постоянно возвращаться не только к мыслям о госпитале, но даже к ощущениям, которые он испытал там?** — Полная противоположность того, что он видел в госпитале, тому, что происходит в Тильзите после заключения мира между двумя императорами. Обеды, банкеты следуют один за другим (а в госпитале — голодные люди). Солдат Лазарев, случайно попавший на глаза императору, получает орден (а в госпитале — Тушин без руки и по существу невиновный Денисов). Бонапарт — друг императора (в госпитале — люди, потерявшие руки и ноги на войне между императорами). — Как же повлияли на Ростова эти наблюдения? — «В уме его происходила мучительная работа, которую он никак не мог довести до конца». — Впервые Николаю Ростову пришлось так размышлять. В нем с большей, чем до сих пор, остротой столкнулись два начала — гуманное ростовское с гусарским верноподданническим; бессильная мысль его мечется как затравленный волк.

— **И какой же Николай находит выход, как разрешаются его «страшные сомнения»?** — «Наше дело исполнять свой долг, рубиться и не думать, вот и все», — заявляет он. Безоговорочно - и навсегда — гусарство вытесняет в Николае ростовское гуманистическое начало. Отказ от мысли приводит закономерно к отказу от гуманизма. Князь Андрей и Пьер часто ошибаются, не всегда находят правильный ответ на мучительные вопросы, но их разум — всегда в работе; аналитическое мышление столь же органично для них, сколь неорганично для Ростова. Потому-то Николай Ростов, попадая в тот мир, который ему казался столь запутанным и непонятным, вольно или невольно солидаризируется с ним. «Мы солдаты и больше ничего», — кричит он. А ведь это и нужно. Александр I и Наполеону, — не мыслящие Болконские и Безуховы, а «солдаты, и больше ничего». Самовластие держится не только на штыках, — оно держится и на тех, кто подчиняет свой разум и свою волю власти одного человека. Так Толстой подводит нас к мысли, что как бы ни был человек добр, чист, нежен, — если у него не развито критическое мышление, он неизбежно приходит к оправданию, защите несовершенных социальных отношений и объективно к подлости. Толстой мечтает о гармоническом человеке, в котором одинаково сильно развиты чувство и мысль взаимно дополняют и обогащают одно другое.

ТОМ 3

Г. Н. Фейн

Анализ романа Л. Н. Толстого

«Война и мир»

Том III

Толстой всегда сознательно старался убедить в чем-то читателя. Он писал: «Искусство есть орган жизни человеческой, переводящий разумное сознание людей в чувство». И он был убежден, что для того чтобы пробудить чувство читателя, художник должен донести до него свою мысль.

И все же читатели очень различно поняли взгляды Толстого. Критики, т. е. самые квалифицированные читатели, по-разному истолковывали толстовские взгляды. А истолковавши, далеко не все соглашались с этими взглядами. Три вопроса вызывали наиболее ожесточенные споры:

- 1. Правильно ли переданы Толстым факты истории; такими ли были исторические деятели, которые показаны в романе, в соответствии ли с характером эпохи действуют, мыслят, чувствуют герои романа?**
- 2. Как Толстой понимал роль личности в истории и прав ли он?**

3. Каково отношение Толстого к войнам, а также к чувству патриотизма, которое обостряется во время войны?

Прежде чем приступить к беседе о тех страницах романа, из которых мы сможем составить свое суждение по этим вопросам, послушаем, что же говорили критики и литературоведы.

Первый вопрос — единственный, ответ на который нельзя извлечь, лишь читая роман. Чтобы выяснить, насколько верно следовал Толстой в своем романе исторической правде, нужно изучить многие материалы из истории эпохи Отечественной войны и сопоставить с ними то, что написано в романе. Сам Толстой заявлял: «Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг, заглавия которых я не нахожу надобности выписывать здесь, но на которые всегда могу сослаться».. Некоторые историки и литературоведы, не поверив Толстому на слово, проделали работу по сопоставлению ряда исторических фактов с тем, как они изображены у Толстого, и пришли к таким выводам. Н. Н. Страхов: «Война и мир» вовсе не есть исторический роман». Здесь Страхов не вступает в противоречие с самим Толстым, который писал: «Что такое «Война и мир»? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника». Но не согласиться с отнесением произведения к жанру исторического романа еще не значит оспаривать правду исторических фактов, отраженных в нем. Страхов не ставит вопрос, правдиво ли *изображены* факты истории, правдиво ли *изображены* исторические лица. С позиции своего почвеннического мировоззрения он одобряет *трактовку* истории Толстым, находя в «Войне и мире» почвенническое ее объяснение.

Военный историк Витмер оспаривает достоверность многих заявлений Толстого, касающихся исторических событий. Так, он напоминает, что Наполеон в битвах при Маренго и Арколе чуть было не был разбит, а Толстой утверждал, что до Бородинского сражения «после двух-трех распоряжений, двух-трех фраз скакали с поздравлениями и веселыми лицами маршалы и адъютанты... Так было под Лоди, Маренго, Арколем, Иеной, Аустерлицем, Ваграмом и т. д. и т. д.» (т. 3, ч. 2, гл. XXXIV). Не согласен Витмер с утверждением Толстого, что погубила французов народная война. «Все дошедшие до нас сведения заставляют думать, что вооруженное восстание народа принесло неприятелю сравнительно мало вреда».

Можно подвести некоторые итоги. В «Войне и мире» *не всюду*, где автор обращался к историческим фактам и лицам, он точно эти факты и этих лиц воспроизводил. В ряде случаев Толстой «выдумывал», а точнее, «додумывал», домисливал историю. Вместе с тем большинство страниц романа дают исторически точную картину эпохи и в основном верное изображение исторических деятелей. Но, вероятнее всего, задача точной передачи исторических фактов не волновала Толстого до такой степени, чтобы быть во всем педантически верным действительности. Поэтому-то он подчеркивал, что роман его не историческая хроника. Думается, совершенно прав был М. Де-Пуле, который, защищая Толстого от нападок историков, говорил, что даже школьник не будет изучать историю 1812 года по «Войне и миру» и что к тому же Толстой, пусть даже с мелкими ошибками, воссоздал эпоху 1812 года так, как не удастся ни одному из его хулителей. (Правда, в «Войне и мире» есть не только мелкие, но и крупные ошибки, в частности утверждение Толстого о слишком легком отношении французского народа к иностранным завоевателям.) Толстой создавал свой роман прежде всего для того, чтобы высказать свои «мысли... о границах свободы и зависимости и... взгляды на историю». Факты и герои 1812 года явились материалом, который Толстой, чаще всего не желая этого, преобразовывал, с тем чтобы нагляднее, убедительнее выразить свои мысли. Принцип работы Толстого с историческим материалом сформулировал Н. Н. Апостолов (Арденс), долгие годы изучавший этот вопрос: «Исторические материалы служили ему опорными пунктами. Многие в них он отсеивал в связи со своим личным отношением к изучаемым фактам истории; многое брал «в кавычки», иронически или скептически оценивал исторические свидетельства; многое он заново переосмысливал; многие черты заключались в том, чтобы только показать их в настоящем свете и, следовательно, скорее научить видеть их там, где мы прежде не умели видеть».

Норов же вычитал в романе совсем иное: «...целая фаланга генералов, которых боевая слава прикована к нашим военным летописям, составлена была (как это показано в «Войне и мире». — Г. Ф.) из бездарных слепых орудиев случая».

Итак, критики, писатели, публицисты, историки разбились примерно на три группы. Одни считают, что Толстой по существу правильно изобразил и объяснил роль исторических личностей. Другие считают, что Толстой правильно изобразил, но неверно объяснил роль великих Личностей в истории. И, наконец, третьи считают, что исторические деятели изображены Толстым фальшиво, в противоречии с правдой истории. Правда, кроме Норова, все авторы этой группы говорят лишь об отдельных героях романа, не ставя перед собой цель выразить свое мнение о взглядах Толстого на роль личности в истории вообще.

Решая вопрос о том, кто же прав, следует вспомнить о главной мысли романа — мысли народной. Толстой хотел прежде всего восстановить правду, но в таком виде, как он — художник, а не историк — ее понимал. Толстой очень любил «Голого короля» Андерсена и говорил, что искусство должно доказать, что король голый. Перед Толстым стояла главным образом задача осмыслить художественно, философски войну 1812 года, а не показать ее во всей исторической достоверности. Правда войны 1812 года в том, что она выиграна народом, только народом. Так называемые великие люди ила мешали этой победе (Александр I, Беннигсен), или не мешали (Кутузов).

Образы Кутузова и Наполеона — создания гения, но гения-художника, а не историка. Если легко «уличить» Толстого в противоречиях между его и историческими Кутузовым и Наполеоном, то, имея в виду художественную идею романа, мы не можем не восхищаться целостностью и художественной законченностью этих образов.

Третий вопрос — как Толстой относится к войнам, а также к чувству патриотизма — было бы нетрудно решить, если бы речь шла о Толстом после духовного переворота, происшедшего в нем в начале 80-х годов. С этого времени Толстой стал последовательным пацифистом. В статье «Одумайтесь!» (1904) Толстой доказывает: «Если справедливо то, что спасение человечества от озверения, самоистребления только в одном: установлении в людях истинной- религии, требующей любви к ближнему и служения ему... то *всякая война*, всякий час ее и мое участие в ней только делает более трудным и отдаленным осуществление этого единственного спасения». В обращении к Конгрессу мира в Стокгольме (1909) Толстой предполагал сказать следующее: «Истина в том, что человек не может и не должен никогда, *ни при каких условиях, ни под каким предлогом* убивать другого». Толстой неустанно боролся с войной. Он разоблачал все правительства мира, видя в их существовании основную причину войны. Толстой даже предлагал два пути борьбы с войной: отказ от службы в войсках и отказ от патриотизма, чувства, которое пометает правительствам направлять народы друг на друга.

Другое дело — отношение Толстого к войне, выраженное им в «Войне и мире». Драгомиров выделяет фразу из «Войны и мира»: «Война — событие, противное... всей человеческой природе» — и выражает несогласие с этим положением. Он говорит: «...война есть дело, противное не всей человеческой природе, а только одной стороне этой природы — именно человеческому инстинкту самосохранения, что далеко не одно и то же. В человеке этот инстинкт играет... далеко не исключительную роль: так, в порядочном человеке и в порядочном народе он подчиняется чувству личного достоинства, которое находит опору в таких свойствах, как: самоотвержение, отвага, упорство и т. п.»

Советские исследователи единодушны: они считают, что Толстой в «Войне и мире» проявил понимание различия войн справедливых и несправедливых, отрицая последние и одобряя первые.

Что касается патриотизма, то вопроса о том, является ли «Война и мир» патриотическим произведением, для литературоведов не существует. *Пафос* романа — патриотический.

Толстой ненавидел убийства — безразлично, во имя чего эти убийства совершаются. Глубоко не права была «Искра», утверждавшая, будто из романа вытекает, что «умирать за отечество... даже приятно». Нигде в романе смерть или убийство не показаны как дело приятное. Если каким-то героям романа убийство и доставляет удовольствие, то Толстой явно не солидаризируется с этими героями. Всюду в романе мы видим отвращение Толстого к войне.

В «Войне и мире» мы не найдем поэтизации подвига героической личности. Есть лишь одно исключение и, что любопытно, при описании войны, которую мы назвали бы несправедливой,— это эпизод Шенграбенского сражения и подвиг Тушина. **Описывая войну**

1812 года, Толстой поэтизирует коллективный подвиг народа. Изучая материалы войны 1812 года, Толстой пришел к выводу, что как бы ни была отвратительна война, с ее кровью, гибелью людей, грязью, ложью, иногда народ вынужден вести эту войну, как человек, который, может быть, мухи не тронет, но если на него нападет волк, защищаясь, убивает этого волка. Но убивая, он не испытывает наслаждения от этого и не считает, что совершил нечто достойное восторженного воспевания. Толстой раскрывает патриотизм русского народа, не пожелавшего воевать по правилам со зверем — французским нашествием. Никаких джентльменских правил в таком деле, как война, не может быть, — утверждает Толстой. (Эту мысль наиболее четко формулируют князь Андрей в разговоре с Пьером при Бородине и сам Толстой в философском отступлении «И благо тому народу...».) Сравнивая поведение русских и немцев в войнах с Наполеоном, Толстой с презрением говорит о немцах, в которых инстинкт самосохранения личности оказался сильнее инстинкта сохранения нации, т. е. сильнее патриотизма, и с гордостью говорит о русских людях, для которых сохранение их «я» было менее важным, чем спасение отечества. Отрицательными типами в романе являются и те герои, которые откровенно равнодушны к судьбам родины (например, посетители салона Элен Курагиной), и те, которые прикрывают это равнодушие красивой патриотической фразой (в сущности, все дворянство, кроме небольшой его части — людей типа Кутузова, Андрея Болконского, Пьера Безухова, Ростовых), но также и те, для кого война — удовольствие (Долохов, а из другого лагеря — Наполеон). Самыми близкими для Толстого являются те русские люди, которые, сознавая, что война — дело грязное, жестокое, но в некоторых случаях необходимое, без всякой, в данном случае совершенно неуместной, патетики делают великое дело спасения родины и не испытывают, убивая врагов, никакого наслаждения. Это — Кутузов, Андрей Болконский, Денисов и многие другие, эпизодические герои. С особенной любовью Толстой рисует сцены перемирия и сцены, где русские люди проявляют жалость к поверженному врагу, заботу о пленных французах (Винсент Босс в отряде Денисова; Рамбаль, пригретый у костра русскими солдатами; призыв Кутузова к армии в конце войны — пожалеть обмороженных несчастных людей), или где французы проявляют человечность в отношении русских (Пьер на допросе у Даву; французский солдат, который помог Пьеру найти ребенка). Это обстоятельство связано с главной идеей романа — идеей единства людей («Hoch die ganze Welt!»). Мир (отсутствие войны) объединяет людей в единый мир (одну общую семью), война разделяет людей.

Так переплетается в романе идея патриотическая с идеей мира, идеей отрицания войн.

Однако вряд ли можно согласиться с литературоведами, утверждающими, что Толстой четко представлял себе различие между двумя типами войн. Только исторический материализм обосновывает учение о войнах справедливых и несправедливых. Борясь за мир, марксисты не путают миролюбие с пацифизмом. В романе же Толстого нет-нет да и возникнет мысль о несправедливости любой войны; пацифистские тенденции в романе совершенно определены.

Не случайно, не вдруг, после духовного переворота, совершившегося в Толстом в конце 70-х годов, он становится на позиции последовательного пацифизма. Элементы пацифизма есть и в «Севастопольских рассказах», и в еще большей степени в «Войне и мире».

С 80-х годов отношение Толстого к патриотизму было недвусмысленно отрицательным. Толстой признавал, что патриотизм — очень глубокое чувство, но считал его чувством вредным. В письме к Урсину (10 сентября 1895 года) он писал: «Заботиться о патриотизме, как о чувстве, которое желательно воспитать в каждом человеке, совершенно излишне. Бог или природа уже без нас так позаботились об этом чувстве, что оно присуще всякому человеку и народу». В статье «Патриотизм и правительство» Толстой прямо заявлял, что «патриотизм как чувство есть чувство дурное и вредное; как учение же — учение глупое, так как ясно, что если каждый народ и государство будут считать себя наилучшими из народов и государств, то все они будут находиться в грубом и вредном заблуждении».

Своим романом Толстой хотел что-то очень важное сказать людям. Он мечтал силою своего гения распространить свои воззрения, в частности взгляды на историю, «на степень свободы и зависимости человека от истории», хотел, чтобы его взгляды стали всеобщими. Но каждый читатель по-своему читал «Войну и мир», находил в этом романе нечто такое, чего не видели другие, и проходил мимо того, что другие считали важным.

Продолжим же и мы чтение романа. Третий и четвертый тома несомненно сложнее первых двух. Не случайно именно они вызвали наиболее острые споры. Постараемся охватить роман в целом и уловить его пафос, выражающийся во всех частностях, деталях.

Г. Н. Фейн

Анализ романа Л. Н. Толстого

«Война и мир»

Том III Часть первая

— **Как характеризует Толстой войну, начавшуюся в 1812 году?** — «...Началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Война — преступление. Толстой не делит сражающихся на нападающих и обороняющихся. «Миллионы людей совершали *друг против друга* такое бесчисленное количество злодеяний..., которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые, в этот период времени, люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления». Преступления обоюдные.

— **Какова же причина этого события?** — Толстой приводит различные соображения историков. Но ни с одним из этих соображений он не соглашается. «...Всякая отдельно взятая причина или целый ряд причин представляются нам... одинаково ложными по своей ничтожности в Сравнении с громадностью события...» Огромное, страшное явление — война — должно быть порождено такой же «огромной» причиной.

— **Берется ли Толстой найти эту причину?** — Нет. Он говорит, что «фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (то есть тех, разумность которых мы не понимаем). Чем более мы стараемся разумно объяснить эти явления в истории, тем они становятся для нас неразумнее, непонятнее». Но если человек не может познать законы истории, значит, он не может и повлиять на них. Он — бессильная песчинка в историческом потоке.

— **В каких же границах человек все же свободен?** — «Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь *личная*, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, *роевая*, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы». Это — идейное ядро третьего и четвертого томов, это — четкое выражение тех мыслей, во имя которых создан роман: человек свободен в каждый данный момент поступить как ему угодно, но «совершенный поступок невозвратим, и действие его, совпадая во времени с миллионами действия других людей, получает историческое значение».

Человек не в состоянии изменить течение роевой жизни. Это жизнь стихийная, а значит, не поддающаяся сознательному воздействию. Свободен человек только в личной жизни. Чем более он связан с историей, тем менее он свободен. «Царь — есть раб истории». Раб не может командовать господином, царь не может влиять на историю. «В исторических событиях так называемые великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, которые, так же как ярлыки, менее всего имеют связи с самим событием».

Таково философское вступление к третьему тому. Все содержание третьего тома должно подтвердить эти рассуждения образным воссозданием действительности.

— **Хотел ли Наполеон войны?** — Нет. «...Наполеон сам писал письмо императору Александру, называя его Monseigneur mon frere и *искренне* уверяя, что он не желает войны и что всегда будет любить и уважать его», но он ехал к армии и отдавал на каждой станции новые приказания, имевшие целью торопить движение армии от запада к востоку». Он искренне не хотел войны, но он — раб истории — отдавал всё новые распоряжения, ускоряющие начало войны.

— Что сделал Наполеон перед отъездом из Дрездена? — Он «обласкал принцев, королей и императора, которые того заслуживали, побранил королей и принцев, которыми он был недоволен, одарил своими собственными, то есть *взятыми у других королей* жемчугами и бриллиантами императрицу австрийскую...» Весь этот абзац почти дословно взят Толстым из «Истории» Тьера. У Тьера «только» нет подчеркнутых нами слов.

Искренний лжец Наполеон уверен в своем праве грабить и уверен, что награбленные ценности — его законная собственность.

— **Как относилась французская армия к своему императору?** — Восторженное обожание окружало Наполеона. «На всех лицах этих людей было одно *общее* выражение *радости...* и восторга и преданности к человеку в сером сюртуке...» Его сопровождают «*восторженные* крики», перед ним скачут «*замиравшие от счастья, восторженные...* егеря», он кладет подзорную трубу на спину «подбежавшего *счастливого* пажа». Здесь царит одно *общее* настроение. «Люди самых разнообразных характеров и положений в обществе» одинаково подчинены одному стремлению, выражением которого («ярлыком») является этот человек в сером сюртуке. Все эти люди лишились свободы, ими движет одно желание.

— **О чем мечтают во французских войсках?** — О дворцах в Москве, о землях в Индии. Это — единство, рожденное стремлением к грабежу, к захватам. Французская армия — это тоже какой-то замкнутый «мир»; у людей этого мира свои *общие* желания, *общие* радости. Но это «ложное общее», оно основано на лжи, притворстве, грабительских устремлениях, на несчастьях чего-то другого общего. Причастность к этому общему толкает на глупые поступки, превращает человеческое общество в стадо.

— **Что сделали польские уланы при переправе?** — Они переплыли реку, не отыскивая брода. Полковник, «старый человек», «как мальчик», просил разрешения переплыть реку на глазах императора. Лошадь — и та замялась у реки, но полковник *злобно* толкнул ее. В воде у улан проснулся инстинкт самосохранения. В воде «было холодно и жутко... Уланы цеплялись друг за друга...» Но они «гордились тем, что они плывут и тонут в этой реке под взглядами человека, сидевшего на бревне и даже не смотревшего на то, что они делали».

.Влекомые единой жадой обогащения, жадой грабежа, потерявшие внутреннюю свободу, солдаты и офицеры французской армии искренне верят, что l'Imperateur ведет их к счастью. А он, в еще большей степени раб истории, чем они возомнил себя богом, ибо «для него было не ново убеждение в том, что присутствие его на всех концах мира... одинаково, поражает и повергает людей в безумие самозабвения».

Людям свойственно создавать кумиров, а кумиры с лёгкостью забывают, что не они создали историю, а история создала их.

Как непонятно, почему Наполеон дал приказ о нападении на Россию, так непонятны и действия Александра.

— **Ждали ли русские войны и как готовился к войне царь?** — Да, «все её ожидали». Но «ничего не было готово» к ней, общего плана действий не было... *Общего начальника над всеми армиями не было...* — Последние слова, видимо, произвольно" вырвались из-под пера Толстого. Бывший артиллерист, он знает, что без «общего начальника» армия попадает в тяжёлое положение. Он забывает скептическое отношение философа к возможности одного человека повлиять на ход событий. **Он осуждает бездействие Александра и его придворных. Все их стремления были направлены только на то, чтобы ... приятно провести время, забыть о предстоящей войне.**

Царь танцует с Элен, а в это время на Россию нападает враг. Александр пишет Наполеону письмо, начинающееся словами: «Государь, брат мой», хотя этот брат уже нарушил братскую договоренность в Тильзите. Наполеон тоже пишет письмо «брату» Александру о том, что не

хочет войны, фактически уже начав ее. Орудия в руках судьбы, они пыжались играть роль великих, они любят красивые слова и любят форму выражения своих мыслей.

— **Какая фраза, произнесенная Александром, особенно понравилась ему самому?** — «Я помирюсь только тогда, когда ни одного неприятеля не останется на моей земле». Эта фраза повторялась несколько раз, но осталась только фразой, потому что не от Александра зависел исход войны.

Война только началась, а все окружение царя уже вступает в соревнование за то, чтобы извлечь из нее побольше выгод. Балашев первым узнает о нападении Наполеона и «непридворно близко» подходит к царю, чтобы сообщить об этом; Аракчеев завидует Балашеву.

— **Каково положение Бориса Друбецкого в свете?** — Перестав быть человеком, он приближается к императору, в кукольном домике появилась еще одна кукла, которая стремится быть поближе к кукле главной.

— **Каким образом Борис «поднялся выше во мнении» важных лиц?** — Он подслушал разговор царя с Балашевым. Это — единственный его поступок, и совершен он ради улучшения своего положения, когда речь идет о судьбе России. Начинается эксплуатация войны. Борис Друбецкой — лакей. Его господину вздумалось помириться с Буонапарте в Тильзите, и Борис, стремясь извлечь из этого пользу, принимает у себя французских офицеров — слуг императора Наполеона. Теперь господа поссорились, и Борис из этой ссоры извлекает пользу для себя.

Лакейская сущность — свойство не только ничтожных молчаливых, бергов, друбецких, жерковых.

— **Какой тон в разговоре с Балашевым принял Мюрат?** — Он говорил «тоном разговора слуг, которые желают остаться добрыми друзьями, несмотря на ссору между господами». — Внешний блеск никогда не скрывал от Толстого внутренней серости.

— **Как описывает Толстой внешность Мюрата, его одеяния?** — Вот с этим стремлением к уничтожению риторики, к обесценению фальшивых ценностей. «Шляпа с перьями», «черные, завитые на плечи волосы», «красная мантия», «золотые галуны» делают Мюрата не величественным, а смешным. Внешний блеск у героев Толстого, как правило, — прикрытие внутренней пустоты. Мюрат подъехал к Балашеву, «блестя и развеваясь на ярком июньском солнце своими перьями, камнями и золотыми галунами» (Элен входила в салон Шерер, «блестя белизною плеч, глянец волос и бриллиантов»). Мюрата, Элен, Анатоля внешний блеск превращает в разукрашенных кукол. Мюрат «развевался» на солнце своими перьями... Красивая кукла на лошади. Позерство Мюрата, аффектация Балашева выглядят особенно откровенно фальшиво на фоне летней природы. «Солнце только начинало подниматься из-за туч; в воздухе было свежо и росисто... В полях один за одним, как пузырьки в воде, вспрыскивали с чувканьем жаворонки». Рядом с этой истинной красотой красота тряпок на людях кажется мишурной.

— **Где принял Наполеон Балашева?** — «..В том самом доме в Вильне, из которого отправлял его Александр». Дворец перешел от одного «брата» к другому. Многие знатные слуги — тоже. Балашев встретил в приемной Наполеона «много генералов, камергеров и польских магнатов, из которых многих... видал при дворе русского императора». Слуги легко меняют хозяев...

Появляется Наполеон.

— **Расскажите, каким Наполеон предстал перед Балашевым, опишите его внешность.** — «Он был в синем мундире, раскрытом над белым жилетом, спускавшемся на круглый живот, в белых лосинах, обтягивавших жирные ляжки коротких ног... Белая пухлая шея его резко выступала из-за черного воротника мундира...» Внешность довольно непривлекательная. Но надо признать, что таким нам известен Наполеон и по портретам. Отступления от факта нет, есть только подчеркивание, выпячивание неприятных деталей и обыгрывание их (к «толстым плечам», «выставленному животу» и «пухлой руке» внимание привлекается несколько раз).

— **Какова манера речи у Наполеона?** — У него с языка не сходит слово «я». «Я все знаю», «я могу сделать», «моя дружба», «я выгоню», «мое дело». Он не дает возможности высказаться собеседнику. «Ему... нужно было говорить одному самому, и он продолжал говорить с тем красноречием и невозддержанием раздражённости, к которому склонны балованные люди»; «...Чем больше он говорил, тем менее он был в состоянии управлять своею речью.

— **Наполеона не пугала возможность сказать или сделать что-нибудь не то или не так. Чем объясняет это Толстой?** — «...В его понятии все то, что он делал, было хорошо не потому, что оно сходилось с представлением того, что хорошо и что дурно, но потому, что он делал это». Моральных критериев, которыми руководствуются люди, для него нет, он убежден, что мир существует для него и по его повелению. «...Только то, что происходило в его душе, имело интерес для него. Всё, что было вне его, не имело для него значения...» Если бы мы не знали, что речь идет о Наполеоне, мы могли бы решить, что Толстой продолжает свой рассказ об Анатоле Курагине. Вспомним: Анатолий был «инстинктивно, всем существом своим убежден в том, что ему нельзя было жить иначе, чем как он жил, и что он никогда в жизни не сделал ничего дурного»; «обдумать то, что выходило для других из удовлетворения его вкуса, он не мог»; «он считал себя безукоризненным человеком».

Для Толстого Наполеон и Анатолий — люди одной партии, партии эгоистов, для которых весь мир заключен в их «я». Художник раскрывает психологию личности, уверовавшей в свою безгрешность, в безошибочность своих суждений и поступков. Он показывает, как создается культ такой личности, как сама эта личность начинает наивно верить во всеобщую к ней любовь человечества. Мюрат, уезжая из захваченного французами Неаполя, с грустью говорил о новых подданных: «Несчастные, они не знают, что я их завтра покидаю!» Наполеон подергал Балашева за ухо, уверенный, что тем самым осчастливил его.

Но у Толстого очень редки однолинейные характеры. Каждый характер строится на определенной доминанте, но ею не исчерпывается. Луначарский писал: «Все положительное в романе «Война и мир» — это протест против человеческого эгоизма, тщеславия... стремление поднять человека до общечеловеческих интересов, до расширения своих симпатий, возвысить свою сердечную жизнь». Наполеон олицетворяет этот человеческий эгоизм, тщеславие, против которых выступает Толстой. Наполеону чужды общечеловеческие интересы. Это — доминанта его характера. Но Толстой показывает и другие его качества — качества опытного политика и полководца. Конечно, Толстой считает, что царь или полководец не может познать законов развития и тем более повлиять на них, но умение как-то разбираться в обстановке вырабатывается. В начале третьего тома Толстой показывает, что Наполеон довольно точно представлял себе положение дел в русском командовании: «Пфуль предлагает, Армфельд спорит, Бенигсен рассматривает, а Барклай, призванный действовать, не знает, на что решиться, и время проходит. Один Багратион — военный человек. Он глуп, но у него есть опытность, глазомер и решительность... И что за роль играет ваш молодой государь в этой безобразной толпе? Они его компрометируют и на него сваливают ответственность всего совершающегося». Ведь это точка зрения самого Толстого и даже, если исключить некоторые нюансы в оценке Багратиона и Барклая, исторически точная характеристика. Чтобы воевать с Россией, Наполеону нужно было знать хотя бы командиров вражеской армии, и он их знал.

Война началась. В нее втянуты сотни тысяч людей, в том числе и герои романа. Мы говорили об итогах, с которыми все они пришли к началу войны. Только душевное состояние князя Андрея в конце второго тома раскрыто еще недостаточно ясно. Он показан лишь в восприятии Пьера. А Пьеру он казался «оживленнее обыкновенного». Но князь Андрей умеет владеть собой и иногда надевает «защитную маску». Так было в салоне Шерер, так и теперь, когда он приезжает из-за границы и узнает об измене Наташи. Он убежден, что мужчина должен скрывать свои чувства.

Князь Андрей — первый герой, который идет на войну. Он душевно более всех подготовлен к этому.

— **Какая цель стала главной для князя Андрея? — Месть Анатолю.**

— **Что по этому поводу он говорит княжне Марье?** — «...Мужчина не должен и не может забывать и прощать». Князь Андрей готов к борьбе с врагом.

— **Какое чувство владеет им?** — Чувство злобы. «...Какое ничтожество может быть причиной несчастья людей!» — сказал он со злобою, испугавшею княжну Марью». Когда он вспоминает о Курагине, «невыведенная злоба» поднимается у него в сердце. Он думал о «злой минуте, когда он встретит Курагина». Из души князя Андрея ушла любовь. «Он искал и не находил... прежней нежности к сыну»; он первый раз в жизни поссорился с отцом. Он говорит раздраженным, «желчным и жестким тоном». Ему кажется, что жизнь для него стала понятной. Когда он смотрел в небо Аустерлица, он думал о величии «чего-то непонятного, но важнейшего». Теперь «тот бесконечный удаляющийся свод неба, стоявший прежде над ним, вдруг превратился в низкий, определенный, давивший его свод, в котором все было ясно, но ничего не было вечного и таинственного». Ясно было то, что в мире нет любви, а есть ненависть; нет верности, а есть предательство; нет нежности, а есть злоба.

Князь Андрей едет на войну. Совсем недавно он говорил Пьеру, что не пойдет в русскую армию, даже если Бонапарт будет стоять у Лысых Гор.

— **Почему же он теперь переводится из Молдавской армии в Западную?** — О патриотизме пока ни слова, нет даже намека. В черновике сказано определенно: «Князь Андрей после пребывания в Москве не жил. Ничто его не интересовало, не радовало, не огорчало: *ни вступление неприятеля в Россию*, ни свидание с отцом, с сыном». Просто — «в 12-м году, когда до Будапешта... дошла весть о войне с Наполеоном, князь Андрей попросил у Кутузова перевода в Западную армию». В Турции князь Андрей не нашел Анатоля. Он узнал, что тот в Западной армии. Но и здесь Анатоля не было. Чувство злобой ненависти к личному врагу осталось невымытым. Но Анатолий был для князя Андрея не только человеком, разбиравшим его любовь. В нем он видел проявление тех начал, которые ему были ненавистны и в Наполеоне. Анатолий, как и Наполеон, «бывал счастлив от несчастья других». Князь Андрей готовился к маленькой войне с маленьким эгоистом, а попал на большую войну с эгоистом европейского масштаба. Ненависть и озлобление изменили свой объект, но не изменили направления.

— **Почему в первое же время пребывания в армии князь Андрей забыл об Анатоле?** — Он заинтересовался ходом подготовки к отражению неприятеля.

Глазами князя Андрея Толстой наблюдает войну. Функцию выражения взглядов Толстого на войну образ князя Андрея может выполнять потому, что Андрей наделен сильным аналитическим умом и склонностью к обобщениям.

— **Какое суждение о военных планах вынес князь Андрей из Аустерлицкого сражения?** — «...В военном деле ничего не значат самые глубокомысленно обдуманные планы...» — Князь Андрей, как и Толстой, делает обобщения на основе недостаточного количества фактов. Это ошибка логики. Настоящий ученый исследует тысячи фактов, прежде чем вывести закон. — От чего же все зависит в военном деле, по мнению Андрея? — «...Все зависит от того, как отвечают на неожиданные и не могущие быть предвиденными действия неприятеля, все зависит от того, *как и кем* ведется все дело». Какая-то роль личности прямо признается: ведь все дело ведется полководцем.

— **Что нашел князь Андрей в русской армии?** — Именно то, о чем говорил Наполеон Балашеву: полную неразбериху, отсутствие единого руководства.

— **Какая партия была самой многочисленной при дворе и в штабе?** — Партия, которая «состояла из людей, не желавших ни мира, ни войны, ни наступательных движений, ни оборонительного лагеря при Дриссе, ни где бы то ни было, ни Барклая, ни государя, ни Пфуля, ни Бенигсена, но желающих только одного и самого существенного: наибольших для себя выгод и удовольствий». — Когда Салтыков-Щедрин говорил Кузминскому, что «наше так называемое высшее общество граф лихо прохватил», он, вероятно, имел в виду и эти строки. Большинство представителей высшего дворянства «ловили рубли, кресты, чины и в этом ловлении следили только за направлением флюгера царской милости». Патриотическое чувство Норова было оскорблено именно такими наблюдениями и обобщениями Толстого. Если считать, что дворянство было тем классом, который спас Россию (а так думал Норов), то первые же главы третьего тома должны мне понравиться тем, кто придерживается этой точки зрения.

- **Чей план стал основой оборонительных планов русских и какого мнения об этом плане были русские военачальники?** — План Пфуля. И почти все были против. Одни считали, что «лагерь этот есть бессмыслица и погибель русской армии»; другие — что для Пфуля «есть только два места: желтый дом или виселица»; третьи имели свой план, противоположный плану Пфуля. Князь Андрей (а вместе с ним Толстой) «слушал и наблюдал». — К какому же выводу приходит Андрей? — «...Нет и не может быть никакой военной науки, и поэтому не может быть никакого так называемого военного гения...»

Следовательно, отвергнута мысль, которая ещё жила в сознании Андрея до обсуждения планов Пфуля, что «все дело зависит от того, КАК и КЕМ ведется все дело». Нет военной науки, нет военного гения. Теперь князь Андрей (а с ним Толстой) формулирует окончательное мнение: все решает случайность, которую невозможно ни предсказать, ни тем более подготовить. «Иногда, когда нет труса впереди, который закричит: «мы отрезаны!» и побежит, а есть впереди веселый, смелый человек, который крикнет «ура!» — отряд в 5 тысяч стоит 30 тысяч... а иногда 50 тысяч бегут перед 8—10».

- **Чем напоминал Пфуль Вейротера?** — Вот этим безразличием к случайностям, которые могут возникнуть во время бол. «Пфуль был один из тех теоретиков, которые так любят свою теорию, что забывают цель теории — приложение ее к практике; он из любви к теории ненавидел всякую практику и знать ее не хотел». Толстой всегда терпеть не мог людей, верящих в абсолютную истину. И Пьер, и Андрей, и Левин в «Анне Карениной», и Нехлюдов в «Воскресении» сомневаются даже в том, во что они в данный момент, кажется, верят. Пфуль «противен» Толстому «потому, что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина». Весь облик Пфуля смешон. Толстой подает Пфуля через детали, которые, по мнению художника, однозначны для него и для читателей. «Торчавшие на затылке непричесанные кисточки и торопливо причесанные височки особенно красноречиво говорили», что Пфуль — человек, уверенный в том, что он знает все наперед. Может показаться непонятным, почему прическа должна говорить о самоуверенности человека, или почему зеркальный взгляд и белая рука Сперанского должны доказывать бесполезность его реформ. Но Толстой был глубоко уверен в том, что каждая деталь в облике человека — «говорящая». В «Записной книжке» его мы читаем: «Для меня важный признак — спина... Крутая спина — признак страстности». А в «Юности» герою «извозчик со спины и с затылка казался таким добрым». Это — субъективизм, но искусства без такого субъективизма нет. Художник пишет мир таким, каким он его видит и понимает. Его восприятие действительности внутренне логично. Верхняя губка Лизы, зеркальный взгляд Сперанского, лучистые глаза Марьи и Андрея, недостаток зуба сбоку рта у старика Болконского, кисточка волос Пфуля говорят о героях то, что нужно автору. Художник не только отражает жизнь, но и толкует ее по-своему. Житейская мудрость скажет, что зуб выпал у старика Болконского потому, что он стар; волосы у Пфуля непричесаны потому, что Пфуль спешил на совещание, а лучистых глаз вообще не существует (вспомните Базарова: «Проштудируй-ка анатомию глаза, где тут быть загадочному взгляду?»). Мудрость художника видит глубокий смысл вещей и передает нам свое видение мира.

Итак, князь Андрей считает, что не от руководителя зависит исход сражения, а «от того человека, который в рядах закричит «пропали», или закричит «ура!», и только в этих рядах можно служить с уверенностью, что ты полезен». Последнее особенно значительно. Князь Андрей приходит к выводу о решающей роли солдат и фронтовых офицеров в войне. И он хочет стать полезным.

— **Как отвечает он царю на вопрос, где он хочет служить?** — Он попросил «позволения служить в армии».

— **Как это отразилось на отношении к нему в придворном мире?** — Он «навсегда потерял себя в придворном мире, не попросив остаться при особе государя».

Князь Андрей сознательно исключил себя из мира царя. Этот мир составляют. Курагины, Друбецкой, Берг, все «трутневое население» армии. Все они думают о том, чем для них может быть *полезна* новая обстановка — война. Князь Андрей думает о том, чем он может быть *полезен* на войне.

А Николай Ростов, долго не раздумывая, еще с кампании 1805 года служил там, где мог быть полезен.

— **Как теперь понимает он смысл войны?** — Николай понял, что война — это не серия героических подвигов, а прежде всего особый быт. И он любит этот быт.

— **Интересовались ли в Павлоградском полку общим ходом дела?** — «Унывать, беспокоиться и интриговать могли только в Главной квартире, а в глубокой армии и не спрашивали себя, куда, зачем идут». С большим знанием описывает Толстой быт армии, ее, казалось бы, мелкие, а по существу значительные радости и горести.

— **Верил ли Ростов в возможность и необходимость героических подвигов? Как он слушал рассказ о подвиге Раевского на Салтановской плотине?** — Ростов «имел вид человека, который стыдится того, что ему рассказывают, хотя и не намерен был возражать. Он не верил ни единому слову рассказа и особенно возмущался восторженной оценкой такого поступка, как поступок Раевского. Он считал весь этот рассказ фальшивым, а оценку подвига Раевского несерьезной.

— **Почему же он же спорил?** — «Он знал, что этот рассказ содействовал прославлению нашего оружия, а потому надо было делать вид, что не сомневаешься в нем».

Как же возникает то, что называют подвигом, за что выдают награды? Толстой показывает, как по инициативе Николая Ростова павлоградцы атаковали французских драгун и как Ростов взял в плен одного из них.

— **Думал ли он о предстоящем деле?** — Нет, «он думал о лошади, об утре, о докторше и ни разу не подумал о предстоящей опасности».

— **Почему Ростов решил атаковать французов?** — Он «сам не знал, как и почему он это сделал... Он видел, что драгуны близко, что они скачут, расстроены; он знал, что они не выдержат, он знал, что была только одна минута, которая не вернется, ежели он упустит ее». Именно тот, кто чувствует такую минуту, и решает исход дела. Николай Ростов почувствовал ее,— и бой выигран. Ростов был убежден, что будет наказан за своеволие, т. е. за *нарушение военного плана*, но он был награжден. **И это еще раз убеждает: планы — ничто, а инстинкт минуты — всё.** Начальники, вроде Остермана, хотя и не признаются в этом, награждают нарушителя диспозиции.

— Возникает интересный вопрос; мог ли Николай Ростов уловить такую минуту в кампании 1805 года, когда он впервые выехал на поле боя? — Конечно, нет. Его занимал лишь один вопрос — вопрос его жизни и смерти. Только военный *опыт* выработал в нём умение мгновенно разбираться в ситуации, выработал это чутьё человека, который *полезен* в армии.

— **Чувствовал ли себя Николай героем, считал ли он, что совершил подвиг во имя отечества?** — Нет, он с удивлением спрашивал себя: «Так только-то и есть всего то, что называется героизмом? И разве я это делал для отечества?» Слова и мысли о любви к отечеству и государю лежат в одной плоскости, а действие, поступок — в другой. Эти две плоскости параллельны, они не пересекаются. На войну Николай Ростов пошел, руководствуясь своими представлениями о чести русского офицера. В бою им руководит инстинкт. Инстинкт этот *вернее* рассуждений о патриотизме, толкнувших Николая на войну.

Инстинкт, внутреннее чувство, внушает Николаю и отвращение к войне.

— **Что почувствовал Николай после того, как ударил французского драгуна?** — «В то же мгновение, как он сделал это, все оживление Ростова вдруг исчезло».

— **Что поразило его в раненом им враге?** — «Лицо его, бледное и забрызганное грязью, белокурое, молодое, с дырочкой на подбородке и светлыми голубыми глазами, было самое не для поля сражения, не вражеское лицо, а самое простое комнатное лицо». Он увидел не врага, а человека. Инстинкт борьбы уступил место инстинкту любви к человеку. Рассуждения о патриотизме забыты. «Он думал, что я убью его. *За что ж мне убивать его?*» Как за что? Он же враг, какое бы лицо у него ни было; он напал на Россию. Николай Ростов не может

разобраться в своих противоречивых чувствах. «Ничего, ничего не понимаю!» Он так и «не дал себе ясного отчета в том, что так смутило его». Не дает нам ответа и сам художник. Очень возможно, что в этот момент он не знал ответа («мировоззрение не есть что-то предшествующее художественному произведению, оно все время строится и проверяется художественной работой»).

Но ясно, что на этом этапе художественной работы Толстой еще не рисует начавшуюся войну как войну особую, справедливую. Наполеон уже подходит к Смоленску, а течение романа еще не вышло из русла проповеди единения всех народов. Война рисуется как *всеобщее* заблуждение, помрачение умов. Лишь в моменты просветления некоторые наиболее чуткие, сердечные люди, вроде Ростова, задают вопрос: «За что... убивать..?»

- **Вспомним, как молилась Наташа.**— Две молитвы читал дьякон. Первую — до получения синодального текста с воззванием о мести врагу, вторую — по тексту синода. Первую дьякон читал «громко и торжественно»: «*Миром* господу помолимся». И это «миром» Наташа понимает по-своему: «Миром, все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братскою любовью — будем молиться».

— **Молилась ли Наташа о мести врагам?** — «Она не могла молиться о попрании под ноги врагов своих, когда она за несколько минут перед этим только желала иметь их больше, чтобы любить их, молиться за них». Так ответила ее душа на молитву, написанную синодом: «...порази враги наши и сокруши их под ноги верных твоих вскоре». В этом выразилось предчувствие Толстого о противоречии между христианством и патриотизмом. Толстой явно разделяет христианские чувства своих героев. Молиться надо «всем миром без вражды», и в этом высшая правда («Да здравствует весь мир!»). Только помраченный разум воспринимает вражду, убийство как нечто закономерное.

- **Что излечило Наташу?** — Наташу вылечили не лекарства, прописанные врачами, а время и молитвы, и не потому, что молитвы содержали какие-то важные, понятные ей слова: «...Ей еще сладостней было думать, что желание понимать все есть гордость, что понимать всего нельзя, что надо только верить и отдаваться богу»; бог управляет душой всех людей.

Так возникает религиозное оправдание идеи единения. Величие Толстого — в понимании и пропаганде этой идеи, слабость его — в попытке религиозного ее обоснования. Недоверие к разуму неизбежно влечет за собой обращение к вере. Если нельзя разумно объяснить причину возникновения войн и болезней, вера в предопределение должна заменить в жаждущем познания человеке потребность научного исследования. Третьего не дано. И роман Толстого строится на опровержении рационалистического объяснения жизни.

Конечно, не все можно объяснить с помощью законов формальной логики. Область душевной жизни человека объяснению Толстой это великолепно понимал. Область душевной жизни человека в большей степени, чем любая область человеческой деятельности, подкрепляла толстовское отрицание рационализма.

— **Почему выздоровела Наташа?** — Иррациональные силы душевной жизни излечили ее болезнь.

— **Почему установилась гармония в душе Пьера, почему его перестали мучить вопросы устройства человеческого общества?** — Потому что он любил, а любовь, как чувство иррациональное, сильнее всяких рассуждений. «Какая бы мерзость житейская ни представлялась ему, он говорил себе: «Ну и пускай такой-то обокрал государство и царя, а государство и царь воздадут ему почести; а она вчера улыбнулась мне и просила приехать, и я люблю ее, и никто никогда не узнает этого». Такой ход мыслей мы встречаем в романе не впервые. Всегда, когда такие герои, как Андрей, Пьер, Николай, утрачивают душевное равновесие, — счастье и любовь, переполняющие Наташу, заражают их, и они, включаясь в ее иррациональный мир, понимают ничтожество мира мысли, в котором они жили. Встретившись с Наташей на балу, Андрей Болконский думает: «Какое дело мне... до того, что государю угодно было сказать в совете? Разве все это может сделать счастливее и лучше?» Николай Ростов после проигрыша Долохову слушает пение Наташи и думает: «Какие тут проигрыши, и Долоховы, и

честное слово! Все вздор! Можно зарезать, украсть и все-таки быть счастливым...» Счастье не зависит от внешнего положения человека, оно исключает интерес человека к его общественному бытию. Представление о Наташе переносило Пьера «в другую, светлую область душевной деятельности, в которой не могло быть правого или виноватого, в область красоты и любви, для которой стоило жить». Пьер, Андрей, Николай Ростов, сталкиваясь с определенными общественными отношениями, господствующими в России, пытаются каждый по-своему объяснить эти отношения, чувствуют отвращение к ним и стремятся вырваться из этой «темной» области жизни и приобщиться к «светлой области душевной деятельности». Мы говорили уже о бодром настроении, с которым Пьер встретил Отечественную войну.

— **К чему он чувствовал себя готовым?** — Он чувствовал, что «его любовь к Ростовой, антихрист, нашествие Наполеона, комета, 666, l'empereur Napoleon и l'Russes Besuhof — все это вместе должно было созреть, разразиться и вывести его из заколдованного, ничтожного мира московских привычек... и привести его к великому подвигу и великому счастью». Этот великий подвиг — убийство Наполеона. Но Пьер задумал его не из патриотических побуждений. Более того, одной из причин, по которой Пьеру «совестно было предпринять такой шаг», оказывается то, что ему неприятно глядеть «на большое количество москвичей, надевших мундиры и проповедующий патриотизм». Слово *патриотизм* впервые встречается в романе. Но речь идет не о подлинном чувстве патриотизма, а о фальшивом выражении этого чувства. Пьеру эта фальшь неприятна. Однако сам он пока не связан с народной почвой, и мысль об убийстве Наполеона возникла у него не в связи с патриотическим чувством, а в связи с предчувствием каких-то потрясений, которые произойдут в его личной судьбе.

Пьер, Наташа, Андрей, с их мыслями и чувствами — это выражение мыслей и чувств Толстого. Эти герои нам дороги не только сами по себе, но и как «чувствилища» великого Художника и мыслителя. И если князь Андрей и Пьер по разным причинам пока не проявляют патриотизма, но тем не менее как-то включаются в начавшуюся войну, значит, с одной стороны, Толстой питает неприязнь к подчеркнутому выражению патриотизма, а с другой стороны, считает неизбежным включением в «роевую» жизнь людей с подобным складом ума и характера.

Тема патриотизма занимает в романе все больше и больше места и все более сложное чувство вызывает у Толстого.

Обратимся к сцене чтения у Ростовых манифеста — обращения царя к москвичам.

— **Как воспринимал каждый из присутствующих слова манифеста?** — «Графиня неодобрительно и сердито покачивала головой против каждого *торжественного* выражения манифеста. Она во всех этих словах видела только то, что опасности, угрожающие ее сыну, еще не скоро прекратятся». Мать не может одобрить призывы к разворачиванию войны. И когда Петя под влиянием манифеста требует, чтобы его отпустили на войну, она, «побледнев, смотрела остановившимися глазами на меньшого сына». Авторское отношение к графине безусловно сочувственное. Граф, слушая манифест, прослезился и заявил: «Только скажи государь, мы всем пожертвуем и ничего не пожалеем». Это высказывание графа Толстой сопровождает ироническим сравнением: граф вскрикнул, «открывая мокрые глаза и несколько раз прерываясь от сопенья, как будто к носу ему подносили склянку с крепкою уксусной солью». Но ирония не злая, а добродушная, — с такой иронией Толстой относится ко всему, что говорит или делает граф Ростов, недалекий, но добродушный человек. Его патриотизм хоть и непродуманный, но бескорыстный, идущий от всего сердца.

- **Как Наташа откликается на патриотическое заявление отца?** — «Что за прелесть, этот папа!» — проговорила она, целуя его...» Шиншин смеется над порывом Наташи: «Вот так патриотка!»

— **Что отвечает Наташа?** — «Совсем не патриотка, а просто...» — обиженно говорит она. Наташа, с ее чутьем фальши, не любит громких слов и показного проявления высоких чувств. Но в словах и чувствах отца она услышала что-то такое, над чем нельзя шутить: искренность его порыва вызывает у нее столь же искренний отклик.

- **На что обратил внимание в манифесте Пьер?** — «А заметили вы,— сказал Пьер,— что сказано: «для совещания». Республиканец по политическим взглядам, Пьер обрадован тем, что наконец пробита, как он думает, брешь в самовластье: царь согласен создать какой-то совещательный орган. Показной, громогласный патриотизм манифеста не затронул Пьера?»
- **Что решил Петя Ростов, когда кончилось чтение манифеста, и как проявились его чувства?** — «Я решительно скажу, что вы пустите меня в военную службу... Я ничему не могу учиться теперь, когда...— Петя остановился, покраснел до поту и проговорил-таки, — когда отечество в опасности». Выражая патриотическое желание, Петя краснеет. Петя — истинный Ростов. Он чувствует фальшь *фразы*, как бы красива она ни была. Вспомним, как перед войной 1805 года, войной далеко не справедливой, Николай Ростов заявил: «Я убежден, что русские должны умирать или побеждать»,— и почувствовал «после того, как слово было уже сказано, что оно было слишком восторженно и напыщенно» (различие лишь в том, что Петя покраснел *до того*, как сказал напыщенные слова: он более чуток к фальши, чем Николай). Что же за патриотизм высказал Петя? Верность и любовь к «царю и отечеству» — чувства, из-за которых Николай тоже не кончил учебу в университете и пошел на *несправедливую* войну, потому что царь призвал его,— или же это чувство кровной связи с родиной, защищать которую Петя почувствовал необходимость? Вероятнее всего — первое. Не случайно в следующей же главе Петя показан в верноподданнической толпе, ловящей крохи бисквита с царского стола. Толстой исторически точен. Патриотизм мальчика из дворянской семьи не мог быть иным.

Исторически верно рисует Толстой встречу царя с московским дворянством и купечеством.

— **Как одеты были дворяне?** — «...Все были в мундирах, кто в екатерининских, кто в павловских, кто в новых александровских, кто в общем дворянском...»

— **Какое впечатление это общество произвело на Пьера?** — Пьеру казалось, что мундиры придают «что-то странное и фантастическое этим... лицам».

— **Были ли дворяне единодушны в стремлении помочь отечеству?** — Да, все они с одушевлением говорили о своей любви к царю и отечеству и готовности пожертвовать всем.

— **Кто пышнее всех говорил о защите отечества?** — Дворянин, «которого Пьер в прежние времена видал у цыган и знал за нехорошего игрока в карты». Этот дворянин заявляет: «Враг наш идет, чтобы погубить Россию, чтобы поругать могилы наших отцов, чтобы увести жен, детей,— дворянин *ударил себя в грудь*.— Мы все встанем, все поголовно пойдем, все за царя-батюшку!» — кричал он, *выкатывая кровью налившиеся глаза*». Отрицательное отношение писателя к этому оратору ясно.

— **Что было для каждого присутствующего самым важным?** — Высказать свою мысль; кричать так, чтобы его было слышно. Люди «шарили в своей голове, не найдется ли какая мысль, и торопились говорить ее». Торжественное совещание, вошедшее во все дворянские «Истории» как эпизод, подтверждающий патриотизм дворянства, показано Толстым в откровенно отрицательном свете.

Напомню верные слова А. Виноградова о толстовском реализме, характер которого «сводился... к исправлению исторических несправедливостей, к проявлению повышенной чувствительности правдолюба, к уничтожению... риторики военного пафоса...» Сказать о человеке, произносящем «патриотическую» речь, что он «нехороший игрок в карты», и о людях, желающих выразить свой «патриотизм», что они «шарили в своей голове, не найдется ли какая мысль»,— это и значило уничтожить «риторику... пафоса».

— **Поддался ли Пьер этому ложному, фальшивому «патриотическому» подъему?** — Да, несмотря на то что он «не *отрекся от своих мыслей*», он поддался общему настроению и отдал в ополчение тысячу человек, взяв на себя и их содержание.

— **Какие же это были мысли, от которых бы он не отрекся?** — Он ожидал, что совещание это будет шагом вперед к осуществлению идеалов «общественного договора». Лишь *в этом смысле* его интересовало совещание. Что же касается дворянского «патриотизма», то Пьер настолько явно выразил равнодушие к нему, что сделался для присутствующих «ощутительным предметом ненависти». Волна фальшивого патриотизма подхватила Пьера

потому, что он вообще легко поддавался чужому настроению, если оно выражалось отчетливо и настойчиво. Так он женился на Элен, так он стал масоном и так он теперь объявил Растопчину о тысяче крестьян, которых он отдает в ополчение: «Пьер, однако, чувствовал себя взволнованным, и общее чувство желания показать, что нам все нипочем, выражавшееся больше в звуках и в выражениях лиц, чем в смысле речей, сообщалось и ему».

Так кончается первая часть третьего тома. Война по существу еще не изображена. О ней говорят, обсуждают планы ее ведения, думают об участии в ней. Определенного отношения к ней у одних героев еще нет (Пьер, Наташа, князь Андрей), другие клянутся в своей верности «царю и отечеству» (Петя, старик Ростов), третьи откровенно эксплуатируют войну (Друбецкой).

Народ же пока безмолвствует...

Г. Н. Фейн

Анализ романа Л. Н. Толстого

«Война и мир»

Том III Часть вторая

Вторая часть третьего тома — главная если не в раскрытии основной мысли романа, то во всяком случае в раскрытии темы Отечественной войны. В ней Толстой основное внимание уделяет причинам поражения Наполеона и победы русских в войне. Уже в философском вступлении Толстой прямо высказывает свою мысль о причинах победы России в войне 1812 года. Причем он настолько убежден в своей правоте, что свое мнение считает общепризнанным.

— **Какова же, по мнению Толстого, причина поражения Наполеона?** — «*Никто не станет спорить*, что причиной гибели французских войск Наполеона было, с одной стороны, вступление их в позднее время без приготовления к зимнему походу в глубь России, а с другой стороны, характер, который приняла война от сожжения русских городов и возбуждения ненависти к врагу в русском народе». Две причины равноправны: ошибка французов и патриотизм русского народа. Проблема воинского преимущества русских вообще не ставится. Толстой считал, что военного искусства нет и быть не может. Значение стратегических планов в разгроме Наполеона (в данном случае косвенно) отрицается.

— **Знали ли современники и участники войны 1812 года, что может погубить французов?** — Толстой утверждает, что никто не предвидел того, что только завлечением в глубь России будет погублена французская армия, и наоборот: русские делали все, чтобы остановить французов, т. е. помешать достижению того единственного положения, которое должно погубить французов, а французы старались продвинуться в глубь России, т. е. стремились к тому, что их должно погубить. Действия и тех и других были бессознательны. «Все происходит *нечаянно*». И Толстой не ограничивается таким утверждением. Он перечисляет все *случайности*, которых хотели избежать русские командиры, но которые все же приводили к новым и новым отступлениям русской армии, т. е. к тому, что в конечном счете погубило французское нашествие. Это подтверждает основную философскую мысль романа:

«Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей». Поступок каждого человека случаен, но сумма этих случайностей создает роковую неизбежность, предвидеть которую никто не может, так как невозможно предугадать все случайности и их влияние на ход истории. Объяснение истории задним числом не представляет трудностей; теперь, когда событие (победа русских в войне 1812 года) совершилось, никто уже не сомневается, что понимал весь ход этого события. На самом же деле те люди, которые пытались понять пути исторического развития и руководить этим развитием, были смешны и своими искусственными поступками, фальшивыми речами в лучшем случае никакой пользы не приносили тому, что должно произойти просто и естественно. Люди безыскусственные не рассуждают о войне и не задумываются о каком-то особенном ее характере, считает Толстой.

— **Что и как думала княжна Марья о войне?** — «Она боялась за брата, который был там, ужасалась, не понимая ее, пред людскою жестокостью, заставлявшею их убивать друг друга; но не понимала значения этой войны, казавшейся ей такою же, как и все прежние войны». Вот уже вторая героиня романа, по-женски, осуждает войну, не задумываясь о характере этой войны. Позже, в предисловии к чеховской «Душечке», Толстой говорил о великом значении женщины, несущей людям любовь. Женский взгляд на жизнь Толстой считал более верным, чем мужской, в смысле понимания конечной цели человечества — создания царства всеобщей братской любви. Восхищение военными подвигами, попытка проникнуться мужскими интересами делают женщину смешной.

— **Вспомним письмо Жюли княжне Марье о подвиге Раевского.** — Безграмотность дворянки, не владеющей родным языком, сочетается с глупостью исповедующей фальшивый патриотизм барыньки: «...Я *имею ненависть* ко всем французам, равно и к языку их, который я не могу слышать, говорить... Мы в Москве все восторжены *через энтузиазм* к нашему обожаемому императору... Мы, несчастные вдовы живых мужей, за корпией *делаем прекрасные разговоры*...» Все, кто «делает прекрасные разговоры» о войне, — смешные и ничтожные люди, будь то Жюли или Наполеон, то есть люди, которые, будучи уверены в своем понимании хода событий, вызывают не насмешки, а сочувствие. Это, например, старик Болконский. — Как он относится к современной ему действительности? Что он думает о войне? — Он весь в прошлом. Потерявший большую власть, он создал маленькое княжество в Лысых Горах. Соратник Суворова, он с насмешкой относится ко всем «нынешним». Самодурство стало формой его самоутверждения. Он хочет подчинить себе не только волю княжны Марьи и слуг, но и волю истории. Он заявляет: «Я говорил и говорю, что театр войны есть Польша и дальше Немана никогда не проникнет неприятель», — хотя у него на столе лежит письмо от Андрея с сообщением о приближении французов к Смоленску. Пусть хуже будет фактам. Настоящее противно ему. Он с наслаждением думает о времени своей молодости, когда то, чем он сейчас хочет казаться, было его сущностью. Он хочет казаться повелителем, а командует только Тихоньм, Алпатычем да покорной дочерью. Оставаясь наедине с самим собой, он чувствует свое бессилие. Ему трудно поднять ноги, чтобы лечь на постель. И только когда ему представляется прошлое, когда он вспоминает себя «молодым генералом, бодрым, веселым, румяным», он чувствует успокоение. «Ах, скорее, скорее вернуться к тому времени, и чтобы теперешнее все кончилось...» Старик Болконский не чувствует пока того, что надвигается на Россию, настолько он чужд всему теперешнему. Он хочет, чтобы жизнь вернулась вспять или хотя бы застыла в привычных для него формах. Люди вообще неохотно расстаются с привычным ходом жизни, тем более люди старые. Война же потрясает и перевертывает все, казавшиеся вечными, устои жизни.

Патриотическое чувство разгорается сначала из незаметной искры, а потом превращается в пожар... Толстой подробно описывает взятие французами одного лишь Смоленска. На примере поведения жителей Смоленска он показывает, как неохотно и вместе с тем естественно, без участия рассуждающего о патриотизме разума, люди расстаются с привычными условиями жизни, разрушают эту устоявшуюся жизнь. Патриотизм возникает стихийно.

— **Как вели себя жители Смоленска до начала его бомбардировки французами?** — «Так же, как и всегда, ездили извозчики, купцы стояли у лавок, и в церквах шла служба». Война — лишь «новая тема для разговоров, тема самая актуальная. «...Все говорили о войске, о неприятеле, который уже напал на город!» Мысли об оставлении города, тем более о

сожжении домов нет. Но чем ближе слышатся выстрелы, тем чаще появляются возы со скарбом, выезжающие из ворот домов.

— **Интересно проследить изменение настроения купца Ферапонтова. Сразу ли с подходом Наполеона к городу он решил уехать?** — Нет, он говорит о тех, кто хочет уехать: «Народ глуп. Все француза боятся».

— **Какие две причины удерживают его в городе?** — Во-первых, уверенность, что Смоленск не будет сдан, во-вторых, дороговизна подвод. Жалость к имуществу у него сильнее страха. «По нашему делу разве увеземся?... Дай до Дорогобужа по 7 рублей за подводу». Накоплено много, увезти все это трудно; нежелание расстаться с добром так сильно, что он избивает жену, за то, что она «ехать просилась». Он завидует купцу Селиванову, сумевшему за дорогую цену продать муку в армию. Сделать то, что должно погубить французов, — оставить им выжженное место — он не собирается. Но звуки выстрелов усиливаются. Начинается бомбардировка города. Напряжение у жителей возрастает. Слышатся «стоны, дальше крики»; «воют женщины», «заплакал ребенок». «С двух сторон поднимались и расходились черные клубы дыма и пожаров». Возникает тема разорения роевой жизни. «На улице... *как муравьи из разоренной кочки...* проходили и пробегали солдаты». Рушатся привычные устои, формы жизни. Солдаты, те самые, которые раньше могли только купить муку у купца Селиванова, теперь сами врываются в купеческие дома, наполняют мешки и ранцы мукой и подсолнухами.

— **Как меняется поведение Ферапонтова, когда он видит, что солдаты грабят его дом?** — Сначала «он хотел крикнуть что-то», хотел остановить их, — действует инерция прежней жизни. Но потом, «схватившись за волосы, захохотал рыдающим хохотом: — Тащи всё, ребята! Не доставайся дьяволам! — закричал он, сам хватая мешки и выкидывая их на улицу... — Решилась Рассея!.. Сам запалю. Решилась...» Развитие настроения Ферапонтова показано Толстым с удивительным чутьем правды. Превращение собственника, накопителя в патриота происходит органично в связи с внешними событиями. Сам патриотизм Ферапонтова изображен как стихийное чувство, прорвавшее толстую кору купеческой жадности. И это чувство сразу же приобщает грубого мужика-кулака {вспомните его портрет: «сорокалетний мужик, с толстыми такими же шишками над бровями в толстом брюхе»} к рафинированному князю Андрею.

- **Что приказывает князь Андрей сестре?** — «Уезжайте сейчас в Москву». — Как он относится к тому, что жители поджигают свои дома? — Он не обращает на это внимания, не запрещает и не разрешает, считая, вероятно, это естественным явлением.
- **Какие-то начальники запрещали жечь дома, другие старались этот приказ исполнить. Кто особенно старался удержать жителей от поджогов и почему?** — Берг сообщает князю Андрею, что он «должен исполнять приказания», а потому требует прекращения поджогов. У Берга нет и не может быть того патриотического чувства, которое есть у Ферапонтова и князя Андрея. Для него это одна из войн, в которых нужно просто выполнять приказания, чтобы получать хорошие места и «быть на виду».
- **Какое новое чувство и когда охватило Андрея?** — Пожар Смоленска и оставление его были эпохой для князя Андрея. Новое чувство озлобления против врага заставляло его забывать свое горе». Для Ферапонтова пожар Смоленска тоже был эпохой, и чувство озлобления против врага тоже заставило забыть свое горе (разорение). Ферапонтов — лицо «проходное» в романе, но долженствующее, по мысли Толстого, показать независимость чувства патриотизма от социальной принадлежности человека, от его культурного и нравственного уровня. Как в муравейнике, несмотря на различие исполняемых функций, все насекомые в одинаковой степени чувствуют свою привязанность к нему, так люди одной национальности, независимо от их роли в обществе, испытывают это роевое чувство.
- **Как князь Андрей теперь относится к людям?** — «...Он был заботлив о своих людях и офицерах и ласков, с ними... Но добр и кроток он был только с своими полковыми, с Тимохиным и т. п. ...как только он сталкивался с кем-нибудь из своих прежних, из штабных, он тотчас опять, ошетикивался: делался злобен, насмешлив, презрителен». Он не любил людей прежнего своего мира. Он приобщился к новому миру, миру солдат.

— **Принял ли этот мир князя Андрея?** — Да, «в полку его называли *наш князь*, *им* гордились и его любили». Солдаты любят, князя, Андрея; а царю было противно все его существо, и в свете князя Андрея называли гордецом. Вспомните, что о нем говорила Перонская: «Терпеть не могу... и гордость такая, что границ нет... Смотрите, как с дамами обращается...» («Он дамам к ручке не подходит»). К этому миру и сам Болконский испытывает отвращение. «Все, что связывало его воспоминания с прошедшим, отталкивало его...» Только воспоминания о родных Лысых Горах были дороги ему.

— **Прочитаем главу пятую, где князь Андрей навещает Лысые Горы, уже покинутые отцом, сыном и сестрой...** — С каким лиризмом Толстой описывает деревню, «в которой родился и провел свое детство» князь Андрей: этот «оторванный плотик, до половины залитый водой», который «боком плавал по середине пруда»; эти дорожки сада, которые уже заросли; засохшие в кадках деревья; изломанный тесовый резной забор. Описание проникнуто грустным раздумьем. Вспоминаются пушкинские строки:

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах...

Картина умирания усадьбы, пришедшей в ветхость из-за того, что над ней пронесся вихрь войны, становится особенно грустной, когда Толстой приводит такую выразительную деталь: старик сидел на зеленой скамейке «все также безучастно, *как муха на лице дорогого мертвеца*». Но эта картина умирания все же полна жизни по сравнению с тем, что несет смерть: в ней есть нечто, говорящее о вечности жизни. Мужика, плетущего лапти, князь Андрей видел еще в детстве у ворот; девочки, рвущие вишни, живут своими интересами, независимыми от интересов князя Андрея, от интересов войны. Как многозначительно это нежелание Андрея спугнуть девочек! И как резко меняется его настроение, когда он видит купающихся солдат. Он смотрит на голые их тела, барахтающиеся, «как караси, набитые в лейку», и на свое тело. «Мясо, тело, chair а сапон!» (мясо для пушек!—Г. Ф.),— думал он... и вздрагивал «от... отвращения и ужаса».

В то время как князь Андрей, Ферапонтов, солдаты, жители Смоленска прониклись общим чувством ненависти к врагу, чувством непосредственным, не вызванным никакими соображениями,— в петербургском высшем обществе это чувство никем не овладело.

— **Какие два кружка были в Петербурге и чем они отличались друг от друга?** — Кружок Анны Павловны жил прежней жизнью. Бонапарт — враг, но враг прежде всего не России, а их класса. В нем видели ниспровергателя устоев, и в кружке принимались «только закоренелые легитимисты». Главное, о чем мечтали здесь, было поражение Наполеона. Другой кружок — кружок Элен, в который был вхож даже канцлер Румянцев,— отстаивал точку зрения, определившую поражение многих европейских государств: мир с Наполеоном на любых условиях.

В коротеньком философском вступлении к главе VI Толстой говорит о преобладании формы над содержанием в жизни этих кружков.

— **Какую роль играл князь Василий?** — Он «составлял звено соединения между двумя кружками». Ему было одинаково хорошо и у дочери, и у «достойного друга» Анны Павловны. Эту роль он мог играть только потому, что различие между кружками было чисто формальным.

— **Как и почему менялось отношение князя Василия к назначению Кутузова?** — Суть дела не волновала князя Василия. Он должен был доказать, что он — тонкий, понимающий дело политик, и куда обращался флюгер царского отношения к Кутузову, туда и «дул» князь Василий.

— **Замечали ли в обществе хамелеонство князя Василия?** — Заметил один «бестактный» молодой человек. Общество же в целом понимало князя Василия и соглашалось с ним. Жизни и имуществу людей петербургского света ничто не угрожало. Театр военных действий казался им столь же далеким, как и тогда, когда война шла за границей. Чувства же России, родины эти люди не имели.

Не случайно Толстой не показывает патриотизма петербуржцев. Он все время противопоставляет Москву Петербургу. Борис Друбецкой, с его тяготением к высшему свету, стремлением сделать карьеру, больше любит Петербург. А князю Андрею Наташа понравилась, в частности, потому, что в ней было что-то непетербургское. Пьер и Ростовы чувствуют себя в Москве лучше, чем в Петербурге.

Это сопоставление Москвы с Петербургом не ново. В период борьбы западников со славянофилами оно часто появлялось в статьях враждующих партий. Толстой в это время Сблизился со славянофилами Погодиным и Урусовым, и на романе лежит отпечаток славянофильского любования Москвой и неприязни к Петербургу. Вместе с тем нельзя забывать, что Петербург — столица, резиденция двора. Хотя пока Толстой и посмеивается над «патриотизмом» москвичей, чувствуется, что интриганство петербуржцев ему еще более неприятно. В романе нет ни одного положительного героя из придворных кругов. Неприязнь Толстого если не ко всему его классу, то к высшему, близкому к престолу дворянству сказывается в романе совершенно отчетливо. Эксплуатация войны — еще одна черточка, вызывающая у Толстого отвращение к придворным кругам.

Можно сказать, что отношение разных слоев общества к войне устроится в романе как пирамида: наверху те, кто пытается как-то воздействовать на ход войны, с тем чтобы что-то выгадать для себя; чем ниже, тем проще, безыскусственное выражение патриотизма и тем меньше попыток сознательного воздействия на события. Количество разговоров о родине, о царе обратно пропорционально приносимой людьми пользе. Чем меньше человек думает об общем ходе дела, чем меньше говорит о подвигах, о героях, о мудрых полководцах, тем больше, по мнению Толстого, он приносит пользы.

Люди, в чьей душевной жизни содержание преобладает над формой, в большей степени готовы к приобщению к страданиям «мира», чем люди, для которых главное — казаться, а не быть. А так как содержание «содержательнее» формы, люди богатой внутренней жизни — объект более интересный для художника-психолога, чем люди, в жизни которых форма преобладает над содержанием. Так, внутренние мотивы поступков князя Василия Толстой не раскрывает: они слишком ясны. Он рисует лишь внешние обстоятельства, влияющие на то или иное действие князя Василия. Художественный метод меняется в зависимости от изменения объекта изображения. Для княжны Марьи, например, существенно не то, что о ней подумает кто-то, а то, что она о себе думает. Ей важно быть, а не казаться.

— **Какая душевная борьба происходила в княжне Марье, когда старый князь тяжело заболел?** — В ней проснулись прежние, казалось, умершие надежды на свободную жизнь «без страха отца», она порой ждет признаков приближения конца. Эти нехристианские мысли и надежды пугают ее. Она видит в них «искушение дьявола», хочет подавить их в себе. Но молитва не спасает ее.

— **Что возвращает княжну Марью в тот нравственный мир, потерять она так хотела и так боялась?** — Страдания умирающего отца.

Старику Болконскому приходится расплачиваться за свой деспотизм. Расплата страшная. Лишившись языка, он не может раскрыть того, что у него на душе. Он всю ночь звал княжну

Марью, но вместо членбраздельных звуков вливалось какое-то бормотанье. И она, «желая войти», не решалась этого сделать: «Она знала, что ее приход ночью, в необычное время, раздражит его». Угадать желание самоодура не очень-то легко. Но когда тело старика окончательно обессилело и он потерял над ним власть, в княжне Марье проснулась жалость к отцу. Прежнее желание его смерти уже кажется ей проявлением «её душевной мерзости». С жалостью возвращается любовь, с любовью — умение понять по выражению лица, по жесту чувства и желания близкого человека. Впервые за всю совместную жизнь души их открыты друг другу. Княжна Марья понимает, что отец любил ее всю жизнь, и теперь сама а не чувствует ничего, «кроме своей страстной любви отцу». Приближающаяся смерть, разрушив тело стоика Болконского, обнаружила нежность его души. Последние мысли его — о дочери. Душа его болит от невысказанной дочери любви....

— **О чем еще думал старый Болконский в последние минуты жизни?** — «Погибла Россия! Погубили!» И он пять зарыдал и слезы потекли у него из глаз». Человек с исковерканной психикой перед смертью думает о России. Князь Болконский принадлежал к двум мирам. Когда-то и был близок к придворному миру. Он боролся с Зубовым за право подойти к ручке покойной матушки-императрицы, он завидовал Потемкину; Курагин был товарищем его юности. Он целиком принадлежал к этому миру, и жестокость, эгоизм, самодурство этого мира стали его сущностью, от которой страдали не только окружающие, но позже и он сам. Жизненные неудачи вытолкнули его из этого мира. Он вынужден был променять придворную жизнь на уединённую жизнь помещика. Семья и хозяйство стали главным содержанием этой жизни. В душе его зародились семена нежности к дочери. Они не смогли взойти на каменистой почве самодурства. Но они жили. Жила в нем и гордость за сына, и гордость за русскую армию. Незаметно для себя он перешел из жизни, «в которой преобладала форма», в жизнь, в которой «преобладает содержание». Именно потому перед смертью он думает о России и плачет. В обществе Курагиных и Шерер могут сокрушаться на словах из-за неудач русской армии. Плакать там никто не будет...

- **Думала ли княжна Марья после смерти отца о войне, о приближении французов?** — Нет, «мысли ее были сосредоточены на одном: она думала о невозвратимости смерти и о той своей душевной мерзости, которой она не знала до сих пор и которая выказалась во время болезни ее отца». А когда мадемуазель Бурьен говорит ей о неприятеле, об опасностях, грозящих им, княжна Марья даже не понимает ее.

— **Что выводит ее из этого состояния протрации?** — Предложение Бурьен отдаться под покровительство французов.

— **Почему княжна Марья сразу после этого решила уехать из Богучарова?**
Чувствовала ли она необходимость для себя лично уехать от французов? — «Для нее лично было все равно, где бы ни оставаться и что бы с ней ни было». Но «она чувствовала себя... представительницей своего покойного отца и князя Андрея». Она почувствовала свою причастность не непосредственно к России, к большому миру нации, а к маленькому миру Болконских — и лишь через него к общенациональному миру. Когда она думала о том, как оскорбительно покровительство французов, она думала «не своими мыслями, но чувствуя себя обязанною думать за себя мыслями своего отца и брата». Приказывая уезжать, княжна Марья вливается в поток уходящих от врага людей и тем способствует, по мысли Толстого, гибели наполеоновской армии.

- **Но весь ли народ покидал места, куда приходил неприятель?** — Большинство крестьян уходило, но не все. «...В полосе Лысых Гор на шестидесятиверстном радиусе... все крестьяне уходили». Но «в полосе степной, в богучаровской, крестьяне... имели сношения с французами, получали какие-то бумаги, ходившие между ними, и оставались на местах».

— **Почему некоторая часть крестьян оставалась?** — Крестьяне верили французским прокламациям, в которых обещалось освобождение от крепостного права. Стремление к социальному освобождению оказалось у этой части крестьян сильнее национального чувства.

— **Считал ли Толстой эти стремления, эти чувства крестьян естественными?** — Да, он говорит о «таинственных струях народной русской жизни», о том, что «подводные струи, не переставали течь в этом народе и собирались для какой-то новой силы, имеющей проявиться

так же странно, неожиданно и вместе с тем просто, естественно и сильно». Простота и естественность для Толстого всегда были проявлениями высшей правды.

— **Почему богучаровские мужики не хотят оставлять дома и уезжать с княжной Марьей?** — «Вишь, научила ловко, за ней в крепость поди! Дома разори, да в кабалу и ступай». Богучаровские мужики уже подчиняются распоряжениям французов. Один мужик кричит на сходке: «Сказано, порядок чтоб был, не ездят никто из домов, чтобы ни синь пороха не вывозить — вот она и вся!» Своя, русская барыня им более ненавистна, чем французы.

— **Какое выражение прочла княжна Марья на лицах мужиков, когда она, как они думали, хотела купить их свободу за хлеб?** — Она увидела на лицах мужиков «не выражение... благодарности, а выражение озлобленной решимости». Если бы французская армия оставалась республиканской, какой она была в первое время после Великой французской революции, если бы она не переродилась в армию буржуазных захватчиков, неизвестно, как развивались бы события в России. Советский историк Е. Тарле пишет: «Декрет об освобождении крестьян, если бы он был издан Наполеоном и введен в действие во всех губерниях, занятых войсками Наполеона, дойдя до русской армии, сплошь крепостной, державшейся палочной дисциплиной, — такой декрет мог бы... всколыхнуть крестьянские миллионы, разложить дисциплину в царских войсках и прежде всего поднять восстание, подобное пугачевскому». Но Наполеон обманул русских мужиков, он нес им не освобождение, а разорение и новое рабство.

На наш взгляд, не прав В. В. Ермилов, утверждающий, что «Толстой не выражает своей прямой оценки богучаровского - бунта». Сочувствие Толстого богучаровским мужикам совершенно определено. Сам же В. В. Ермилов признавал, что у Толстого «речь идет о чистых и глубоких источниках, о народном стремлении к счастью, вольной жизни». Если Толстой и показал, как легко был подавлен богучаровский «бунт», то это не потому, что он, как полагает Ермилов, видел, что этот бунт вступает в противоречие «с коренными общенародными интересами борьбы против врага отечества» и, следовательно, «не может не заглухнуть». Писать так — это значит признать социальную борьбу в меньшей степени выражающей «коренные общенародные интересы», чем национальная.

Богучаровский бунт был подавлен легко потому, что это был типично крестьянский бунт, с его стихийностью, отсутствием четкой перспективы. К тому же, и это очень «ажно, русские крестьяне типа богучаровских имели в лице французов *ложного* союзника. (Характерная деталь: богучаровский мужик отвез французам сено и показал потом деньги, полученные от французов; Толстой замечает: «Он не знал, что они были *фальшивыми*».) В массе своей русский крестьянин сразу разобрался, что «хрен редьки не слаще», а даже горше, что французы явились не в роли освободителей, а в роли «миродеров»! Не прав В. В. Ермилов, утверждая, что Толстой не мог одобрить богучаровского «бунта», так как он был вообще против любого бунта; ведь в Богучарове серьезного бунта не было, а было выступление именно в духе позднего Толстого: крестьяне просто *отказались принять участие* в господских делах, а призыв к «неучастию» был основой политических воззваний позднего Толстого. Крестьяне даже велели передать княжне, чтобы она оставалась, «и они по-старому будут служить ей и во всем *повиноваться*». Чтобы увидеть в этом бунт, надо было быть Николаем Ростовым...

Подавление богучаровского «бунта» — важный этап в развитии Ростова. Очень верна мысль В. В. Ермилова, подчеркивающего, что Толстой ведет совершенно последовательный, художественно неумолимый путь Ростова: «тильзитское подавление своего бунта; подавление мужицкого бунта в Богучарове...» И явную промашку дала революционная «Искра», которая, имея в виду расправу Николая Ростова с мужиками, назвала «Войну и мир» «настойной книгой секущего исправника». Толстой явно против «секущего исправника» Ростова, в конечном счете за «Искру».

— **С каким настроением подходил к мужикам Никол Ростов? Как он ведет себя, как говорит?** — Он шел, «задыхаясь от *неразумной, животной* злобы». Речь его становится грубо истерической: «Разговаривать?... Бунт! Разбойники! Изменники!» — *бессмысленно*, не своим голосом *завопил* Ростов». Мужика Карпа он бьет так, что у того «голова мотнулась набок от сильного удара». Ведет себя Николай Ростов и разговаривает совсем в духе советов Гоголя, автора «Выбранных мест...». Вспомните обращение Николая к Алпатычу: «Старый хрыч... Шкуру спущу со всех...» И последний всплеск ростовской совести: отвечая на благодарность княжны Марьи, он стыдится чего-то, краснеет и старается переменить

разговор. Он сам понимает, что вел себя не как *благородный* русский офицер, а как пристав. «Каждый становой сделал бы то же», — признается он княжне Марье.

Но при всем том нельзя забывать, что для Толстого этого времени душевная жизнь дворян интереснее и существеннее жизни мужиков. По верному замечанию Плеханова, в период работы над «Войной и миром» Толстой «был художественным бытописателем высшего сословия». Судьба богучаровских мужиков больше не волнует Толстого, — он все внимание сосредоточивает на сердечных волнениях Николая Ростова и княжны Марьи. — Интересно сопоставить язык Ростова-«исправника» и Ростова-«рыцаря», спасителя прекрасной дамы. — «Старый хрыч», «шкуру спущу», «разбойники», «чтоб голоса вашего не слышал» — лексикон первого. Синтаксис максимально упрощен: большинство предложений состоит из одного-двух слов, предложения в основном повелительные. «Исправник» Ростов не говорит, а «кричит», «вопит»; мужиков он «хватает», «бьет». И как же меняются его речь и его манеры, когда он обращается к человеку «своего круга»: «...Я отвечаю вам своею честью, что ни один человек не посмеет сделать вам неприятность, ежели вы мне только позволите конвоировать вас, — и, почтительно поклонившись, как кланяются дамам царской крови, он направился к двери».

— **Как подействовал на Николая Ростова рассказ княжны Марьи о ее тяжелом положении?** — У Ростова слезы стояли на глазах. Рядом голодная, разоренная деревня, — но положение мужиков не вызывает у Николая Ростова слез. У него не возникает мысли поинтересоваться причинами недовольства крестьян. Для него это не люди, а — «грубые, бунтующие мужики». Для Толстого также не существует единого Ростова. Он в одинаковой степени не любит Ростова-станового и любит Ростова-рыцарем. Он жалеет Ростова: такой сердечный, совестливый и — такая грубость, жестокость! Ведь умение сочувствовать чужому горю дано не всяким героям Толстого, а только лучшим из них. Именно за это и полюбила Ростова княжна Марья. «Его добрые и честные глаза с выступившими на них слезами в то время, как она сама, заплавав, говорила с ним о своей потере, не выходили из ее воображения».

В княжне Марье и Николае просыпается любовь. Толстой показывает, что душевная жизнь людей, их личные радости и печали продолжают волновать их даже в самые тяжелые исторические моменты. Поглощенные своей любовью, Николай и княжна Марья не произносят патетических фраз об отечестве. Но именно такие княжны Марьи, не поддавшиеся уговорам французов и не сделавшие им удовольствия стать французскими подданными, такие Николаи Ростовы, без рассуждения выполнявшие повседневные фронтовые дела, стали, как частицы роевой жизни, орудием судьбы наполеоновской армии. Они, конечно, не сознавали этого, но, несмотря на это, а точнее — благодаря этому, они близки кутузовскому началу, определяющему основную историко-философскую мысль романа.

— **Как отнесся Кутузов к проекту Денисова?** — «Все, что говорил Денисов, было дельно и умно», но «очевидно было, что Кутузов презирал ум и знание и даже патриотическое чувство, которое выказывал Денисов, но презирал не умом, не чувством, не знанием... а он презирал их чем-то другим». Это другое был опыт жизни, который научил его верить только в «терпение и время». Убеждение в неотвратимости судьбы, решения которой нужно терпеливо ждать, определяет все поведение Кутузова. Если же он делает что-то иное, то только для того, чтобы не конфликтовать с окружающими.

— **Как отвечает он на вопрос князя Андрея, будет ли сражение?** — «Должно будет, коль все этого захотят, *ничего делать...*» Доклад дежурного генерал; он слушал «только оттого, что у него были уши, которые не могли не слышать», и «потому, что надо прослушать, как надо прослушать поющий молебен». Он подчиняется не только необходимости, которую диктует судьба, но и необходимости, выдуманной людьми: нужно подписывать какие-то бумаги, выслушивать доклады, участвовать в молебнах, и он все это делает, хотя сам живет в ином мире.

— **Что же это за внутренний мир Кутузова, какова его вера?** — У Кутузова «вместо ума (группирующего события и делающего выводы) одна способность спокойного созерцания хода событий»; уже своим видом он вселяет в людей спокойствие, уверенность в том, «что все будет так, как должно быть».

— **Но как должно быть? Верил ли Кутузов в благоприятный для России исход войны?** — Да. У Кутузова был своего рода оптимистический фатализм. Он твердо верил в победу России и говорил князю Андрею, что французы, как в прежнюю кампанию турки, будут лошадиное мясо есть.

— **Как эта кутузовская уверенность повлияла на князя Андрея?** — Князь Андрей после свидания с Кутузовым «вернулся к своему полку успокоенный насчет общего хода дел и насчет того, кому оно вверено было». — Толстой не отрицает роли личности вообще. Он отрицает преобразующие возможности исторического деятеля. Толстой утверждает, что военный или политический руководитель может принести пользу, *если, почувствовав* (а не поняв, ибо понять невозможно), как развиваются события, постарается внушить свою веру в благоприятный их исход массам. Вспомним, какое влияние на солдат и офицеров имело пребывание на поле боя Багратиона во время Шенграбенского сражения: «Начальники, с расстроенными лицами подъезжавшие к князю Багратиону, становились спокойнее, солдаты и офицеры весело приветствовали его и становились оживленнее в его присутствии и, видимо, щеголяли перед ним своею храбростью». Мы это называем руководством моральным состоянием войск.

- **Толстой не отрицает сознательного воздействия Кутузова на дух армии. Что и как сказал Кутузов при первой встрече с солдатами в Царевом Займище?** — «И с такими молодцами все отступать и отступать!» При этом «лицо его вдруг приняло тонкое выражение; он вздернул плечами с жестом недоумения». Сказав это, Кутузов не собирался немедленно остановить отступление. Он хотел выразить свою веру в силу русской армии, хотел, чтобы его убеждение стало достоянием всех. Отсюда это «тонкое выражение»: слова сказаны с расчетом, что они станут известны всей армии.

— **Откуда, же эта сила веры и прозрения Кутузова?** — От его связи с национальным духом. «А главное,— думал князь Андрей,— почему веришь ему, это то, что он русский... На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало народному, противному придворным соображениям, избранию Кутузова в главнокомандующие».

— **Как относится Кутузов к запрещениям сжигать дома и хлеб?** — Он велит отправлять подобные приказы в печку. Он, как и Ферапонтов, как и князь Андрей, проникнут духом, которого не может понять Берг. Кутузов родствен всему народу; не случайно так часто повторяется слово «отец» в применении к Кутузову. Придворные круги из понятия «народ» Толстым исключаются.

- **Как реагирует Кутузов на сообщение князя Андрея о смерти старика Болконского?** — «Он обнял князя Андрея, прижал его к своей жирной груди и долго не отпускал от себя. Когда он отпустил его, князь Андрей увидал, что расплывшиеся губы Кутузова дрожали и на глазах были слезы». Позже он сказал князю Андрею: «Помни, что... я тебе не светлейший, не князь и не главнокомандующий, а я тебе *отец*». Ему хотелось бы сбросить с себя тяжесть чинов, званий, а быть просто отцом для всех. Это выражается и в его внешнем облике.

— **Каким увидел князь Андрей Кутузова?** — Кутузов, «тяжело расплываясь и раскачиваясь, сидел на своей бодрой лошадке». Слезая с лошади, «он вынул левую ногу из стремя, повалившись всем телом, и, поморщившись от усилия, с трудом занес ее на седло, облокотился коленкой, крикнул и спустился на руки к казакам и адъютантам, поддерживавшим его». Ничего от гарцующего на коне героя-полководца. Время руководства *тяжело* Кутузову. Наполеон тоже толст, но его тучность — «это тучность разъевшегося... коня». Медики, вероятно, нашли бы одинаковую причину полноты двух полководцев. Художнику же каждая деталь видится функционально. С животными, со зверями он сравнивает Наполеона, Анатоля Курагина, людей придворного мира. Облик Кутузова вызывает мысль о старом усталом отце. Толстовский Кутузов — предельное выражение веры в добрую к осени судьбу. Громкие слова о патриотизме не нужны — нужно уметь отдаться потоку времени, и оно приведет к цели. Выпячивание патриотизма, дешевые способы его возбуждения, по мнению Толстого,— пошлость.

— **Кто является воплощением такого рода пошлости?** — Растопчин. Растопчинские афиши должны возбудить патриотизм не у *народа*, а у *толпы*. «Патриотизм» толпы темен и жесток. Описание экзекуции над поваром-французом призвано показать, к чему ведет «патриотизм» толпы, «патриотизм», вызывающий разъединение людей, потерю человечности. Любимые толстовские герои в войне с Наполеоном хотят найти что-то великое, что должно открыть им правду.

— **С каким чувством едет Пьер в армию?** — «Он испытывал теперь приятное чувство сознания того, что все то, что составляет счастье людей, удобства жизни, богатство, даже самая жизнь, есть вздор, который приятно откинуть в сравнении с чем-то...» Пьер еще не знает этого *чего-то*. Но он знает, что на пути к нему надо отказаться от того вздора, который составляет счастье обывателей. «Его не занимало то, для чего он хочет жертвовать, но самое жертвование составляло для него новое радостное чувство». Кутузов, Пьер, князь Андрей, другие любимые герои Толстого стоят на пороге великих откровений. К ним ведет их война, Бородино...

Толстой называл пермонтовское «Бородино» зерном своего романа. В этом стихотворении он видел выражение народного духа, народного взгляда на ход Отечественной войны. «Досадно было, боя ждали...» Толстой убежден, что до Бородина больших сражений именно потому и не было, что «требование народного сражения еще недостаточно сильно высказалось». Это требование достигло к 25 августа такой остроты, что сражение неизбежно должно было состояться.

— **Хотели ли начальники обеих войск сражения при Бородине?** — Толстой напоминает, что историки описывают Бородинское сражение как заранее подготовленное. Сам же он утверждает, что, «давая и принимая Бородинское сражение, Кутузов и Наполеон поступили произвольно». Бородинское сражение, по мнению Толстого, приближало и Наполеона, и Кутузова к тому, чего они должны были больше всего бояться: Наполеона — к потере вдали от Франции огромной части армии, Кутузова — к потере Москвы. И все же они дали это сражение. Они, рабы истории, невластны были выбирать — давать или не давать сражение: судьба привела их к этому сражению. Утверждение же гениальности полководцев, будто бы удачно выбравших место для сражения и гениально руководивших этим сражением, «умаляет славу русского войска и народа». Останавливают внимание два любопытных момента из главы XIX, в которой Толстой рассуждает о Бородине.

Во-первых, действия Наполеона и Кутузова при Бородине оцениваются Толстым одинаково иронично. Несмотря на бессмысленность этого сражения, «умный и опытный Кутузов принял сражение. Наполеон же, гениальный полководец, как его называют, дал сражение...» И ниже: «Давая и принимая Бородинское сражение, Кутузов и Наполеон поступили... бессмысленно». Эти полководцы «из всех произвольных орудий мировых событий были самыми рабскими и произвольными деятелями». Всюду в романе Толстой прокладывает глубокую борозду между Кутузовым и Наполеоном. В этой же главе они оказываются по одну сторону этой борозды.

Во-вторых, утверждая, что Бородинское сражение произошло на неудобных для русских позициях, Толстой, следовательно, косвенно признает, что позиции бывают менее или более удобными. «Русские не отыскивали лучшей позиции, а напротив, в отступлении своем прошли много позиций, которые были *лучше* Бородинской».

Итак, не Кутузов и Наполеон определили время и место сражения. Оно произошло произвольно, стихийно. Что касается положения русских войск, то оно было при Бородине столь тяжелым, что не только «немыслимо было драться десять часов и сделать сражение нерешительным, но немыслимо было удержать в продолжение 3-х часов армию от совершенного разгрома или бегства». Мы не будем спорить с Толстым относительно положения русской армии к началу Бородинского сражения, предоставим это историкам. Бородинское сражение в романе «Война и мир» — эпизод в движении авторской мысли.

Почему же, будучи в таких тяжелых внешних условиях, русские не потерпели поражения? За рассуждениями с. дуют картины. Толстой-художник приходит на помощь Толстому-философу.

— **В восприятии какого героя показано нам Бородинское сражение?** — Толстой избрал для этой роли Пьера. Он — штатский, а потому менее привязан к определенному месту боя. Это — внешняя причина. Но есть и более глубокие, внутренние причины. Пьеру должна

раскрыть

великая и простая правда. К этой правде он идет с начала романа. Он чувствует, что война приблизит его к ней. К этой правде ведет Толстой с помощью Пьера читателя. Последуем за Пьером. Постараемся проникнуться его настроениями и мыслями.

Первое чувство — чувство недоумения.

— **Что казало Пьеру странным?** — «Кавалеристы идут на сражение, встречают раненых и ни на минуту не задумываются над тем, что их ждет, а идут мимо и подмигивают раненым. А из этих всех 20 тысяч обречены на смерть...» Жизнь и здоровая радость встречает смерть и муки и не желает думать о том, что все преходяще. Это закон природы. Пьер ждет, что здоровые веселые люди, идя в бой, будут думать о смерти. Но жизненная сила более могуча, чем сила смерти. Телеги с ранеными тянутся по долине. «Из-за откоса горы солнце не доставало в углубление дороги, там было холодно, сыро; над головой Пьера было яркое августовское утро, и весело разносился трезвон». Солнце жизни не всемогуще, оно не может осветить все тайники земного бытия, но и смерть не может уничтожить ни ярко: утра, ни бодрого, торжественного звона. Пьера охватывает чувство *торжественности*.

— **Что сказал Пьеру солдат, стоявший за телегой?** — «Всем народом навалиться хотят, одно слово — Москва». Пьеру эти слова показались неясными по смыслу, но он *понял* все то, что хотел сказать солдат. Не в словах дело. Толстой нагнетает краски, долженствующие ярче выявить *торжественность* приближающегося события.

— **Когда Пьер еще яснее понял слова солдата о том, что «всем народом навалиться хотят»?** — Когда он увидел мужиков, работающих на будущем поле сражения. «Вид этих работающих на поле сражения бородатых мужиков с их странными неуклюжими сапогами, с их потными шеями и кое у кого виднелись загорелые кости ключиц, подействовал на Пьера сильнее всего того, что он видел и слышал до сих пор о *торжественности* и *значительности* настоящей минуты».

Пьера все время сопровождает солнце. То оно «стояло несколько влево и сзади Пьера и ярко освещало, сквозь чистый, редкий воздух, огромную панораму». Потом, во время молебна, «жаркие лучи солнца били отвесно сверху». И перед самым сражением «косые лучи яркого солнца, поднимавшегося сзади левее Пьера, кидали... в чистом утреннем воздухе пронизывающий с золотым и розовым оттенком свет и темные, длинные тени». Отблески этого солнца загораются, как кажется Пьеру, на лицах мужиков и солдат.

— **Что привлекало внимание Пьера во время молебна?** — «...Все внимание его было поглощено серьезным выражением лиц в этой толпе солдат и ополченцев...» На этих лицах «*вспыхивало* опять то же выражение сознания *торжественности* наступающей минуты...»

— **Чувствовали ли штабные «торжественность наступающей минуты»? Почему им казалась эта минута торжественной?** — Борис Друбецкой, состоящий «при Бенигсене», чувствовал, что настала решительная минута, которая «должна была или уничтожить Кутузова и передать власть Бенигсену, или, ежели бы даже Кутузов выиграл сражение, дать почувствовать, что все сделано Бенигсеном. Во всяком случае, за завтрашний день должны были быть розданы большие награды и выдвинуты вперед новые люди». — В чем видел Пьер причину возбуждения у штабных? — «...Пьеру казалось, что причина возбуждения, выражавшегося на некоторых из этих лиц, лежала больше в вопросах *личного успеха*, и у него не выходило из головы то другое выражение возбуждения, которое он видел на других лицах и которое говорило о вопросах не личных, а *общих*...» Бородино завершает размежевание. Контраст приобретает зловещий характер. Светское дворянство в торжественнейшую для нации минуту оказывается окончательно оторванным от народа; надеваются новые маски, но они скрывают прежние физиономии.

— **Какую маску натянул на себя Борис?** — Маску патриота. Он «воздаёт раболепно уважение Кутузову».

— **Но в чьем штабе он служит?** — Он рассказывает Пьеру: «Я ведь при нем состою»; при нем — это при Бенигсене. Но на всякий случай Друбецкой хочет заручиться поддержкой Кутузова. С этой целью он эксплуатирует патриотическое чувство, которое, как ему кажется, должно привлечь к нему симпатии старика. Он говорит патриотические фразы «с самым

естественным видом», но «очевидно для того, чтобы быть услышанным светлейшим». Неестественность Бориса стала его сущностью, стала для него *естественной* настолько, что даже мудрый Кутузов принял патриотизм Бориса за чистую монету.

Приближается минута, когда должна окончательно выявиться сущность каждого человека, определиться цена его жизни. Для светских трутней это одна из минут, которую надо использовать для продвижения по ступенькам

— **А что думал о предстоящем сражении князь Андрей?** — «Он знал, что завтрашнее сражение должно было быть самое страшное из всех тех, в которых он участвовал.

— **Как повлияла эта мысль на представления князя Андрея о жизни?** — «Вся жизнь представилась ему волшебным фонарем, в который он долго смотрел сквозь стекло при искусственном освещении». И так, впервые в жизни, при предчувствии смерти, князь Андрей увидел жизнь «без стекла, при ярком дневном свете». Но никогда еще мысли Андрея не были столь запутанными, противоречивыми, как теперь, когда ему кажется, что мысли его стали простыми и ясными». В сознании его как бы два потока, с одной стороны, он думает о себе, о своей смерти, возможность которой чувствует. И тогда внешняя жизнь кажется ему лживой, обманчивой. Происходит окончательная переоценка ценностей. Он видит картину своей жизни и обнаруживает, что его окружали «грубо намалеванные фигуры, которые представлялись чем-то прекрасным и таинственным...» Четыре картины, раньше дорогие ему, теперь оказываются «бледными и грубыми»: «слава, общественное благо, любовь к женщине, самое отечество». **Эти четыре картины — этапы его исканий: Аустерлиц, Сперанский, Наташа Ростова, вторжение врага в Россию.** Все это оказывается в его сознании ничтожным по сравнению с простым и страшным фактом: «...Завтра меня убьют... и примут французы, возьмут меня за ноги и за голову и швырнут в яму, чтоб я не вонял им под носом» и сложатся новые условия жизни, которые будут также привычны для других, и я не буду знать про них, и меня не будет». Жизнь была ценна лишь в той степени, в какой она отразилась во мне. Не будет меня — сразу становится бессмысленным все, чем я жил и чей вообще живут люди: «слава, общественное благо, любовь к женщине, самое отечество». И другой ряд мыслей — совсем в иной плоскости: мысли о родине, о любви, о несправедливости этого мира, до которого, если следовать первому потоку мысли, ему нет никакого дела.

— **Так ли князь Андрей равнодушен к отечеству, как хочет себе доказать?** Вспомним, как он говорил Пьеру о продвижении французов в глубь России. — «Князь Андрей, думавший, что ему было все равно, возьмут или не возьмут Москву так, как взяли Смоленск, внезапно остановился в своей речи от неожиданной судороги, схватившей его за горло... Глаза его лихорадочно блестели, и губа дрожала, когда он опять стал говорить». Это никак не свидетельствует о его равнодушии к отечеству. А еще раньше, когда он говорил о том, что Барклай должен был принять сражение под Смоленском, князь Андрей кричал «как бы вырвавшимся тонким голосом»: «...Он не мог понять, что мы в первый раз дрались там за русскую землю...» Пьер обнаруживает в Андрее «скрытую теплоту патриотизма», именно *скрытую*, потому что иной, эгоистический лоток мыслей и чувствований скрывает эту теплоту, а она прорывается в интонациях голоса князя Андрея, в блеске его глаз, в судороге, «схватившей его за горло».

Двумя потоками проходит через сознание князя Андрея и мысль о любви к женщине. С одной стороны, это — одна из «грубо намалеванных картин». «Как же! я верил в какую-то идеальную любовь... А все это гораздо проще... Все это ужасно просто, гадко!» Но вот он вспоминает вечер в Петербурге, когда Наташа рассказывала ему, как она заблудилась в лесу. «Князь Андрей улыбнулся теперь той же *радостной* улыбкой, которую он улыбался тогда, глядя ей в глаза». И здесь два потока в сознании. Один — эгоистический (она оказалась не *моей*), отрывающий князя Андрея от жизни, от людей, другой — сближающий его с людьми: «Я понимал ее, — думал князь Андрей. — Не только понимал, но эту-то душевную силу, эту искренность, эту открытость душевную, эту-то душу ее... я и любил в ней...» Этот поток мыслей прерывается: «И *вдруг* он вспомнил о том, чем кончилась его любовь...» — и, «как будто кто-нибудь обжег его, вскочил и стал опять ходить перед сараем».

Наконец — мысли об общественном благе, о социальном устройстве. Сначала Андрей не хочет говорить о чем-либо с Пьером. Не хочет потому, в частности, что считает (одной стороной своего сознания): ничто, кроме жизни и смерти, его не касается. Но затем второй поток мыслей прорывается. «В противность своей прежней сдержанной молчаливости, князь

Андрей казался теперь взволнованным. Он видимо не мог удержаться от высказывания тех мыслей, которые *неожиданно* приходили ему». Неожиданно для него, но не для читателя. К этим выводам привел его тяжкий жизненный опыт.— Что же теперь думает князь Андрей о царях, о полководцах, о священнослужителях? — «Все цари, кроме китайского, носят военный мундир, и тому, кто больше убил народа, дают большую награду... А потом будут служить благодарственные молебны за то, что побили много людей (которых число еще прибавляют), и провозглашают победу, полагая, что чем больше побито людей, тем больше заслуга». Жестокость и лживость царя, полководцев, священников...— это мысли, легшие в основу поздней философии Толстого. Князь Андрей пришел к отрицанию царского государства и фактически к отрицанию церкви.

Андрей потерял веру во все, что в свое время ему казалось самым важным в жизни: в славу, в любовь, в общественное благо, в самое отечество. По мысли Толстого, это логический итог развития каждого честного человека, прошедшего через службу в государственном аппарате самодержавной России, в царской армии, познавшего истинную цену светского общества. Князь Андрей приходит к смерти после этого путешествия по кругам земного ада.

— **Во что же верит князь Андрей? Каковы его соображения об исходе завтрашнего сражения?** — Он считает, что сражение это будет выиграно. Успех его не зависит, по мнению князя Андрея, «ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа», а зависит «от того чувства, которое есть во мне, в нем,— он указал на Тимохина,— в каждом солдате». В это могучее нравственное чувство, объединяющее людей, которые испытывают одно горе, верит князь Андрей. Он ненавидит все, что ведет людей к разъединению, к войнам,— он поверил в силу единения людей перед лицом опасности. Кто больше сознает необходимость победить, тот побеждает: «Сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть... что бы там ни было, что бы ни путали там вверху, мы выиграем сражение завтра».

— **Что думает князь Андрей о Кутузове и Барклае де Толли?** — Он считает, что Барклай де Толли был бы честным министром в мирное время, но что он бесполезен и даже вреден в часы опасности для России, ибо теперь рассуждения никому не нужны,— пришла минута, когда только нравственные, душевные силы необходимы. Весь роман Толстой строит на отрицании холодной рассудочности. И вот теперь, когда течение романа пришло к Отечественной войне, к Бородину, устами своего героя он заявляет: «...Эти господа немцы завтра не выиграют сражения, а только нагадят, сколько их сил будет, потому что в его немецкой голове только *рассуждения, не стоящие выведенного яйца, а в сердце нет того, что одно и только нужно на завтра...*» У Кутузова есть именно это чувство. За здоровым человеком может ухаживать лакей, а когда пришла смертельная болезнь, больному нужен родной человек. «Пока Россия была здорова, ей мог служить чужой, и был прекрасный министр, но как только она в опасности, нужен свой, родной человек». Этот родной человек — Кутузов.

Противопоставление кутузовского, народного начала эгоистическому, корыстно-рассудочному, как мы говорили, определяет композицию романа. Уже ясно, кто из героев с Кутузовым, кто — против. С Кутузовым — князь Андрей, Ферапонтов, Тимохин, Денисов, солдаты. Против Кутузова — Бенигсен, Александр, Борис Друбецкой, Берг. Те, кто с Кутузовым, поглощены *общим*, те, кто против него, разъединены, думают только о личном.— Война *тяжела* для Кутузова, она ненавистна и для князя Андрея. Что говорит о войне Андрей? — Война — это «самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это, и не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость». Князь Андрей не говорит о справедливых и несправедливых войнах. Война — вообще преступление. «Цель войны — убийство, орудия войны — шпионство, измена и поощрение ее, разорение жителей, ограбление их или воровство для продовольствия армии; обман и ложь, называемые военными хитростями...» Толстому отвратительны те люди, для которых война — это приятное занятие, нечто вроде кровавой игры. В эпизодах Бородинского сражения до конца раскрывается образ Наполеона.

— **Что и как отвечает Наполеон на сообщение о том, что русские не сдаются в плен?** — «Они заставляют истреблять себя. Тем хуже для русской армии». Это он говорит между прочим, «подставляя свои жирные плечи» камердинеру, который растирает его. Равнодушие к гибели, которую он несет людям, врагам,— выражение бонапартовского эгоцентризма. Наполеон уверен, что все, что исходит от него, величественно и справедливо.

— **Какая обстановка царит при дворе Наполеона?** — Здесь как будто разыгрывается отрепетированный спектакль. Позы, походка придворных и самого Наполеона, манера их речи — все театрально. «Де Боссе низко поклонился тем *придворным* французским *поклоном*, которым умели кланяться только старые слуги Бурбонов...»; «Адъютант *плывущим шагом* подошел с золотой табакеркой»; увидев портрет сына, Наполеон «*грациозным жестом* руки» указал на него; подойдя к портрету, он «*сделал вид* задумчивой нежности». Ему свойственно умение «изменять *произвольно* выражение лица». Ничего непосредственного, все показное, театрально. Даже естественное отцовское чувство «выказывается», а потому становится неестественным. *Неестественность* Наполеона, как и других героев этого типа, — его наиболее *естественная* сущность он думал, что «все дело происходило по воле его».

— **Каково же мнение Толстого?** — «Для людей, не допускающих того, чтобы... война с Россией началась по воле одного человека — Наполеона, рассуждение это представляется не только неверным, неразумным, но и противным всему существу человеческому». Еще и еще раз Толстой подчеркивает: «...ход мировых событий предопределен свыше, зависит от совпадения всех произволов людей, участвующих в этих событиях»; «влияние Наполеона на ход этих событий есть только внешнее и фиктивное». С тем чтобы доказать эту мысль, Толстой приводит наполеоновскую диспозицию Бородинского сражения и показывает, что ни один пункт ее не был выполнен.

— **Виноват ли, по мнению Толстого, Наполеон в том, что французы не победили?** — Нет, «он не сделал ничего вредного для хода сражения»; «он не путал, не противоречил сам себе и не испугался и не убежал с поля сражения, а со своим большим тактом и опытом войны, спокойно и достойно исполнял свою роль кажущегося начальствования». Наполеон *исполнял роль*, а не действовал. Он не мог действовать, хотя был уверен, что от его действий все зависит.

— **Понимает ли Наполеон, в чем сила армии?** — Нет. Он думает, что все дело решают полководцы. «Завтра мы будем иметь дело с Кутузовым!» — говорит он. Наполеон уверен, что не солдаты решат участь сражения, а его личное состязание в военной гениальности с Кутузовым. И он готовится к сражению как игрок. Князь Андрей говорил, что война — это не игра, а серьезное и страшное дело. «Шахматы поставлены, *игра* начнется завтра», — говорит Наполеон... — Интересно, что автор всё время сравнивает Наполеона. **С кем же?** — То с игроком, то с актёром, то с хирургом, засучивающим рукава перед операцией, то с откормленным конем. Кутузова Толстой ни с кем не сравнивает, разве только со стариком-отцом. Сущность Кутузова ясна без сопоставления; она настолько органично проявляется, что художнику достаточно говорить только об этом проявлении.

Интересно, что Толстой приводит диспозицию Наполеона и ни слова не говорит о распоряжениях Кутузова перед сражением, как будто этих распоряжений и не существовало. Важно не только то, что пишет Толстой, но и то, о чем он не пишет. Бородинское сражение, ход и результат его зависят не от распоряжений начальников, а потому нет смысла об этих распоряжениях писать. Если же упоминаются всякие планы, диспозиции, приказы командиров, то только для того, чтобы высмеять их, показать их бессмысленность. Разве можно что-то предсказать, что-то изменить в этом хаосе борющихся со смертью людей?

Итак, Бородинское сражение. Опять появляется образ тумана. Туман Аустерлица дублировал туманность представления начальников о расположении войск противника; и представлений солдат о целях войны.

Солнце и туман окрашивают картину Бородинского боя. — Прочитаем описание картины, открывшейся восхищенному взору Пьера. — ...Свет «с *золотым* и розовым оттенком», «дальние леса..., точно высеченные из какого-то» *драгоценного* желто-зеленого камня», «*золотые* поля и перелески», «*солнце*, брызнувшее из-за туч, и этот *туман*, пронзенный *молниями* выстрелов», — все это возбуждает в Пьере чувство, которое он заметил раньше и на лице князя Андрея, и на лицах солдат и ополченцев. Начало сражения рисуется Толстым торжественными красками.

— **Только ли Пьер охвачен сейчас этим чувством?** — Нет, «на *всех* лицах светилась теперь та скрытая теплота... чувства, которое Пьер замечал вчера и которое он понял,

совершенно после своего разговора с князем Андреем». Это — самое начало сражения. Торжественность предстоящего дня разжигает теплоту патриотизма. Пьер рад, что испытываемое им испытывают все. Он вырвав: из своего одиночества, он чувствует себя частью общего.

— **Какое выражение лица у Пьера в первые часы Бородина?** — Он все время улыбается. Это и улыбка застенчивости (он чувствует себя лишним на поле боя в своем штатском костюме), и улыбка радости. «С *улыбкой*, не сходившею с его лица, он оглядывался вокруг себя»; «с *бессознательно-радостной улыбкой*... смотрел на то, что делалось вокруг него».

— **Какое впечатление производил на окружающих Пьер? Как отнеслись к нему солдаты?** — Сначала все раздражены, а потом тоже смотрят на него с улыбкой — «чувство недоброжелательного недоумения к нему стало переходить в ласковое и шутливое участие». Сначала солдаты увидели в Пьере просто любопытствующего барина, и они неодобрительно покачивали головами, глядя на него. Но потом почувствовали в Пьере что-то внушающее им уважение.

— **Что удивляло солдат в Пьере?** — Прежде всего его, как они думали, храбрость. Он «прохаживался по батарее под выстрелами так же спокойно, как по бульвару».

— **Как стали его называть солдаты?** — «*Наш барин*», — так же как князя Андрея в его полку называли «*наш князь*». Андрей сознательно вошел в тот мир, который считал единственно честным, в мир, где можно быть полезным; Пьер чувствует свое родство с этим же миром, и люди этого мира считают его своим.

— **Что особенное почувствовалось Пьеру на батарее Раевского?** — «...Здесь чувствовалось одинаковое и общее всем, как бы *семейное оживление*». Улыбка Пьера, отражавшая его внутреннее напряжение, здесь была уместна: смех раздавался повсюду. «...Со всех сторон слышался веселый говор и шутки»; когда пролетела граната, солдаты «с хохотом» кричали: «Не сюда! К пехотным!»; «Разом, дружнее, по-бурлацки, — слышались веселые крики переменявших пушку»; над Пьером «смеялся краснорожий шутник». Этот смех и веселье выражали не легкомыслие перед лицом смерти, а нервное напряжение людей, радостно чувствовавших, что они *сообща, по-семейному* делают какое-то великое, полезное дело.

Но как-то незаметно, на каком-то невидимом рубеже это торжественное чувство затухает, и на смену ему приходит ужас.

— **Какие два впечатления сильно повлияли на эту смену настроения Пьера?** — Сначала — смерть молоденького офицера. «Вдруг что-то случилось: офицерик ахнул и свернувшись сел на землю, как на лету подстреленная птица». Затем — взрыв ящиков с зарядами: «Вдруг страшный толчок откинул его (Пьера) назад, на землю. В то же мгновение блеск большого огня осветил его, и в то же мгновенье раздался оглушающий, зазвеневший в ушах гром, треск и свист». Если раньше внимание Пьера было сосредоточено на созерцании разгоравшегося внутреннего огня, то теперь этот оглушительный взрыв заставил его оглянуться вокруг себя. Война открывается ему, наконец, во всем ее ужасе. Склонный к резким сменам настроения, Пьер уже «не помнил себя от страха». Он бежит сначала на батарею, а потом, увидев, что она занята французами, — под гору. Как раньше он «не помнил себя от радости» созерцания в солдатах внутреннего огня, а потому спокойно разгуливал под выстрелами, так теперь он, сне помня себя от страха», старается уйти с этого страшного места. Раньше смех, хохот живых солдат ободрял Пьера, — теперь он бежит «под гору, спотыкаясь на убитых и раненых, которые, казалось ему, ловят его за ноги».

Толстой нагнетает атмосферу ужаса. «Молоденький офицерик сидел... *в луже крови*»; «краснорожий солдат все еще *дергался*, но его не убивали»; «...из того семейного кружка, который принял его к себе, он не нашел никого». Теперь ничто не оправдывает эту бойню. Того чувства, которое было раньше на лицах солдат, уже нельзя было заметить. Пьер теперь видит «изуродованные страданием лица».

— **Какая мысль приходит ему в голову?** — «Нет, теперь они оставят это, теперь они ужаснутся того, что они сделали!» — **Кто они? Французы, русские?** Вернее всего, те и другие. Пацифистское настроение опять врывается в повествование. Толстой не может оправдать убийства даже патриотическим чувством... Рождается писатель-пацифист. Он

пытается преодолеть сопротивление материала. Художественное мастерство помогает ему в этом — картины войны, нарисованные Толстым в этом месте эпоса, возбуждают отвращение к войне и ужас перед ней. Эти убитые и раненые, которые, как кажется Пьеру, ловят его за ноги; и лужа крови, в которой сидит молоденький офицер; и страх быть схваченным в плен, когда Пьер судорожно сжимает шею француза и ему кажется, что голова француза оторвалась,— все это создает мрачную атмосферу убийств, не освещенных никакой идеей. Эти картины рисует художник, в котором уже живут мысли, позднее приведшие его к мировоззрению, ядром которого станет призыв «не убий!».

— **Что удивляет и раздражает Наполеона с самого начала Бородинского сражения?** — Требования подкреплений, раздающиеся со всех сторон.

— **Почему командиры требовали подкреплений?** — «...Все говорили, что русские держатся на своих местах и производят адский огонь, от которого тает французское войско».

— **Что испытывает в этот момент Наполеон?** — Опять идут сравнения: он испытывал «тяжелое чувство, подобное тому, которое испытывает всегда счастливый игрок... всегда выигрывавший и вдруг, именно тогда, когда он рассчитал все случайности игры, чувствующий, что чем более обдуман его ход, тем вернее он проиграет», или «страшное чувство, подобное чувству, испытываемому в сновидениях... когда человеку представляется наступающий на него злодей, и человек во сне размахнулся и ударил своего злодея с тем страшным усилием, которое... должно уничтожить его, и чувствует, что рука его... падает как тряпка». Стойкость русской армии показана в восприятии перепуганного Наполеона. Вот Наполеон смотрит на поле боя и видит: «Русские плотными рядами стояли позади Семеновского кургана, и их орудия не переставая гудели и дымили по их линии». А «известие о том, что русские атакуют левый фланг французской армии, возбудило в Наполеоне... ужас». Эти строки писал, конечно, не художник-пацифист, а историк-патриот. Этот последний бросает вместе с Наполеоном *общий* взгляд на ход дела и видит, что благодаря стойкости русских войск французы не могут продвинуться ни на шаг. Наполеон чувствует необычность ситуации.

— **Как меняется его поведение, жесты, речь?** — Уже ничего не остается от прежней театральности, помпезности. Вместо «грациозных» движений — «гневные жесты», вместо уверенности — нерешительность; грубая речь сменяет изящные законченные дефиниции. «Убирайтесь к...», — говорит он Боссе, тому самому, которого приглашал накануне в азиатскую столицу Москву. Появляется рассеянность, Наполеон не слышит, что ему говорят. «Что? Что вы говорите? — сказал Наполеон. — Да велите подать мне лошадь». Художник, которому отвратительны такие качества человека, как самовлюбленность, уверенность в непогрешимости своих мыслей и поступков, со злорадным чувством показывает, как Наполеон, носитель всех этих свойств, получил щелчок по носу.

— **К какому выводу приходит Наполеон относительно исхода сражения?** — «Он знал, что это было проигранное сражение».

В главе XXXV Толстой переносит нас в ставку антипода Наполеона — Кутузова. Кутузов не только предводитель армии, сражающейся с армией Наполеона, он — и психологический антипод Наполеона. Впервые они встречаются чуть ли не лицом к лицу, хотя эти два начала, кутузовское и наполеоновское, сталкиваются на протяжении всего романа...

Любопытно, что оценка хода сражения у них одинакова.

— **Что утверждает Кутузов после сообщения о пленении Мюрата?** — «Сражение выиграно, и в пленении Мюрата нет ничего необыкновенного». Разумеется, отношение к этому событию у Наполеона и Кутузова различное. «Кутузов был доволен успехом дня сверх ожидания».

— **Кто лучше понимал ход дела, Кутузов или Барклай де Толли?** — «Барклай де Толли, видя толпы отбегающих раненых и расстроенные зады армии, взвесив все обстоятельства дела, решил, что сражение проиграно...» В главе, *предшествующей* той, где возникает спор Кутузова с посланцем Барклая Вольцогеном, показано, как Наполеон пришел к выводу, что сражение им проиграно. И поэтому раздражение Кутузова против Вольцогена выглядит не просто как следствие несдержанности Кутузова, а как следствие возмущения человека мудрого вызывающей самоуверенностью человека малосведущего. «Как вы... как вы

смеете!..— делая угрожающие жесты трясущимися руками и захлебываясь, закричал он. — ...Как вы смеете, милостивый государь, говорить это мне. Вы ничего не знаете. Передайте от меня генералу Барклаю, что его сведения несправедливы и что настоящий ход сражения известен мне, главнокомандующему, лучше, чем ему».

Интересная психологическая деталь. Кутузов, который никогда не выпячивал свое «я», никогда не подчеркивал своего значения как главнокомандующего, в разговоре с ничтожеством становится высокомерным. В «Скучной истории» чеховский герой, ученый, с удивлением замечает: «Обыкновенно, когда я остаюсь сам с собой или бываю в обществе людей, которых люблю, я никогда не думаю о своих заслугах, а если начинаю думать, то они представляются мне такими ничтожными, как будто я стал ученым только вчера; в присутствии же таких людей, как Гнеккер, мои заслуги кажутся мне высочайшей горой, вершина которой исчезает в облаках, а у подножья шевелятся едва заметные для глаза гнеккеры».

- **Откуда же эта уверенность Кутузова в том, что при Бородине будет одержана победа, на основании каких соображений Кутузов приказывает наступление на следующий день?** — Толстой утверждает, что уверенность Кутузова, бодрые слова приказа — все это «вытекало не из хитрых соображений, а из чувства, которое лежало в душе главнокомандующего, так же, как и в душе каждого русского человека».
- **Но действительно ли только чувство подсказывало Кутузову, куда клонится счастье победы?** — Толстой говорит, что «в центре французы не подвинулись далее Бородина», что «с левого фланга кавалерия Уварова заставила бежать французов» и генерал Раевский приехал с донесением, что «войска твердо стоят на своих местах». Большинство донесений свидетельствует о победе. Но Толстому важно подчеркнуть, неизбежность торжества русского духа.
- **Действовал ли как-нибудь что Кутузова роднит с народом общее чувство «фаталистического оптимизма», безусловной, неаргументированной веры в Кутузов на Бородине?** — Да, он старался прежде всего поддержать этот дух армии. Толстой даже утверждает, что Кутузов «руководил ею», этой силой, называемой духом войска.

— **Как же он руководил этой силой?** — Во-первых, Кутузов сменял командиров, требовавших, подкрепления, и посылал на их место командиров, более уверенных в духе войск. (Наполеон же, считавший, что главное — военный талант руководителя, не сменял начальников, потерявших присутствие духа и требовавших подкрепления.) Во-вторых, Кутузов старался, чтобы его вера в победу стала достоянием войск.

- «...Из высших сфер армии услышав подтверждение того, чему они хотели верить, измученные, колеблющиеся люди утешались и ободрялись».
- **Руководил ли Кутузов военными операциями?** — Нет, Толстой считает, что старческий ум и долголетний опыт подсказывали ему, что «руководить сотнями тысяч людей, борющихся со смертью, нельзя одному человеку» «что решают участь сраженья не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а... неуловимая сила, называемая духом войска...»

Итак, ко второй половине первого дня сражения Кутузов пришел к выводу о победе русских войск, а Наполеон — к выводу о своем поражении. Но сражение продолжалось, теперь уже без всякого смысла. Оно превратилось, в изображении Толстого, в бессмысленную бойню. В этом отношении интересно описание положения, в котором находился полк князя Андрея.

За несколько дней до сражения князь Андрей, глядя на купающихся солдат, думал: «Пушечное мясо». Он оказался пророком. Толстой все время подчеркивает пассивность полка: полк буквально приведен на убой. «Полк был *двинут* вперед... на тот промежуток между Семеновским и курганного батареей, на котором в этот день были побиты тысячи людей и на который во втором часу дня был направлен усиленно-сосредоточенный огонь из нескольких сот неприятельских орудий»; «Не сходя с этого места и *не выпустив ни одного снаряда*, полк потерял здесь ещё третью часть своих людей». Воодушевление, владевшее солдатами перед боем, подавлено ожиданием смерти.

— **На что были направлены все силы князя Андрея и людей его полка?** — «Все силы его души точно так же, как и каждого солдата, были бессознательно направлены на то, чтоб удержаться только от созерцания ужаса того положения, в котором они были».

— **Приходят ли в голову князю Андрею те мысли, которые он высказывал накануне Пьеру?** — Нет, «изо всей вчерашней работы мысли не оставалось ничего».

— **Как погиб князь Андрей?** — Не в бою, а вот на этом поле, куда направил их полк чей-то бессмысленный приказ. Как ощутимо в Андрее чувство жизни, каким чувственным становится рисунок Толстого! Князь Андрей ходил по полю, «отшмурывал цветки полыни, растущие на меже, и растирал эти цветки в ладонях и принюхивался к душисто-горькому, крепкому запаху». Последние мысли князя Андрея: «Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздух...» Раненный в живот, он «рванулся в сторону», — это был порыв к жизни, порыв к тому, чего он раньше не понимал, к счастью простого наслаждения жизнью и любовью к ней.

Все интересы настоящего сразу становятся князю Андрею безразличны. Он начинает, в последний раз в своей жизни, думать об общих вопросах бытия.

Вот у палатки, где оперируют раненых, какой-то унтер-офицер рассказывает о победах: «Мы его отседа как долбанули, так все побросал, самого короля забрали»; «Подойди только в тот самый раз резервы, его б, братец ты мой, звания не осталось, потому верно тебе говорю...» В таком тоне говорят обычно несимпатичные Толстому герои. Солдаты в «Войне и мире», в «Севастопольских рассказах», в «Набеге» и «Рубке леса» никогда не говорят об общем ходе дела и тем более никогда в их речи нет этого тона официозного хвастовства. Но слова этого унтер-офицера привлекают внимание раненых: им хочется сознавать, что они не зря страдали. И князь Андрей, слушая его, «испытывал утешительное чувство». Телесно он еще в этом мире, и слухи о победе доставляют ему удовлетворение. Но духовно он уже безразличен ко всему, что здесь происходит.

— **Что он думает, слушая рассказ унтер-офицера?** — «Но разве *не все равно теперь...* А что будет там и что такое было здесь? Отчего мне жалко было расставаться с жизнью? Что-то было в этой жизни, что я не понимал и не понимаю». К. этим мыслям он уже был подготовлен. Безразличие к жестокой и бессмысленной войне («изо всей вчерашней работы мысли не оставалось ничего»), любовь к жизни (наслаждение «душисто-горьким, крепким запахом полыни») жили в нем еще за несколько минут до ранения. Сейчас все это предстало перед ним лишь более отчетливо. Толстой приводит своего героя к последнему пристанищу.

Всю жизнь князь Андрей искал свое место в обществе и всю жизнь убеждался, как лживо и ненужно все, что общество предлагало ему. Близость смерти окончательно раскрывает ему глаза на истину.

— **Какая мысль пронзила больное сознание князя Андрея, когда он увидел на соседнем операционном столе Анатоля?** — «Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к *врагам*, да, та любовь, которую проповедовал бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал; вот отчего мне жалко было жизни, вот оно то, что еще оставалось мне, ежели бы я был жив. Но теперь уже поздно. Я знаю это!»

Весь путь князя Андрея вел его к этому выводу. Андрей, как и все положительные герои Толстого, осваивая мир разумом, не верит в силу разума. Анализирующая мысль все время приводит князя Андрея к отрицанию каких-то кусков жизни. Мир распадается. Остается только одно начало, которое может спасти этот мир и человека в нем: любовь всех ко всем. Разум не способен принять такую всеобъемлющую, иррациональную любовь. Он требует мести врагу личному («Мужчина не должен и не может забывать и прощать») и врагу отечества («Французы... враги мои, они преступники все по моим понятиям... надо их казнить»). Разум отказывается верить в того самого бога, который учит всеобщей любви (вспомним ироническое отношение князя Андрея к вере княжны Марьи). Когда мыслящий человек видит во всем зло, он озлобляется сам. Злобное чувство возникает в князе Андрее всякий раз, когда он разочаровывается в очередных идеалах: в светском обществе, в славе, общественном благе, в любви к женщине. Но где-то в глубинах его существа всегда жила тоска по любви к людям. И теперь, когда смертельное ранение начало разрушать его тело, эта жажда любви охватывает все его существо. Разум всегда был у князя Андрея слугой чувства, всегда был готов логически оформить вновь возникшее чувство. И теперь князь Андрей формулирует эту

завершающую весь его путь мысль: смысл жизни — во всеобъемлющей любви. Впервые разум не просто следует за чувством, но и отказывается от себя.

Н. А. Некрасов писал: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Для Толстого эта формула уже теперь, в 60-е годы, неприемлема: любовь и ненависть не могут и не должны быть совмещены в одном сердце. В этом — одно из проявлений толстовской метафизической логики. Энгельс говорит: метафизик «мыслит сплошными неопосредствованными противоположностями; речь его состоит из: «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует, или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга...»

Весь путь Андрея Болконского — это путь перебегающего взаимоотношения ненависти и любви. Толстой, убежденный в бесплодности ненависти, заканчивает этот путь полным торжеством в нем любви и совершенным отказом от ненависти. Итог этот, по мысли Толстого, неизбежен для каждого человека, стремящегося к единению и тяготящегося разъединением. Князь Андрей плачет «любовными слезами над людьми, над собой, над их и своими заблуждениями». Мы уже говорили, что только лучшие герои Толстого имеют эту способность плакать из-за чужого горя. Белинский писал, что слезы о себе, оттого что тебе больно,— еще не признак глубины и силы переживания; гораздо больше человек тот, кто способен плакать о чужих страданиях.

— **Как выразились чувства Анатоля, когда он увидел свою отрезанную ногу?** — «О! Ооооо! — зарыдал он как женщина». Впервые Толстой увидел слезы у человека из мира Курагиных. Но это слезы не о других, а о себе.

В раскрытии главной мысли романа — мысли о необходимости единения — изображению пути князя Андрея принадлежит важнейшая роль. Только в любви, исключаящей всякую ненависть,— путь к этому единению. Таков смысл исканий князя Андрея.

Не случайно после раскрытия этих мыслей князя Андрея о любви как единственной правде жизни Толстой пишет главу о Наполеоне. Те начала бесчеловечности, жестокости, эгоизма, к отрицанию которых пришел Андрей к концу Бородинского сражения, окончательно раскрываются в Наполеоне. Преступление было столь велико и бессмысленно, что оно подействовало даже на этого человека.

— **Каким показывает Толстой Наполеона в конце сражения?** — «Желтый, опухлый, тяжелый, с мутными глазами, красным носом и охрипшим голосом, он сидел на складном стуле...»

— **Какие новые, необычные для него ощущения охватили Наполеона?** — «Личное человеческое чувство на *короткое мгновение* взяло верх над тем искусственным призраком жизни, которому он служил так долго. Он на себя переносил те страдания и ту смерть, которую он видел на поле сражения». И действительно, это человеческое чувство лишь на короткое мгновение охватило его.

— **Какие приказания он отдает, услышав, что огонь французских пушек «рядами вырывает русских, а они стоят»?** — Он приказывает: «Им еще хочется, так задайте же им».

Момент пробуждения человечности подчеркивает душевную пустоту Наполеона. Князь Василий в начале романа тоже перенес «на себя... ту смерть», которую он видел, и «личное человеческое чувство» тоже «на короткое мгновение взяло верх над тем искусственным призраком жизни, которому он служил». Эти короткие мгновения, как вспышки, освещают то лучшее, человеческое, что есть, по мысли Толстого, в каждом человеке (умение на себе ощущать боль и страдания других) и что подавлено в Наполеоне, князе Василии и им подобных искусственными призраками, которым они служат. В «Воскресении» Толстой скажет: «Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских, и иногда проявляет одни, иногда другие, и бывает часто непохож на себя, оставаясь одним самим собой». Одно лишь мгновение Наполеон «непохож на себя». «Коренные основы его существования» лишают его возможности понять то, что раскрылось раненому князю Андрею.

— **Чего, по мысли Толстого, Наполеон никогда не мог понять?** — «...До конца жизни своей не мог понимать он ни добра, ни красоты, ни истины...» В главах XXXVII (мысли

Андрея) и XXXVIII (характер Наполеона) сопоставляются две истины — истина любви и жалости к людям и «истина» эгоистического равнодушия к людским страданиям.

Бородинское сражение — и объект наблюдений князя Андрея и Наполеона, и орудие воздействия на их психику. Бородинская битва вскрыла лучшее, что было в князе Андрее, и худшее, что было в Наполеоне.

— **Какая же армия победила в Бородинском сражении?** — Внешнее впечатление, как показывает Толстой, таково, что никто не победил. Но все же Толстой признает победу за русскими. «Не та победа, которая определяется... тем пространством, на котором стояли и стоят войска, а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии...»

— **Какое значение придает Толстой Бородинскому сражению?** — Он считает, что следствием его было «бегство Наполеона из Москвы... гибель 500-тысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородином была наложена рука сильнейшего духом противника». День Бородина, по мысли Толстого, — день торжества русского духа. Эту мысль Толстой — историк и философ — проводит во всех главах, где говорит о Бородинском сражении. Но вторая мысль, которая вырастает из художественного описания сражения, — это столь же дорогая Толстому мысль о жестокости, бесчеловечности войн, о том, что войны возможны только из-за «помрачения» человеческого разума. Просветленному же разуму, по мнению Толстого, становится ясна правда; эта правда — в любви ко всем людям, в любви даже к врагам.

Часть третья

Мы уже говорили, что Толстой стремится в «Войне и мире» не просто художественно воссоздать действительность Отечественной войны, но и *объяснить* причины и ход ее. Может быть, это последнее было для него и более важным. Поэтому-то, приступая к повествованию о каждом новом повороте в течении войны 1812 года, он даже иногда повторяется, напоминает то, о чем говорил раньше.

В начале третьей части Толстой снова вступает в спор с историками, утверждавшими, что ход истории зависит от воли великих людей. Всё новыми и новыми сравнениями, как бы не доверяя выразительности уже приводившихся, он убеждает, что судьба человечества не зависит от желаний так называемого великого человека. В начале третьей части он приводит сразу три сравнения, долженствующие доказать, что появление «всякий раз, когда были завоевания», завоевателей ещё не означает, что эти завоеватели — причина завоеваний.

— Какие это, сравнения? — Всякий раз, когда я, глядя на свои часы, вижу, что стрелка подошла к 10, я слышу, что в соседней церкви начинается благовест», но это не значит, что причина движения колоколов — положение стрелки часов. Раздался свисток, колеса завертелись — и паровоз поехал но «из этого я не имею права заключить, что свист и движение колес суть причины движения паровоза». Развертывается почка дуба — в это время дует холодный ветер, «...я не могу согласиться, что причина холодного ветра есть развертывание почки дуба». — В чем, по мнению Толстого, главная ошибка историков, от которой они должны избавиться? — «Для изучения законов истории мы должны изменить совершенно предмет наблюдения, оставить в покое царей, министров, генералов, а изучать однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят массами». Ошибка историков в том, что они изучали действия так называемых великих людей, считая, что именно благодаря этим действиям происходит движение масс. А изучать, надо иные элементы, воздействующие на волю масс. Толстой признаёт, что историку это было бы труднее, чем изучение действий великих людей. Но «очевидно, что на этом пути только лежит возможность уловления исторических законов». Сам Толстой, изображая Кутузова, Наполеона, Александра, почти нигде не показывает их в сфере государственной деятельности. Он сосредоточивает своё внимание на тех психических свойствах, которые воспитываются в человеке его мнимой ролью руководителя масс. В сущности же не он, не этот гениальный человек, руководит событиями, а события руководят им, считает Толстой.

— Хотел ли, например, Кутузов оставить Москву? — Нет, не хотел. Когда Ермолов сказал ему, что драться за Москву невозможно, Кутузов ответил: «Ты нездоров, голубчик. Подумай, что ты говоришь». Но Москва была оставлена вследствие стечения массы обстоятельств.

— С кем сравнивает французскую армию Толстой? В чем смысл этого сравнения? — Со «смертельно раненым зверем. Сравнение это функционально многозначно. Армия нападающая — носительница хищных начал. Обороняющаяся — люди, вынужденные защищать свою жизнь от зверя. Вместе с тем сравнение со зверем, с животным у Толстого встречается тогда, когда он говорит о людях, чуждых тем началам единения, во имя утверждения которых и написан роман. В войне и во французской армии как носительнице ее Толстой видит крайнее выражение зверства. А раз армия захватчиков — зверь в борьбе с ней не могут соблюдаться какие-то рыцарские правила: зверя надо убивать. «Убить злую собаку даже очень хорошо», — говорил как-то Пьеру князь Андрей (имелся в виду хищный человек — Долохов). Все это — свидетельство того, что непротивленческие взгляды Толстого еще не настолько выкристаллизовались, чтобы он мог последовательно их проводить, как это будет позже, когда Толстой скажет, что нельзя лишить жизни даже, бешеную собаку. Теперь же, в 60-е годы, называя французскую армию хищным зверем, он оправдывает тех, кто борется с этим зверем.

Но все же были командиры, которые хотели защищать Москву и выдвигали разные проекты.

— **Какой вывод сделал Кутузов, выслушав все эти предложения?** — «...Кутузов видел одно: защищать Москву не было никакой *физической возможности*». Толстой доказывает неизбежность любого исторического события: каждое из них подготовлено таким бесчисленным количеством обстоятельств, что невозможно парализовать их действие.

— **Какой вопрос больше всего волнует Кутузова?** — «Когда это решилось? Неужели вчера, когда я послал к Платову приказ отступить, или третьего дня вечером, когда я задремал и приказал Бенигсену распорядиться? Или еще прежде?... но когда, когда же решилось это страшное дело? Москва должна быть оставлена. Войска должны отступить, и надо отдать это приказание». Кутузов хочет найти тот *момент*, который предрешил это страшное событие — оставление Москвы. Толстой же считает, что в «каждый день, и час, и минуту отступления» решалось это дело. Каждый момент, в который действуют тысячи свободных человеческих * волей, — необратим. Так возникает неизбежность.

Совет в Филях

Толстой рисует картину совета в Филях. Интересно, что более трех четвертей главки IV, где речь идет об этом совете, Толстой посвящает не описанию самого совещания, а генералам, ожидающим задержавшегося Бенигсена, девочке Малаше и ее наблюдениям, переживаниям Кутузова. Совет не имел смысла, так как Кутузов уже решил, что Москва должна быть оставлена. Да и вообще Толстой, как известно, считал всякие военные совещания, разрабатывавшие планы, бессмысленными.

— В чем же было значение спора на совете, если каждому было ясно, что сражение под Москвой дат немислимо? — «Ежели Бенигсен настаивал на защите этой позиции и другие еще обсуждали ее, то вопрос этот уже не имел значения сам по себе, а имел значение только как предлог для спора и интриги». Толстой развивает тему трутней. Трагедия русского народа, оставление Москвы — для них еще один предлог для интриги.

— **В чем была цель Бенигсена?** — «...В случае неудачи защиты — свалить вину на Кутузова, доведшего войска без сражения до Воробьевых гор, а в случае успеха — себе приписать его...»

— **Как Бенигсен ставит вопрос на совете?** — «Оставить ли без боя священную и древнюю столицу России, или защищать ее?»

— **Как реагировал Кутузов на постановку вопроса в такой форме?** — «...В тишине слышалось сердитое кряхтенье и покашливание Кутузова». «*Священную древнюю столицу России!*» — вдруг заговорил он, сердитым голосом повторяя слова Бенигсена и этим указывая

на фальшивую ноту этих слов». Кутузова коробит *фраза*. Он знает о неизбежности оставления Москвы и знает, что это известно и Бенигсену. Выражение патриотизма человеком, играющим в патриотизм, раздражает Кутузова (Толстого), Сам Кутузов ставит вопрос в иной плоскости по существу и по форме, причем ставит его так, что в нем уже звучит ответ: «Спасение России в армии. Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения? В его обычно «домашней», простой речи появляется торжественность: «...Властью, врученною мне моим государем и отечеством, я — приказываю отступление». Конечно, хочет сказать Толстой, это не так. Никакой власти у Кутузова нет. Оставление Москвы предрешено. Не во власти отдельных лиц решать, куда повернет история. Но Кутузов сумел понять эту историческую неизбежность и провозгласить ее. Отсюда — эта торжественность интонаций у нелюбящего фразу Кутузова. Это не он говорит, это устами его говорит судьба...

— **Как вы думаете, почему Толстой вводит в этот эпизод шестилетнюю девочку**

Малашу? — Конечно, и потому, что таков был исторический факт: во время совета в Филях на печи сидела крестьянская девочка и все видела и слышала. Но введение образа Малаши имеет и художественное значение. Детскость у Толстого — всегда синоним простоты, непосредственности, правды.

— **Как называет Маша про себя Кутузова?** — Она называет его *дедушкой*. Кутузов — отец, дедушка, Кутузов — родной всем русским людям человек. Вряд ли исторический Кутузов был так близок народу, как толстовский. Но в художественной концепции романа Кутузов как воплощение народного духа противопоставляется Александру, Наполеону, Бенигсену как носителям чуждых народу свойств. Девочка, да еще крестьянская девочка, выступает в качестве судьи в споре Кутузова и Бенигсена и, конечно, совершенно *бессознательно* берет сторону Кутузова. В этом-то ценность ее суда. Она ничего не понимает из того, что делается на совете, но своим детским, народным чутьем угадывает, где правда.

Такое же чутье подсказывало москвичам, что столица будет оставлена.

— **Почему население оставляло Москву?** — Толстой в публицистическом вступлении к сценам оставления москвичами столицы отвечает на этот вопрос: москвичи «действовали так вследствие того скрытого... патриотизма, который выражается не фразами, не убийством детей для спасения отечества и т. п. неестественными действиями, а которое выражается незаметно, просто, органически и потому производит всегда самые сильные результаты». Здесь Толстой — философ и публицист — ясно и недвусмысленно выражает свое отношение к патриотизму. Патриотизм — это не громкие фразы о любви к отечеству, это чувство, живущее в человеке порой даже незаметно для него самого («скрытый патриотизм»), чувство, которое выражается «просто и органически». «Та барыня, которая еще в июне месяце, с своими арапами и шутихами, поднималась из Москвы в саратовскую деревню, с *смутным* сознанием того, что она Бонапарту не слуга... делала *просто и истинно* то великое дело, которое спасло Россию».

— **Как оценивает Толстой оставление москвичами своего города?** — Он говорит, что это было «величественное событие, которое навсегда останется лучшей славой русского народа». Патриотизм этот органический, поведение людей не основано на расчете. Москвичи «ехали потому, что для русских людей не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего».

Но Толстой отчетливо сознавал, что патриотический дух коснулся не всех русских людей. Некоторой части общества судьбы России были безразличны. И не потому, что у этой части общества были какие-то соображения относительно Отечественной войны, патриотизма, народного духа. Светское общество вообще не способно проникнуться какими-то общими интересами и чувствами, и теперь, как и всегда, здесь заняты только личными заботами. Не случайно сразу же после описания Бородинского сражения, после рассказа о трагических сомнениях Кутузова и рассуждений о патриотизме москвичей Толстой помещает главки, в центре которых — Элен.

— **Чем занята Элен в эти дни, что ее волнует?** — Элен «находилась в затруднительном положении» — она не могла решить, за которого из двух претендентов на ее руку выйти

замуж при живом муже. Вся история Элен пародирует действия и настроения героев предыдущих глав. Но дело не только в пародировании этих героев, а и в раскрытии сущности Элен.

— **Считала ли она себя виноватой в чем-нибудь?** — Напротив, она, «как *истинно великий человек*, который может все то, что хочет, поставила себя в положение правоты, в которую она искренно верила, а всех других в положение виноватости». — Но ведь таким «истинно великим человеком» был и Наполеон, был и Бенигсен. Последний, рассуждая о планах сражения под Москвой, тоже хотел поставить себя в положение правоты, а всех других — в положение виноватости. А Наполеон верил, что «может все, что захочет». Тот же Наполеон, нападая на Россию, в письме к Александру обвинял в войне кого угодно, только не себя. Такое внутреннее сопоставление великих людей с Элен служит снижению образов этих «великих людей».

Моральная нечистоплотность, ничтожество Элен и светского общества становятся особенно явными в коротком сообщении Толстого о письме Элен Пьеру.

— **Когда это письмо было доставлено Пьеру?** — «Это письмо было привезено в дом Пьера в то время, как он находился на Бородинском поле». В те минуты, когда шла битва, решавшая судьбу страны, нации, Элен пишет письмо мужу с сообщением о переходе в иную, католическую веру (а по тем временам это было актом предательства) и с просьбой о разводе.

«Война и мир» — великая симфония. Как почти в каждой трагической симфонии есть скерцо, которое вносит нервную разрядку, с тем чтобы подготовить слушателя к финалу, так главки об Элен, написанные в непринужденном, несколько шутливом тоне, предшествуют рассказу о следующем этапе напряженных поисков Пьера, поисков смысла жизни.

— **Чего желал Пьер более всего, после того как покинул Бородинское поле?** — «...Выйти поскорее из тех страшных впечатлений, в которых он жил этот день, вернуться к обычным условиям жизни...» Но он не может выйти из этих страшных впечатлений. Его окружают «те же страдающие, измученные и иногда странно-равнодушные лица, та же кровь». Пьер живет еще в состоянии ужаса от бессмысленных убийств. — С кем он встречается в это время? — Он встречается у костра с солдатами. Пьер не знал простого народа. Из окна кареты он наблюдал «прекрасную» жизнь своих крестьян; ему прислуживали в доме и в клубе мужики в лакейских фраках. На батарее Раевского началось сближение его с народом. Здесь, среди солдат, он почувствовал себя участником общей семейной жизни. Тема «Пьер и народ» развивается. Солдаты предлагают измученному Пьеру «кавардачку». Кушанье это «казалось ему самым вкусным из всех кушаний, которые он когда-либо ел». Ему хочется быть ближе к этим трем солдатам, он хочет сделать менее заметной отделяющую его от них социальную перегородку. Отвечая на вопрос, «из каких он будет», Пьер чувствует «необходимость умалить как можно свое общественное положение, чтобы быть ближе и понятнее для солдат». Конечно, дело не только в общественном положении. Пьер чувствует необходимость приобщиться к жизни солдат духовно. И еще не знает, как это сделать. Но его внутренний голос подсказывает ему, что нужно и чего не нужно делать.

— **Дал ли он солдатам «на чай»?** — «Надо дать им!» — подумал Пьер, взявшись за карман. — «Нет, не надо», — сказал ему какой-то голос». Как-то на ощупь Пьер идет к народу... Вот он попадает на постоялый двор.

— **Какие запахи были разлиты в воздухе?** — «По всему двору был разлит *мирный, радостный* для Пьера в эту минуту, крепкий запах постоянного двора, запах сена, навоза и дегтя». Народное связано с мирным и радостным. А потому теперь, когда Пьер близок к слиянию с народом, опять появляется тема неба: «Между двумя черными навесами виднелось чистое, звездное небо». Перед началом войны Пьер смотрел со слезами радости на звезду, и эта звезда «вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни... душе». И вот Пьер видит звездное чистое небо в ту минуту, когда он входит в эту новую жизнь.

— **Какая мечта целиком охватывает его?** — «Солдатом быть, просто солдатом! — думал Пьер, засыпая. — Войти в эту общую жизнь всем существом, проникнуться тем, что делают их такими».

— **В чем видел Пьер основное препятствие, мешавшее этому приобщению к народной жизни?** — Пьер чувствовал, что в нем самом много лишнего. «...Как скинуть с себя все это лишнее, дьявольское, все бремя этого внешнего человека?» Пьер на перепутье. Он знает, что ему делать, но и знает, что ему еще многое мешает.

— **Что с особой силой влекло Пьера к народу?** — «...Они просты. Они не говорят, но делают».

— **Почему же простота стала для Пьера мерилом правды, истины?** — «Простота есть покорность богу; от него не уйдешь». — Пьер еще не встретился с Каратаевым, но каратаевщина возникла в нем. Полное подчинение своей воли воле провидения приносит человеку счастье, решает он. Так в романе впервые формулируется одна из главных его идей. Она уже воплотилась в образе Кутузова. Князь Андрей заметил в Кутузове «отсутствие всего лишнего». И в этом отказе от личного, особенного — путь к полному растворению в общем. Князь Андрей увидел это качество в Кутузове, Пьер — в солдатах. Пьеру осталось одно — сбросить с себя «все бремя... внешнего человека», — лишь тогда он сможет соединить («сопрягать») в своей душе «значение всего», понять связь вещей, явлений.

То, что нужно *сделать* Пьеру, дается Кутузову и Наташе Ростовой — двум самым *естественным* героям романа — без всякого напряжения. Их связь с общим не «сделана», их чутье народного — врожденное. Вспомним эпизод пляски Наташи («Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала... этот дух...»).

Отъезд Ростовых из Москвы

Связь Наташи с общим, связь органическая, непосредственная, выразилась во время отъезда Ростовых из Москвы.

— **Какое настроение и почему было у Наташи и Пети в дни приготовления к отъезду?** — «Они смеялись и радовались вовсе не оттого, что была причина их смеху; но им на душе было радостно и весело, и потому все, что ни случалось, было для них причиной радости и смеха». Нравственная рана Наташи заросла, «ничто не напоминало ей причину ее грусти», и она была весела. «Главное же, веселы они были потому, что война была под Москвой, что будут сражаться у заставы, что раздадут оружие, что все бегут, уезжают куда-то, что вообще происходит что-то *необычайное*, что всегда радостно для человека, в особенности для молодого». Будничная жизнь всегда раздражала Наташу. Мы помним, как она тосковала в Отрадном из-за того, что там всё неизменно, все неподвижно, все «так же, как всегда». Движение, действие — стихия Наташи. Только в этой стихии она чувствует радость. «И целый день почти слышны были в доме их (Наталия к Петя. — Г. Ф.) беготня, крики и беспричинный хохот». На фоне общенародного бедствия эти настроения и это поведение кажутся проявлением легкомыслия. Но в том-то и дело, что Наташа, которая, по словам Пьера, «не удостоивает быть умной», настолько органично связана с общим, что ей нет необходимости выдумывать и выказывать патриотические настроения. Во всех главках, описывающих отъезд Ростовых из Москвы, ни слова не сказано о глубоких мотивах их отъезда. Из причин указана одна, которая для Толстого чрезвычайно важна: «Все едут, вот и мы должны ехать». Это — проявление органической связи Ростовых с общим, национальным, связи, не требующей обоснования и раздумий. Именно поэтому никто из Ростовых не говорит о своем патриотизме.

— **Кто же во время этих сборов и как говорит о патриотизме?** — Берг. Вся речь его о геройстве русских воинов построена Толстым таким образом, что и сами слова, и жесты, которыми Берг сопровождает свою речь, ничего, кроме насмешки, вызвать не могут. «Армия горит духом геройства, и теперь вожди, так сказать, собрались на совещание». Непонятно, к чему относится «так сказать» — к вождям или к совещанию. Вся манера его речи, с пышными эпитетами («дух *геройства*», «*древнее* мужество», «*российские* войска»), с разученными, да еще плохо разученными, жестами, с мещанским обращением «папаша», выводит его за рамки той духовной жизни, которой живут Ростовы, Кутузов, солдаты, и сближает его с Друбецким, с Бенигсеном (вспомним его «священная древняя столица Москва», заставившее поморщиться Кутузова).

Ростовы просто заняты делом сборов, как просто заняты делом войны солдаты на батарее Раевского. «Они не говорят, но делают»,— думает Пьер о солдатах. И Ростовы не говорили, а делали то, что, по мнению Толстого, погубило французов.

— **Почему Наташа пригласила раненых остановиться в их доме?** — Ей «понравились эти, вне обычных условий жизни, отношения с новыми людьми». Опять это стремление Наташи к новизне, к необычному, стремление, которое определяло ее поведение все эти дни.

— **Почему она сначала не принимала участия в упаковке вещей?** — «...Душа ее не лежала к этому делу; а она не могла и не умела делать что-нибудь не от всей души, не изо всех своих сил». Ведь в этом отъезде не было ничего особенного: каждое лето выезжали из Москвы в Отрадное.

— **Когда Наташа принялась за упаковку вещей?** — Тогда, когда в это дело втянулись все и оно приобрело *необычные* масштабы. «Старый граф, вдруг принявшись за дело... ходил со двора в дом и обратно, бестолково крича на *торопящихся* людей и еще более *торопя* их. Петя распоряжался во дворе. Соня не знала, что делать, под влиянием противоречивых приказаний графа и совсем *терялась*. Люди, крича, споря и шумя, *бегали* по комнатам и двору». Вот тогда-то Наташа «вдруг тоже принялась за дело». Не вещи интересны и дороги ей, а желание участвовать в общем деле, отдать себя ему целиком и быть в этом деле первой.— Расскажите, как Наташа собирала вещи.— Проявился ее хозяйственный талант. Дело спорилось благодаря распоряжениям Наташи. Когда ей удалось упаковать посуду, она «завизжала от радости, и слезы брызнули у ней из глаз».

— **Что отвлекло ее от сборов?** — Просьба раненых не оставлять их в Москве.

— **Как к этой просьбе отнеслись граф и графиня?** — Граф сразу согласился: «Ну что же, можно сложить что-нибудь». Жене он говорит: «Ведь это все дело наживное...» В графе всегда проявлялось это ростовское не то что равнодушие к вещам, а умение с ними легко расставаться, если нужно кому-нибудь сделать что-то приятное (именно потому ему была поручена подготовка к приему Багратиона в Английском клубе). Графиня же, постоянно думающая о детях, сначала была против того, чтобы отдать подводы раненым и оставить вещи.

— **Как же восприняла этот запрет матери Наташа?** — «По-моему,— вдруг закричала почти Наташа, обращая свое озлобленное лицо к Пете,— по-моему, это такая гадость, такая мерзость, такая... я не знаю! Разве мы немцы какие-нибудь?..— Горло ее задрожало от судорожных рыданий...»

— **Чем вызван этот взрыв негодования?** — Прежде всего тем, что в Наташе в высочайшей степени развито чувство общего, чувство справедливости. «Мерзость» - это забывать обо *всех людях*, о несчастных раненых во имя *личных* интересов, во имя спасения *вещей*.

— **С какой просьбой приехал к Ростовым Берг?** — Он хочет купить «Верушке» шифоньерочку и туалет, которые ввиду московского разорения можно дешево приобрести, и просит дать ему мужика с подводой.

Берг продолжает эксплуатацию войны, на чем он уже набил себе руку. Рисуя Берга, Толстой обставляет этот образ изумительно точными деталями. «Берг, в своих аккуратных дрожечках на паре сытых саврасеньких... подъехал к дому своего тестя»; он «плывущим... *нетерпеливым* шагом вбежал в гостиную». Чувствуется, что он спешит сделать что-то, ради чего и приехал сюда. Но он, «как бы для того, чтобы высморкаться, достал платок и, глядя на узелок, задумался...» Всем своим обликом, манерами, своей просьбой Берг вызывает озлобление у Наташи. В ее сознании возникает ассоциация: ничтожный Берг, приобретающий шифоньерочку и требующий для ее перевозки мужика с подводой,— мать, отказавшаяся оставить вещи и взять раненых... Беспомощные раненые брошены на произвол судьбы. С этим нарушением гармонии, справедливости Наташа не может примириться.

— **С каким настроением слуги стали сгружать вещи, освобождая подводы для раненых?** — «Поняв приказание, люди с радостью и хлопотливостью принялись за новое дело. Прислуге теперь это не только не казалось странным, но, напротив, казалось, что это не могло быть иначе; точно так же, как за четверть часа перед этим никому не только не казалось странным, что оставляют раненых, а берут вещи, но казалось, что не могло быть иначе». Справедливость восстановлена.

— **Как изменилось настроение Ростова после того, как было решено взять раненых?** — «Яйца... яйца курицу учат...— сквозь *счастливые* слезы проговорил граф и обнял жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо». А «Наташа находилась в восторженно-счастливом оживлении, которого она давно не испытывала». Наташа, восстановившая гармонию, возможную лишь при отказе от личного во имя общего, счастлива сама и приносит счастье другим.

— **Кого встретили Ростовы, выезжая из Москвы?** — Они увидели «Пьера... в кучерском кафтане, шедшего по улице с нагнутою головой и серьезным лицом». Пьер скинул свою внешнюю дворянскую оболочку, но «по походке и осанке» видно было, что это—«наряженный барин». В это время Пьер еще «наряжался» в народ. Он хотел быть с народом,— но легче изменить свою внешность, чем свою суть. Чтобы приобщиться к народному духу, ему нужно много перестрадать. Пьер чувствует, что его ждет. «Ужасное время»,— говорит он Наташе.

Но приближается не только ужасное время, а и время окончательного торжества России.

Наполеон у стен Москвы

При Бородине Наполеон почувствовал нравственное преимущество русских. И все же он — у Москвы.— Какое было время года, какая стояла погода? — «...Стояла та необычайная, всегда удивляющая людей осенняя погода, когда низкое солнце греет жарче, чем весной, когда все блестит в редком, чистом воздухе так, что глаза режет, когда грудь крепнет и свежее, вдыхая осенний, пахучий воздух, когда ночи даже бывают теплые и когда в темных, теплых ночах этих с неба, беспрестанно пугая и радуя, сыплются золотые *звезды*!». Толстой показывает природу как отражение и выражение настроений или мыслей людей либо как фон, который освещает события, придавая им нужный художнику эмоциональный настрой. Солнце над Бородином и окружавшие поле битвы леса, «точно высеченные из драгоценного желто-зеленого камня», как бы говорили о предстоящем торжестве нравственных сил русского народа. Природа у Толстого всегда что-то договаривает за героев, подсказывает им их мысли (вспомним старый дуб, который дважды «подсказывал» князю Андрею его мысли). А звезды или небо появляются в романе в моменты наиболее торжественные или для отдельных героев романа, или для людей вообще. И вот теперь оставление русскими Москвы вылилось не в их позор, а в их торжество.

Наполеон видит прекрасную Москву в тот день, когда стоит «всегда удивляющая людей осенняя погода».

— **О чём он думает, глядя на Москву?** — Он думает прежде всего о своем величии. «И странная и величественная минута! В каком свете представляюсь я им!» — думал он о своих войсках». Он готовится к торжественной речи перед «боярами», к речи, в которой выразится его великодушие, Наполеон чувствует, что действительно настала торжественная минута, но не понимает, что это — день *не его* торжества. Он попадает «в... страшное положение, называемое французами *ridicule*» (смешным). Он смотрит на Москву, «весело и гордо улыбаясь», а придворные готовятся ему сообщить, что никаких «бояр» в Москве нет, а «есть только пьяные». Впервые Наполеону не удалось разыграть представление с вручением ему ключей от столицы. С патриотической гордостью Толстой пишет: «Не удалась развязка театрального представления».

— **Кто ещё их великих русских писателей рассказывает в поэтическом произведении об этом событии, восхищаясь патриотизмом москвичей?**

— Напрасно ждал Наполеон,

Последним счастьем упоенный,

Москвы коленопреклонной

С ключами старого Кремля.

Нет, не пошла Москва моя

К нему с повинной головою,

Не праздник, не приемный дар,

Она готовила пожар
Нетерпеливому герою...

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»

- С чем сравнивает Толстой покинутую Москву? — С ульем. — В произведении какого поэта, писавшего об этих днях Москвы, встречается это сравнение?

— Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.

И. А. Крылов. «Ворона и Курица»

Толстой — в высочайшей степени оригинальный художник и мыслитель. Если в его романе появляются подобные переключки с Пушкиным, Гоголем, Крыловым, то это связано с тем, что все эти писатели в чем-то сходились при оценке событий Отечественной войны, и с тем, что при всем своем новаторстве, вообще отличающем великого художника от заурядного беллетриста, Толстой продолжал в ряде идейных и художественных моментов традиции русского реализма XIX века. Сравнение Москвы с ульем в «Войне и мире» по содержанию напоминает крыловскую басню, а по форме (развернутое сравнение) связано с гоголевским излюбленным методом.

Мы уже говорили, что Толстой не хотел, чтобы его роман приняли за историческую хронику. Не война 1812 года как таковая интересовала его. В письме к Н. Н. Страхову 21 апреля 1876 года Толстой писал: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собой, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения».

Толстой хотел выразить в «Войне и мире» мысль о силе народного духа, о том, что правда — в единении людей и что лишь в отказе от своего «я» и в подчинении этого «я» общему, народному — путь человека к счастью и к правде.

Война 1812 года — материал, художественно осмысливая который, Толстой стремился выразить эту мысль. В романе отражены все события: переход Наполеона через Неман, сражение под Смоленском, смена в русском командовании, Бородинская битва, оставление Москвы. Но ни одно из событий не изображается Толстым в его главных с точки зрения истории моментах. В своих исторических экскурсах и обобщениях Толстой дает оценку этих главных моментов, но глаз художника нацеливается всегда на какие-то периферийные (повторяю, с точки зрения истории) сцены и картины. Переход через Неман изображен лишь в сцене гибели польских улан; сражения под Смоленском мы даже не видим, а только вместе со смолянами слышим гул орудийных залпов; Бородинская битва рисуется лишь постольку, поскольку она была в поле зрения Пьера, и т. д.

То же получилось и с таким событием, как оставление Москвы ее жителями. В историко-публицистических отступлениях Толстой неоднократно заявлял, что оставление Москвы народом — одна из важнейших причин гибели французского нашествия.

— **Но показывает ли Толстой в художественных образах это событие?** — Он показывает только отъезд Ростовых (дворян) из Москвы. Московский люд — мастеровые, мелкое чиновничество, купечество, слуги, т. е. большая часть московского населения, которое, словам Толстого-историка, охваченное чувством патриотизма, покинуло Москву и тем самым загубило Наполеона, — вне поля зрения художника. В этом — отражение того этапа развития Толстого, когда он уже понял, что народ — главная движущая сила истории, но еще не вчувствовался в эту мысль как художник. Отсюда — отсутствие в художественной структуре романа социальной определенности понятия «общее», «общая жизнь». То же с патриотизмом. Толстой-философ утверждает, что «причиной гибели французских войск

Наполеона... был характер, который приняла война от сожжения русских городов и возбуждения ненависти к врагу в русском народе». Но как только дело доходит до изображения этой ненависти и этого народа, так оказывается, что богучаровские мужики никакой ненависти к французам не имели и уезжать от них не хотели, а сжигали свои дома (например, Ферапонтов), и уезжали из Москвы дворяне (например, Ростовы). Во всем романе нет ни одного тщательно разработанного характера человека из народа, подтверждающего мысль Толстого о народном характере войны. А потому эта проблема романа несколько трансформируется.

Действующие лица романа разбиты на три группы. Для одних простота, правда и справедливость — их суть. Это — Кутузов, Наташа Ростова, Платон Каратаев, народ вообще. Другие (Пьер Безухов, Андрей Болконский) идут к этой правде и находят ее. Третьи чужды общечеловеческим идеалам добра, правды и справедливости (Наполеон, Курагины, Александр I, Берг, Друбецкой, Растопчин), они живут в своем замкнутом эгоистическом мире, неспособные к принятию общечеловеческой правды. Толстой — на пороге разрыва со своим классом, поэтому-то в числе этих последних — только представители высшего дворянства. Однако представителей народа Толстой рисует пока только *внешне*: через их речь, одежду, портреты.

Как только он обращается к крестьянам, солдатам или рабочим, так он откладывает в сторону скальпель психолога и берет в руки кисть художника-жанриста, а потому ни один представитель простого народа не вызывает таких горячих симпатий, как Кутузов, Ростовы, Болконские, чья душевная жизнь нам становится близкой благодаря любовному интересу, с которым раскрывает нам ее художник-психолог.

Рисуя оставление Москвы населением, Толстой, сравнив Москву с покинутым пчелиным ульем, высказав своё отношение к этому великому событию и с теплотой нарисовав сборы и отъезд Ростовых из Москвы, обращается к описанию поведения народа, оставшегося в столице.

— **Кто же остался в Москве?** — Придворные Наполеона узнали, что остались одни пьяницы.

— **Но кто эти пьяницы?** — Толстой переносит действие в Москву, в питейный дом. «На лавках у столов, в небольшой, грязной комнате сидело человек десять *фабричных*. Все они *пьяные, потные, с мутными глазами*, напряжённо и широко разевая рты, пели какую-то песню...» Портрет одного из фабричных Толстой рисует так: «...высокий белокурый малый в чистой синей чуйке... Лицо его с тонким прямым носом было бы красиво, ежели бы не тощие, поджатые, беспрестанно движущиеся губы и *мутные* и нахмуренные, *неподвижные* глаза»; он «торжественно и угловато размахивал над... головами засученною по локоть белою рукой, *грязные* пальцы которой он неестественно старался растопыривать...» Затем фабричные встречаются с *кузнецами*. Начинается бессмысленная пьяная драка. К толпе кузнецов и фабричных присоединяются *сапожники*. Вся эта толпа вдруг решает идти куда-то. Несколько раз Толстой эту толпу называет «народом». «Понимание *народа* было настроено на высокий лад», — передает он настроение этих фабричных, кузнецов и сапожников, слушающих чтение очередной афишки Растопчина; «Увидав *народ*... мастеровой замолчал...»

— **Но думает ли этот «народ» покинуть Москву?** Ведь раньше Толстой говорил, что весь народ был охвачен *единым* чувством, — это было чувство необходимости оставления Москвы, невозможности жить при французах. Эти же фабричные, наслушавшись путаных афишек Растопчина, решили «не щадя живота послужить», т. е. защищать Москву. Уезжать из Москвы или сжигать ее никто из изображенных Толстым рабочих не собирался. Оставшиеся возмущались лишь тем, что теперь в городе нет властей и некому навести порядок. А ведь в главке V Толстой-историк писал: «...богатеишие элементы населения уходили, оставляя свое имущество; беднейшие оставались и зажигали и истребляли то, что оставалось».

Этих *картин* истребления и сожжения Москвы ее беднейшей частью населения в романе нет. Но Толстой, вероятно, чувствуя это противоречие между тем, что он утверждал, и тем, что изображал, показывает беднейшее население Москвы *после* того, как основная масса жителей ушла, и *до того*, как начался пожар Москвы.

Итак, остались пьяницы, сброд, — но этот «сброд», в изображении Толстого, состоял из фабричных сапожников, кузнецов. Что делали эти фабричные, когда масса жителей

оставляла Москву, Толстой не показал, выделив лишь картину отъезда дворян Ростовых. Но самое интересное и важное для нас то, как Толстой прослеживает внутреннюю связь между «толпой», как он чаще всего называет этих фабричных и кузнецов, и графом Растопчиным.

— Верил ли Растопчин, что Москва будет оставлена? — «Он не верил всею душою до последней минуты в оставление Москвы».

— А верили ли эти люди, составившие толпу, которая шла к Растопчину, в оставление Москвы? — «Что пустое говорить!» — отзывалось в толпе. — Как же, так е бросят Москву-то! Тебе насмех сказали, а ты и поверил. Мало ля войсков наших идет. Так его и пустили!» А в главке V Толстой писал: «Каждый русский человек, не на основе умозаключений, а на основании того чувства, которое лежит в нас и лежало в наших отцах, мог бы предсказать то, что совершилось». Но сиятельный князь Растопчин и сброд оказываются в одинаковой степени далекими от этого чувства. В сущности, Толстой отказывал им в звании «русский человек», ибо «каждый русский человек» чувствовал, что Москва будет оставлена. Но единство Растопчина со сбродом еще глубже.

— **Почему Растопчин решил казнить Верещагина?** — Он чувствовал «поднимающийся во всей душе неудержимый гнев против кого-то того, кому можно было приписать причину всего случившегося». И он решил отдать толпе на растерзание какую-нибудь жертву. «Вот она чернь, эти подонки народонаселения, плебеи, которых они подняли своею тупостью! Им нужна жертва», — пришло ему в голову... И потому самому это пришло ему в голову, что ему самому нужна была эта жертва, этот предмет для своего гнева». Граф Растопчин называет пришедших к нему фабричных, кузнецов, сапожников «сбродом», «подонками». Эта оценка его не расходится с тем, как изображена толпа у Толстого. Но Толстой, комментируя мысли Растопчина, *объединяет* градоначальника Москвы, сиятельного графа Растопчина со сбродом, подонками, с чернью... Вряд ли можно было нанести более сильный удар по верхам дворянства! Вместе с тем во всем этом изображении фабричного люда уже проявилось складывающееся в Толстом убеждение в развращающем влиянии города на мужика. Народ настоящий — это, по мнению Толстого, крестьяне, мужики. Когда мужики приходят в город и остаются там на фабриках, они теряют духовные свойства народа и превращаются в обманутую и развращенную властителями толпу.

- **Почему Растопчину удалось заставить толпу растерзать Верещагина?** — Растопчин пробудил в ней самые низменные, зверские инстинкты: «Бей его! Руби! Я приказываю!» Жалобный крик Верещагина — и «та натянутая до высшей степени преграда человеческого чувства, которая держала еще толпу, прорвалась мгновенно».
- **Чем оправдывал Растопчин убийство Верещагина?** — Он считал это убийство совершенным ради «общественного блага». Такого рода оправдания преступлений — особенность мышления не только Растопчина. «С тех пор как существует мир и люди убивают друг друга, никогда ни один человек не совершил преступления над себе подобным, не успокаивая себя этою самою мыслью». Стоя на Поклонной горе, Наполеон собирался сказать боярам, что он «вел войну только с ложною политикой их двора», т. е. опять-таки хотел оправдать войну, убийства интересами «общественного блага». Толстой говорит своим романом: ничем нельзя оправдать убийства, в том числе и общественным благом, ибо никому не дано знать, в чем состоит это благо. Нет хуже, бесчеловечнее людей, чем те, которые присвоили себе неконтролируемое право решать, в чем состоит общественное благо. Люди эти всегда готовы к преступлению против человечности, к убийству...
- **Какова истинная причина пожара Москвы, по мнению Толстого?** — Толстой рисует картины распада французской армии. Войско оставалось войском, «пока солдаты этого войска не разошлись по квартирам. Как только люди полков стали расходиться по пустым и богатым домам, так навсегда уничтожилось войско и образовались и не жители в не солдаты, а что-то среднее, называемое мародерами». Армия, движимая грабительскими инстинктами, распадается. «Москва сожжена жителями, это правда; но не теми жителями, которые оставались в ней, а теми, которые выбегали из нее. Москва, занятая неприятелем, не осталась цела, как Берлин, Вена и другие города, только вследствие того, что жители ее не подносили хлеб-соль и ключей французам, а выехали из нее».

- **Было ли в Москве оказано сопротивление французам?** — Когда французы подходили к Кремлю, из-под ворот послышались два выстрела, а потом «из-за дыма появилась фигура человека без шапки и в кафтане. Держа ружьё, он целился во французов». После залпа французов в воротах осталось три раненых и четыре убитых человека; «два человека в кафтанах убегали низом». Толстой в словах «безумство храбрых» сделал бы ударение на первом слове. В одном из черновых вариантов он совершенно определённо пишет, передавая мысли Кутузова: «В сущности, в его голове было ясно, что не надо было драться и что драться было всегда глупо...»

Не случаен образ сумасшедшего брата Баздеева.

— **Что он кричал, схватив пистолет?** — «К. оружию! На abordаж!»; а когда слуга стал отнимать у него пистолет, он закричал: «Ты кто? Бонапарт!» Мы опять имеем дело с пародийным переосмыслением поступка главного героя: Пьер тоже решил убить Наполеона и с этой целью приобрел пистолет...

— **Но занимала ли целиком Пьера эта мысль — убийство Наполеона? Что его влекло к этому поступку?** — «Два одинаково сильные чувства неотразимо привлекали Пьера к его намерению. Первое было чувство потребности жертвы и страдания при сознании общего несчастья... Другое было то неопределенное, исключительно русское чувство презрения ко всему условному, искусственному, человеческому, ко всему тому, что считается большинством высшим благом мира». Не убить Наполеона важно было Пьеру, а пострадать вместе с народом. Кабалистическая цифра 666 просто подсказала ему, как он Может пострадать.

— **Как представлял себе Пьер это убийство Наполеона?** — Он «в своих мечтаниях не представлял себе живо ни самого процесса нанесения удара, ни смерти Наполеона, но с необыкновенною яркостью и с грустным наслаждением представлял себе свою погибель и свое геройское мужество. «Да, один за всех, я должен совершить или погибнуть!» — думал он». Если Пьер еще и не приобщился к тем, кого он называл общим именем «они», то в душе его, во всем складе его характера было «чувство потребности жертвы и страдания при сознании общего несчастья». Но путь, который избрал Пьер — убийство Наполеона, — вызывает у Толстого иронию.

— **Как относится Толстой к Пьеру в сценах его разговора с Рамбалем?** — Вот с этой иронией. Пьер быстро, «совершенно забыв свою роль», сходится с французским офицером, хотя решил не называть себя и скрыть свое знание французского языка, чтобы легче было проникнуть к Наполеону. Когда речь заходит об императоре, Пьер, «замаявшись и с преступным лицом», спрашивает, в Москве ли уже Наполеон. Затем он с «шамкающим ртом и масляными глазами, глядя куда-то вдаль, рассказал всю свою историю».

— **Какое влияние имело на Пьера выпитое вино разговор с Рамбалем?** — «...Прежний мрачный строй мыслей о мщении, убийстве и самопожертвовании разлетелся как прах...»

— **Почему же намерение Пьера убить Наполеона вызывает у Толстого иронию?** — Прежде всего, Толстой, все время утверждающий, что Наполеон — раб истории, понимал, что убийство одного человека не изменит того зла, которое несет война. Кроме того, Пьер — не Долохов; война, убийство — не его стихия. Да и все это предприятие требовало сосредоточенности, большой воли — качеств, которыми Пьер не обладал. Пьера «мучило сознание своей слабости», «чувство слабости приковало его к своему месту: он *хотел и не мог* встать и уйти». Вот это «хотел и не мог» — одна из основных особенностей характера Пьера, отличающая его, например, от князя Андрея. Можно вспомнить много случаев из жизни Пьера, когда он «хотел и не мог» (хотел не ездить к Курагину и не мог не ездить; хотел удалиться от Элен и не мог; хотел после разрыва с масонами начать осмысленную жизнь — и не мог). И теперь, как ни неприятен ему Рамбаль, он не может уйти от него.

— **Как меняется в конце разговора с Рамбалем настроение Пьера?** — Выслушав рассказ Рамбала о его похождениях, рассказав о своей любви к Наташе, Пьер почувствовал, что Рамбаль стал ему ближе. Он уже считает его «своим новым другом». Звучит как бы под сурдинку тема единения: пусть эти люди по-разному мыслят о жизни, о любви, но разговор за бутылкой вина отодвигает от них войну. Пьер выходит на улицу. «Глядя на всокое звёздное небо, на месяц, на комету и на зарево, Пьер испытал радостное умиление. «Ну вот, как хорошо, чего ещё надобно?» — подумал он».

В то время, как Пьер ещё ошупью тдёт к окончательной истине, князь Андрей уже нашёл истину.

— В чём же она? «...Любовь... не та любовь, которая любит за что-нибудь, для чего-нибудь или почему-нибудь, но та любовь, которую я испытал в первый раз, когда, умирая, я увидел своего врага и все-таки полюбил его». Новую любовь князь Андрей называет божеской: «Любя человеческою любовью, можно от любви перейти к ненависти; но божеская любовь не может измениться». Если признавать существование «всеблагого» бога, то можно согласиться с князем Андреем; и Толстой, веривший в такого бога, передает устами князя Андрея свои мысли. Ну, а если признать, что на земле есть один бог — человек и что на ней действуют не законы божьи, а социальные законы развития человеческого общества, то тогда следует согласиться, что человеческая любовь не может существовать без ненависти. «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть», — это не божеская, а человеческая заповедь.

— **В каком состоянии был князь Андрей, когда ему пришли в голову эти мысли?** — «Душа его была не в нормальном состоянии».

— **В чем заключалась эта «ненормальность»?** — «Все силы его души были *деятельнее, яснее, чем когда-нибудь*, но они действовали *вне его воли*». В этом суть толстовской философии, та суть, которая определила развитие главной идеи романа; итог, к которому пришел князь Андрей, художественно предопределен. Вся жизнь князя Андрея состояла в подчинении *воле*, в подавлении волей, разумом того, что жило в нем, — «ненависти к ненависти» и «любви к любви». И вот теперь, когда силы его души действуют «вне его воли», он приходит к великой, по мнению Толстого, идее всеобщей любви. Только эта любовь приведет к единению всех со всеми и любовь эта — не человеческая, а божеская. Недаром князь Андрей просит евангелие, книгу, где, как считает Толстой, записан этот закон любви.

Болконский тяжело, смертельно ранен.

— **Но что им в большей степени владеет — телесные муки или душевное счастье?** — «Да, мне открылось новое счастье... — думал он... — Счастье, находящееся вне материальных сил...» Толстой в «Войне и мире» все время показывает, как мучительно незнание истины и как счастлив человек, нашедший истину, подчас даже ложную. Князь Андрей счастлив, когда он стремится к славе, когда он верит в общественное благо, когда он верит в любовь; князь Андрей несчастлив, когда он разочарован в славе, в общественном благе, в любви. Пьер счастлив, когда он нашел истину масонстве, когда он полюбил Наташу; Пьер несчастлив, когда теряет веру во все. Пьер подходит теперь к принятию истины, которая определит последний этап его жизни в романе. Князь Андрей нашел эту истину. И это, по мысли Толстого, не ложная истина. Потому-то князь Андрей относительно легко переносит телесные муки. Контраст между этими муками и душевным счастьем князя Андрея, нашедшего истину, определяет построение главки XXXII. «Горячее состояние и воспаление кишок, которые были повреждены, по мнению доктора, ехавшего с ранеными, должны были унести его»; «Боль, причиненная ему переноской в избу, заставила князя Андрея громко стонать и потерять сознание»; рана его издавала «тяжкий запах гнилого мяса»; он все время бредил. Но так как князь Андрей чувствовал душевное счастье, бред этот был «светлым», «музыкальным». Он услышал «какой-то тихий шепчущий голос, неумолкаемо в такт твердивший: «И пити-пити-пити», и потом «и ти-ти-ти», и опять «и пити-пити-пити», и опять «и ти-ти-ти». Вместе с этим, под звуки этой шепчущей зыки, князь Андрей чувствовал, что над лицом его, над самою серединой воздвигалось какое-то странное воздушное здание из тонких иголок или лучинок».

- **Какое счастье, кроме счастья открытия истины, обвило муки князя Андрея?** — Приход Наташи.

— **В каком состоянии находилась Наташа с того времени, когда она узнала о ране князя Андрея и о том, что он едет с ними?** — Наташа находилась в «состоянии столбняка». Когда она слышала стоны раненого, «тонкая шея ее тряслась от рыданий и билась о раму». «Глаза, лихорадочно открытые, неподвижно смотрели прямо». В эти часы проявляется способность Наташи к отключению от всего окружающего, к полной отдаче чувству, владеющему ею. Так бывало с ней не раз: и когда она, восхищаясь летней ночью, не замечала, что может упасть; и на балу, когда, охваченная страстным желанием танцевать, принять участие в общем веселье

и блеске, она не замечала даже государя; и тогда, когда, влюбившись в Анатоля, она готова была уйти из любимой ею и любящей её семьи.

— Каким желанием охвачена Наташа? — Она решила, что она должна видеть его. Она не знала, для чего это должно было, но она знала, что свидание будет мучительно, и тем более она была убеждена, что оно было необходимо».

— Прочитаем сцену свидания Наташи с раненым Андреем (от слов «Долго прислушивалась Наташа...» в главе XXXI до конца главы и от слов «...внимание его вдруг перенеслось в другой мир...» в главе XXXII до конца этой главы).

- **А что происходит с Пьером в то время, когда завершается путь исканий князя Андрея?** — Он еще упрямо пытается заставить себя осуществить свою цель — убийство Наполеона.

— **Почему же Пьер не смог убить Наполеона?** — И потому, что он не знал, где и когда проедет

Наполеон (но это лишь внешняя причина), и потому, главное, что он не мог пройти мимо чужих страданий. Герои писателя-реалиста совершают не те поступки, которые им хотелось бы совершить, а те, которые с художественной убедительностью вытекают из их характера.

— **Что чувствует Пьер, когда спасает из огня ребенка?** — Он «почувствовал себя освобожденным от тяготивших его мыслей», «молодым, веселым, ловким и решительным». Спасение человека, а не убийство дано было совершить Пьеру. Мысль об убийстве тяготила его, мысль о спасении ребенка делала «молодым, веселым».

- **Как французские солдаты отвечали на вопрос Пьера, не видели ли они ребенка?** — Они послали его к черту, «видимо боясь, чтобы Пьер не вздумал отнимать у них серебро и бронзы»; но один из них сказал то, что говорят у Толстого действующие лица, которые выражают самые важные мысли романа: «Ребенок? Я слышал, что-то пищало в саду. Может быть, это его ребенок. Что ж, *надо по-человечески. Мы все люди*». Этот солдат сохраняет в душе истину человеческого единения даже в момент всеобщего умопомрачения. И Пьер, спасающий ребенка, защищающий женщину от мародеров, проявляет тот же гуманизм. Он не может совершить убийство, хотя был *момент*, когда он считал, что должен это сделать, потому что Наполеон — злодей, виновный в страданиях людей. Ненависть временна, любовь к человечеству вечна, утверждает Толстой своим романом.

— **Что говорит Пьер французам о спасенной им девочке?** — Это «моя дочь, которую я спас из огня». Это была ложь, и это была правда. Он спас из огня дитя человеческое, и «восторженное состояние его еще усилилось».

Пьер еще не нашел истину, но душа его готова принять ее...

ТОМ 4

Г. Н. Фейн

Анализ романа Л. Н. Толстого

«Война и мир»

Том IV Часть первая

- Жизнь, настоящая жизнь, говорил нам Толстой в первых трёх томах, состоит в поисках истины, а истина — в единении людей. Единение же людей достигается любовью всех ко всем. К истине этой уже пришёл князь Андрей, близок к открытию и приятию ее Пьер. К этой истине приблизила князя Андрея и Пьера война 1812 года. Она перевернула все их представления о жизни, она была великим испытанием для всей нации... Мы уже говорили о смысле названия романа. Но великая эпопея Толстого многопланова, многогранна. Многозначно и ее название. Пока мы говорили главным образом об основном значении названия. Но Толстому дорого было и это: война и мир — два состояния общественной жизни — тесно связаны между собой. В мирное время человек формируется, частично раскрывается,— в военное время, время великого

испытания, окончательно определяется его суть. Участие князя Андрея и Пьера в Отечественной войне, осмысление ее характера, выводы, которые они сделали для себя,— все это подготовлено их развитием в предвоенные годы. Поведение Друбецкого и Берга во время войны, их отношение к ней — выражение их характера, формировавшегося в мирное время.

- **Как повлияли события войны на петербургское общество?** — «...Петербургская жизнь шла по-старому; и из-за хода этой жизни надо было делать большие усилия, чтобы сознавать опасность и то трудное положение, в котором находился русский народ». Война показала, как прочна привязанность светского общества к внешним формам жизни и как далеко высшее дворянство от существенных интересов нации. Их жизнь превратилась в призрак, в слабое отражение жизни подлинной. Автоматизм существования непоколебим: «...те же были выходы, балы, тот же французский театр, те же интересы дворов, те же интересы службы и интриги». Живые люди (Пьер, Наташа, князь Андрей, княжна Марья) стали участниками народной драмы, и это перепахало *основы* их бытия. В салоне Шерер все по-прежнему. Анна Павловна, как и раньше, угощает своих гостей какой-нибудь новостью, только теперь эти новости связаны с войной.
- **Что происходило в салоне Шерер в день Бородина?** — «...В самый день Бородинского сражения был вечер, цветком которого должно было быть чтение письма преосвященного...» — Кто и как читал это письмо? — Читал князь Василий, «славившийся своим искусством чтения. (Он же читывал и у императрицы.) Искусство чтения считалось в том, чтобы громко, певуче, между отчаянным завыванием и нежным ропотом переливать слова совершенно независимо от их значения, так что совершенно случайно на одно слово попадало завывание, на другое — ропот». Сказать, что любимый чтец императрицы *отчаянно завывал* и что завывание и ропот его были независимы *от значения слов*, значило сказать, что внешним, кукольным интересом к событиям войны жили не только дворяне, но и сама императрица.
- Какая сторона военных событий волновала Анну Павловну и всех придворных? — Их более всего волновало, как могут отразиться известия от Кутузова на настроении императора. Когда пришло известие о сражении у Татариновой, придворные ликовали: «...Главная радость придворных заключалась столько же в том, что мы победили, сколько и в том, что известие об этой победе пришлось именно в день рождения государя». Когда же «не получалось известия из армии, придворные страдали за страдания неизвестности, в которой находился государь». Известие о сдаче Москвы вызвало ту же реакцию: «Это ужасно! Каково... положение государя!» Думая о солдатах, Пьер повторял про себя: «Они не говорят, а делают». В светском обществе люди ничего не делают, а только говорят. Но и говорят о второстепенном, незначительном для России, потому что не Россия их волнует, а интересы интриги.

— **Кого посылает Кутузов ко двору с известием о сдаче Москвы?** — Француза на русской службе Мишо, в сущности изменника родины. Толстой всегда говорит в романе о патриотизме как о чем-то врожденном, безыскусственном; не всем дано испытать это чувство, но каждый знает, что чувство это хорошее и его нужно иметь. Потерявший свою родину Мишо считает себя «русским в глубине души». Но у него национальный французский характер, одна из форм проявления которого, по мнению Толстого, — аффектация, чуждая русскому национальному характеру. Однако дело не только в том, что Мишо француз, а Берг, скажем, немец. В одном из черновиков романа Пьер думает: «Настоящие русские — не эти господа, которые по-французски лопотали около него... — а русские: князь Андрей, ополченец... старый солдат...». В сцене встречи Мишо с Александром французский полковник и русский царь *не по-русски* выражают свой «русский патриотизм». Когда немец Бенигсен сказал «священная древняя столица Москва», Кутузов поморщился; но проследим, какова манера речи *русского* царя, сравним ее с речью француза Мишо. Прежде всего, говорит царь по-французски. И Москву он называет «древней столицей», почти буквально повторяя слова Бенигсена. Во всех фразах его нет ни одного простого, не выпяченного слова: «Провидение требует от нас больших жертв»; «престол моих предков»; «Я сам стану во главе моих любезных дворян и добрых мужиков». Точно так же говорит Мишо: город «обращен в пепел»;

«Ваше Величество подписывает в эту минуту славу своего народа и спасение Европы!» Разговор идет в одном ключе. Определить, где русский, где француз, где царь, где полковник-эмигрант, по стилю, по манере речи невозможно. «Настоящие русские — не эти господа». Эти ненастоящие русские и ненастоящие французы дальше от русского народа, чем настоящий немец, кричавший Николаю Ростову: «Да здравствует мир!», или настоящий французский солдат, который говорил Пьеру: «Что же, надо по-человечески. Мы все люди».

Так в романе сложно развивается тема единства, с одной стороны, народов и, с другой стороны, тех, кто оторван от своего народа.

Такой подход к теме единства вступает в конфликт с проповедью любви всех ко всем, с проповедью всеобщего единения. Царь все время говорит: «мои русские», «мои подданные», «мои мужики». Но пока он *говорит*, «его» мужики *воюют* (как он думает, за его династию, «за престол его предков»).

— **Что думает Толстой о людях, которые пытались вмешаться в общий ход дела?** —

«...Те, которые, любя поумничать и выразить свои чувства, толковали о настоящем положении России, невольно носили в речах своих отпечаток... притворства и лжи...» Это сказано, конечно, о царе и придворных, — не случайно эта фраза следует за сценой разговора Александра с Мишо. Но вряд ли читатель нуждался в разъяснении: ложь и притворство речей царя и полковника Мишо, переданных таким мастером, как Толстой, видны простым глазом. Лгут и притворяются все члены светского петербургского общества, с императором и императрицей во главе.

— **Кто же в то время был искренен?** — Те люди, которые «не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего».

— **Чем, по мнению Толстого, занималось большинство людей во время войны 1812 года?** — Вот этими-то «личными интересами настоящего». — В чем видит Толстой противоречие истине в рассказах историков о жизни людей во время войны 1812 года? — «Рассказы, описания того времени, все без исключения говорят только о самопожертвовании, любви к отечеству, отчаянии, горе и героизме русских». В действительности же было не так. Толстой через весь роман проводит мысль о силе бессознательной и бессилии, бесполезности сознательной деятельности. Для иллюстрации этой мысли Толстой вводит в роман таких героев, как Наполеон, оглуленный по сравнению с историческим Наполеоном, Вейротер, Пфуль, Александр I. Сознательная деятельность этих людей приводит к лжи и путанице, и Толстой делает вывод, нарушая один из законов логики, что *вообще* чем больше человек пытается понять ход истории и воздействовать на него, тем больше он вносит в дело ложь и путаницу. Бессознательная, роевая жизнь людей, каждый из которых занят своим делом, приводит к тому, что и должно произойти.

— **Думали ли в армии о Москве?** — Нет, утверждает Толстой, «в армии, которая отступала за Москву, почти не говорили и не думали о Москве, и, глядя на ее пожарище, никто не клялся отомстить французам, а думали о следующей трети жалованья, о следующей стоянке, о Матрешке-маркитантке и тому подобном...»

— **Почему Николай Ростов принимал участие в войне?** — «Николай Ростов без всякой цели самопожертвования, а случайно, так как война застала его на службе, принимал близкое и продолжительное участие в защите отечества... Ежели бы у него спросили, что он думает о теперешнем положении России, он бы сказал, что ему думать нечего, что на то есть Кутузов и другие...» Меняется оценка одного и того же качества Ростова. Когда неумение и нежелание Ростова думать Толстой рассматривал в моральном аспекте, он осуждал его, а теперь, когда это качество Николая Ростова подтверждает теорию о полезности для истории бессознательно действующих натур, Ростов приводится в качестве положительного примера. А ведь Андрей Болконский перед Бородинским сражением много думал о России, о нашествии врагов, об общем ходе дела. По мысли Толстого, это было еще одно, последнее заблуждение князя Андрея, заблуждение, которое принесло ему много страданий. Счастье пришло к Андрею, когда он *отказался от мысли*, отдавшись *чувству* любви. Но еще до того в поступках князя Андрея проявилось нечто сближающее его с Николаем Ростовым: он *тоже* пошел на войну «без всякой цели самопожертвования», а «принимал близкое и продолжительное участие в защите отечества» потому, что личные соображения требовали его присутствия в армии. И потому-то, несмотря на то что князь Андрей пытался понять

общий ход дел, он отнесен Толстым к тем людям, которые приносили пользу: он был больше занят делами полка, чем размышлениями об общем ходе дела, он, как и Николай Ростов, отказался служить в штабе, а служил в действующей армии.

- **Страдал ли Николай Ростов из-за того, что в самый разгар боев его отправили за лошадьми в Воронеж?** — Нет, наоборот. Он был в самом веселом состоянии духа. Ростов испытывал наслаждение, «когда он выбрался из того района, до которого достигали войска». Толстой считает чувства Николая вполне естественными, настолько же естественными, насколько неестественным было бы, если бы Ростов, провозгласив свой патриотизм, отказался поехать в тыл. Это — не реабилитация малодушия (Ростов уже неоднократно доказывал свою храбрость), а утверждение простоты и искренности.
- **Что испытала княжна Марья, узнав о приезде в Воронеж Николая Ростова?** — Мы уже говорили, что движущая сила развития княжны Марьи — борьба между желанием по-христиански служить богу и людям и мечтаниями о личном счастье. Внутренне же княжна Марья стремится к гармонии, к уравниванию этих двух начал, которые на протяжении всей ее жизни раздирали ее душу. Поэтому-то встреча с Николаем возбудила в ней «не радостное, но болезненное чувство: внутреннего согласия ее не существовало более, и опять поднялись желания, сомнения, упреки и надежды».
- **Как меняется весь облик княжны Марьи, когда она видит Николая?** — Она вся преобразилась. Насколько, что с этого момента и до конца романа Толстой уже ни разу не скажет, что княжна Марья некрасива. Наоборот, все, что Толстой говорит теперь о внешности княжны Марьи, должно показать читателю, сколь она прекрасна: «Глаза осветились новым, *лучистым светом*»; «полным достоинства и грации движением она... протянула ему свою *тонкую, нежную руку*»; когда она молится, на лице ее появляется «трогательное выражение печали, мольбы и надежды». Оставшись один, Николай вспоминает «бледное, тонкое, печальное лицо», «лучистый взгляд», «тихие, грациозные движения» княжны Марьи. Чувство преображает человека, делает его прекрасным. Если же у человека только красивая внешность и нет чувства, то даже в красивом лице появляются неприятные или фальшивые черточки (вспомним, как неприятно лицо Элен, целующей Пьера; какое зверское выражение лица у Анатоля, обнимающего Бурьен; и, наконец, вспомним удивительно похожего, на сестру идиота Ипполита). Неодухотворенная красота — уродство, одухотворенная некрасивость — прекрасна.

— **С чем сравнивает Толстой ставшее прекрасным под влиянием любви лицо княжны Марьи?** — Толстой не в первый раз прибегает к развернутому сравнению. «Как вдруг, когда зажигается свет внутри расписного и резного фонаря, неожиданною *поражающею красотой* выступает на стенках та сложная, искусная художественная работа, казавшаяся прежде *грубою, темною, бессмысленною*: так вдруг преобразилось лицо княжны Марьи».

— **Почему княжна Марья нравилась Николаю больше, чем Соня?** — Он видел «бедность в одной и богатство в другой тех духовных даров», которых не имел сам. — Любовь княжны Марьи и Николая Ростова основана на внутреннем компромиссе. Николай Ростов не замечал внешней некрасивости княжны Марьи, — он видел ее духовную красоту, преобразившую ее внешность. Княжна Марья принимала ограниченность Николая Ростова, — его такт и душевное чутье делали для нее незаметной узость его мышления. Николаю Ростову не хватало душевных богатств, — он их приобретает в княжне Марье. Княжна Марья, вею жизнь мучившаяся из-за тирании отца, нуждалась в нежности и заботе, — Николай, типичный Ростов, дает ей и эту нежность, и эту заботу. Они идут к личному счастью. Мировые проблемы их не волнуют. Что касается толстовских женщин, то они всегда равнодушны к общественным и философским вопросам. Всегда Толстой считал — как до перелома, так и после него, — что женщина должна нести в мир любовь; этим ограничивается ее жизненная задача. Николай же Ростов изредка пытается заниматься мужским делом — думать о политике. Но всякий раз при этом обнаруживается его несостоятельность. Лишь в сфере личных отношений раскрываются его лучшие свойства.

Истинный герой Толстого гармоничен. Пусть князь Андрей пришел к отрицанию разума. Но к отрицанию разума он пришел путем *мысли*. Толстой хочет в «Войне и мире» доказать, что только бессознательная, интуитивная жизнь истинна. Но, сам мыслитель, он делает и лучших своих героев не только глубоко чувствующими, но и напряженно мыслящими людьми. Николай Ростов должен был бы стать идеалом Толстого: ведь он живет, подчиняясь чувству; но таким идеалом он не стал. Отсутствие способности аналитического мышления и даже потребности мысли отрывает Ростова от общечеловеческого.

Пьер чувствует не слабее Николая Ростова, но мыслит глубже и последовательнее, чем он. Бессознательно Толстой — не за человека, руководствующегося только чувством, а за личность гармоническую. Не случайно Пьер и Андрей ставятся Толстым в более сложные ситуации, чем Николай Ростов. Полк, семья, охота — вот сфера проявления характера Николая Ростова. Если бы вместо, например, Пьера он был в масонской ложе, на Бородине, в плену, невозможно было бы Толстому привести читателя к тем мыслям, во имя которых написан роман. Герой произведения — орудие мысли художника. Для выражения сложных мыслей нужен сложный герой. Не Николай Ростов, а князь Андрей и Пьер приходят к самым важным для Толстого выводам. Но прежде чем прийти к ним, они проходят сложный путь исканий, заблуждений и находок...

Пьер в плену

Плен оказался для Пьера предпоследним этапом его исканий.

— **Какой увидел Пьер Москву, когда его вели на допрос к Даву?** — «...Вся Москва, все, что только мог видеть Пьер, было одно пожарище. Со всех сторон виднелись пустыри, с печами и трубами, и изредка обгорелые стены каменных домов... Русское гнездо было разорено и уничтожено; но за уничтожением этого русского порядка жизни Пьер бессознательно чувствовал другой, но твердый французский порядок».

— **Как вел себя Пьер на допросе у Даву?** — Даву подействовал на Пьера так, как всегда действовали на него более волевые, чем он, люди (масон Баздеев, князь Андрей). Пьер сказал все, чего говорить не хотел. Но благодаря этому он сразу перестал быть в глазах Даву преступником. Детская непосредственность Пьера подействовала даже на известного своей жестокостью маршала.

— **Как Даву смотрел на Пьера?** — «В первом взгляде для Даву, приподнявшего только голову от своего списка, где людские дела и жизнь назывались номерами, Пьер был только обстоятельство; и, не взяв на совесть дурного поступка, Даву застрелил бы его...» Но потом он посмотрел на Пьера другим взглядом: «В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Оба они в эту минуту смутно перечувствовали бесчисленное количество вещей и поняли, что они оба дети человечества, что они братья». Люди — братья. Но они и винтики в механизме государственности. В этом механизме каждый человек, как колесико или винтик, исполняет свою, часто бессмысленную и жестокую функцию. Есть лишь моменты (*«несколько секунд* они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера»), когда люди вспоминают, что они — братья. Это — звездные минуты человечества. И тогда, по мысли Толстого, примиряются жертвы и палачи. Жертвы даже прощают палачей. Вот Пьеру кажется, что его приговорили к смерти. Кто же сделал это? — думает Пьер. И решает: «Это был *не Даву*, который так *человечески* посмотрел на него... Это был *порядок*, склад обстоятельств. Порядок какой-то убивал его...» Пьер понял, что люди — орудие какой-то системы, но не понял (ибо Толстой отрицал это), что они и создатели. Отрицание человеческой свободы, признание власти одной лишь необходимости приводило Толстого к отрицанию возможности изменения обстоятельств, возможности борьбы. Бороться можно только с человеком — но все люди братья, если же они и поступают не по-братски, то не они в этом виноваты, а какой-то порядок.

Доказательству этой мысли посвящены а картины расстрела «поджигателей».

— **Почему французы старались поскорее покончить с расстрелом?** — «Они торопились..., чтобы окончить необходимое, но неприятное и *непостижимое дело*».

— **Как вели себя приговоренные к смерти, как они чувствовали себя?** — Один все крестился, другой чесал спину и делал губами движение, подобное улыбке»; «...Пятый казался спокоен. Он запахивал кафтан и почесывал одною босою ногою другую»; они «смотрели вокруг себя, как смотрит побитый зверь на подходящего охотника». Братская связь между людьми разорвана. Одни люди превратились в «побитых зверей», а другие — в охотников.

— **Как же чувствуют себя эти «охотники»?** — Пьер «на всех лицах... французских солдат, офицеров, всех без исключения... читал такой же испуг, ужас и борьбу, какие были в его сердце»; «У одного старого усатого француза тряслась нижняя челюсть...» И казнившие, и казнимые одинаково, причем «все без исключения», чувствовали, что совершается преступление.

Значит, не они, а кто-то другой или, точнее, что-то другое создало весь этот кошмар. Человек — щепка, которую влечет поток истории.

— **Как эта мысль подействовала на Пьера?** — «С той минуты как Пьер увидел это убийство, совершенное людьми, не *хотевшими этого делать*, в душе его как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живым, и все завалилось в кучу бессмысленного сора». Но этот момент совершенно необходим в развитии Пьера. Чтобы принять новую веру, надо было разувериться в старых верованиях. И как раз чтобы принять новую веру, к которой подошел Пьер, он должен был отказаться от веры в человеческую свободу. Вся сцена расстрела, даже более страшная, чем сцены Бородинского сражения (чего стоит, например, описание расстрела и закапывания фабричного: «Пьер заглянул в яму и увидел, что фабричный лежал там коленями вверх, близко к голове, одно плечо выше другого. И это плечо судорожно, равномерно опускалось и поднималось. Но уже лопатины земли сыпались на все тело»), вся эта сцена призвана была показать и Пьеру, и читателям, как бессилён человек изменить неизбежный роковой порядок, установленный кем-то помимо него. И вот тут-то...

- **С кем встречается Пьер в плену?** — Пьер встречается с солдатом, бывшим крестьянином Платоном Каратаевым. Мы подходим к идейному центру романа. В Платоне Каратаеве — предельное выражение толстовских мыслей о границах свободы и зависимости. Надо внимательнее вчитаться во все, что сказано о Платоне Каратаеве. Не поняв этого образа, мы не поймем того, что *хотел сказать* Толстой своим романом, даже если нам уже ясно, что он *сказал* им.
- **Каково первое впечатление Пьера от Платона Каратаева?** — В нем «Пьеру чувствовалось что-то *приятное*, успокоительное и круглое». — Что же так подействовало на Пьера? — «Круглые, спорые, без замедления следовавшие одно за другим движения», «запах даже этого человека». Самое важное здесь — занятость Платона, *завершенность* всех его движений, слаженность этих движений («пока одна рука вешала бечевку, другая уже принималась разматывать другую ногу»).
- **Какова манера речи Каратаева?** — Язык его — народный. «Э, соколик, не *тужи*, — сказал он с тою нежно-певучею лаской, с которою говорят старые русские бабы»; «ну, *буде, буде*»; «картошки *важнеющие*»; «не *думали* — не *гадали*»; «сам-сем косить выходил»; «христиане» (вместо крестьяне); «думали горе, *ан* радость». Другая особенность его речи — насыщенность ее пословицами и поговорками: «Где суд, там и неправда»; «Москва — она городам мать»; «Червь капусту гложет, а сам прежде того пропадает»; «Не нашим умом, а божьим судом»; «Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матушки»; «Рок головы ищет»; «Лег — свернулся, встал — встряхнулся». О смысле этих поговорок мы еще поговорим, сейчас же отметим лишь наличие этих пословиц как особенность речи Каратаева. И третья очень важная особенность — уже не столько речи Каратаева, сколько его манеры общения с собеседником: он с одинаковым интересом и готовностью слушал других и рассказывал о себе. Перед началом разговора с Пьером он «прямо *установился* на него». Он сразу стал спрашивать Пьера о жизни. Впервые кто-то заинтересовался не пленным, «отказавшимся назвать свое имя», а человеком, Пьером Безуховым. В голосе у Платона — ласка.

— **Опишите внешность Каратаева.** — «...Вся фигура Платона, в его подпоясанной веревкою французской шинели, в фуражке и лаптях, была *круглая*. Голова была совершенно *круглая*, спина, грудь, плечи, даже руки, которые он носил как бы всегда собираясь обнять что-то, были *круглые*; приятная улыбка и большие карие глаза были *круглые*». Когда-то Наташа сказала о Пьере, что он «четвероугольный». Пьера привлекает эта «круглость» Каратаева. И сам Пьер должен как бы *срезать углы* в своем отношении к жизни и тоже стать *круглым*, как Каратаев.

— **В чем же суть «круглого» каратаевского отношения к действительности?** — «...Жизнь его, как он сам смотрел на нее, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица *целого*...» — Отсутствие всего личного, осознание себя только как частицы целого — это уже было сказано о ком-то в романе. — Да, о Кутузове. Кутузов и Каратаев в одинаковой степени выражают толстовскую мысль о том, что правда — в отказе от своего «я» и в полном подчинении его «общему», в конечном счете — судьбе.

— **В чем смысл рассказа Каратаева о том, как он попал в солдаты?** — Все совершится, как надо, и все — к лучшему. Попал он в солдаты незаконно, а оказалось, что от этого выиграла большая братнина семья: «Братцу бы идти, кабы не мой грех. А у брата меньшого сам-пят ребят...» — Это тот же оптимистический фатализм, каким проникнут Кутузов. Все пословицы Каратаева сводятся к этой вере в неизбежность совершения того, что суждено, и это неизбежное — лучшее. Да, «червь капусту гложет, а сам прежде того пропадает». Это его мысли о войне с французами. Французское нашествие въедается в Россию, как червь в капусту. Но Каратаев уверен, что червь пропадет раньше капусты. Это — вера в неизбежность совершения божьего суда. Сразу в ответ на просьбу Пьера разъяснить, что значит «червь капусту гложет...», Платон отвечает: «Я говорю: не нашим умом, а божьим судом». В этой поговорке — основа каратаевщины и ядро той философии, которую хотел проповедовать Толстой-мыслитель в «Войне и мире». Чем меньше человек думает, тем лучше. Разум не может повлиять на течение жизни. Все совершится по божьей воле. Если признать истинной эту философию (она называется квиетизмом), тогда можно не страдать оттого, что в мире столько зла. Надо просто отказаться от мысли что-либо изменить в мире. Толстой хочет доказать это, но, как мы видели раньше и как увидим из дальнейшего, жизнь опровергает эту философию и Толстой сам не может оставаться последовательно верным своей теории.

— **Как повлияла эта каратаевская философия на Пьера?** — Он чувствовал, «что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых незыблемых основах двигался в душе его».

Впервые Пьер и Андрей *одновременно* пришли к одной мысли, к одному мироотношению. Мы уже говорили, что этапы развития Пьера и Андрея повторяют, с некоторым запозданием, друг друга. И вот теперь, именно к концу романа, они приходят к одному итогу.

— **Как относился Платон Каратаев к людям?** — «...Он любил и любовно жил со всем, с чем его сводила жизнь, и в особенности с человеком — не с известным каким-нибудь человеком, а с теми людьми, которые были перед его глазами. Он любил свою шавку, любил товарищей, французов, любил Пьера, который был его соседом...» Так выразил Толстой основы своего мирозерцания. Во имя раскрытия этих основ написан роман, во имя доказательства истинности этого мирозерцания созданы образы князя Андрея и Пьера. Еще в 1856 году Толстой записывает в дневнике: «Могучее средство к истинному счастью в жизни, это — без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, целую паутину любви и ловить туда все, что попало: и старушку, и ребенка, и женщину, и квартального». Это «могучее средство к истинному счастью» с помощью Каратаева нашел Пьер. Эта любовь ко всему сущему охватила князя Андрея перед смертью.

— **Но допускает ли Толстой реальную возможность такой любви?** — Однажды он уже сказал, что это не человеческая, а божеская любовь. Но ведь на земле живут люди, а не боги. «Всех любить, всегда жертвовать собою для любви значило никого не любить, значило не жить этою земною жизнью», — думает князь Андрей. К такому выводу толкала Толстого неумолимая логика жизни.

Толстой утверждает, что счастье человека — в любви ко всем, и вместе с тем понимает, что на земле не может быть такой любви. Князю Андрею нужно было или отказаться от этих

взглядов, или умереть. В первых вариантах романа князь Андрей не умирал. Но тогда умирала бы философия Толстого. Толстому его мирозерцание было дороже князя Андрея. Князь Андрей умер для жизни сразу же, как пришел к своей философии любви.

— **Как он встретил княжну Марью в Ярославле?** — «В глубоком, не из себя, а в себя смотревшем взгляде была почти враждебность, когда он оглянул сестру и Наташу». Говорил он голосом «ровным и чуждым»; во взгляде его «чувствовалась страшная для живого человека *отчужденность* от всего мирского»; о пожаре он говорит «рассеянно, равнодушно». Толстой умел перевоплощаться, как колдун. Он сумел почувствовать и понять, что чувствует и понимает умирающий. Смягченность, отчуждение от жизни, равнодушие ко всему мирскому — все это описано с удивительной достоверностью. Вместе с тем это состояние князя Андрея, когда он уже не принадлежит жизни, было единственно для него возможным состоянием, в котором он мог бы принять каратаевщину: ведь философия бездумной любви ко всем — это и есть, пусть лишь в какой-то ее части, каратаевщина. Когда князь Андрей жил полной жизнью, любовь и ненависть «сосуществовали» в нем.

— **Какой сон видит князь Андрей перед смертью?** — «Много разных лиц, ничтожных, равнодушных, является перед князем Андреем» (это — Наполеон, Курагины, Сперанский — все, кого он презирал или ненавидел в жизни). Князь Андрей «говорит с ними, спорит о чем-то *ненужном*» (все, все было ненужным: слава, забота об общественном благе, ревность), но он смутно припоминает, «что у него есть другие, важнейшие заботы». Вот так всю жизнь он отдавал заботам о ничтожном, забывая, что нужно делать что-то главное, «важнейшее». Важнейшее — это дело служения всеобщей любви, а так как ее на земле нет, — богу. Путем мучительных поисков он приходит к тому, что для княжны Марьи было совершенно ясным. — Вспомните, что она говорила при их последнем свидании. — «Не думай, что горе сделали люди. Люди — орудие Его... Они не виноваты. Мы не имеем права... наказывать. И ты поймешь счастье прощать». Ее пророчество исполнилось. Он простил Анатоля и «понял счастье прощать». «Любовь есть бог», — думает князь Андрей перед смертью. Это понимание пришло уже не к духовно здоровому, а к умирающему князю Андрею. Это философия не живых, а покидающих жизнь. Так Толстой становится судьей себя самого. Даже своей философией он жертвует ради самого главного своего героя — правды.

— **Чем живет в это время княжна Марья?** — В этот момент, когда ее брат пришел к евангелию, сама она думала не об отказе от личного счастья. Как раз в это время интересы *жизни* переполняли ее. Не случайно умирающий князь Андрей чувствует, что между ним и сестрой именно теперь, когда он проникся ее верованием, — стена. «Мы не можем понять друг друга!» — думает он. Он не может говорить с княжной Марьей даже о евангелии. «Мари, ты знаешь еван...», — но он вдруг замолчал». В это время любовь к Николаю «наполняла всю ее душу, сделалась нераздельной частью ее самой, и она не боролась более против нее». Мечты о личном счастье близки к осуществлению, земные интересы вытеснили стремление к служению богу. Счастливая, нравственно здоровая девушка забывает об евангелии, о котором она думала, будучи духовно поработанной и несчастной. Да и раньше она иногда нарушала евангельскую заповедь любви к врагам своим (вспомним, как она дважды выгоняла мадемуазель Бурьен из своей комнаты). Она — живой человек — любила и ненавидела. То, что проповедовала она, стало мирозерцанием ее мятежного брата, но она, как и Наташа, сама чувствовала, что он уже перестал жить: «Они... ходили уже не за ним (его уже не было), он ушел от них, а за самым близким воспоминанием о нем — за его телом».

Победа толстовского мирозерцания в князе Андрее — это торжество смерти над жизнью. И что самое интересное — сам Толстой признает это. — Прочитаем последний разговор о любви, который ведут Андрей и Наташа. Сколько нежности у Андрея, какое страстное желание жить, когда вновь обретена любовь! Но «это была последняя нравственная борьба между жизнью и смертью, в которой *смерть одержала победу*». Князь Андрей понял, что с его мирозерцанием жить нельзя. Эта любовь ко всем исключает любовь к каждому: «Всех, всех любить... значило никого не любить»; «Любовь есть бог, и умереть — значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику».

Г. Н. Фейн

Анализ романа Л. Н. Толстого

«Война и мир»

Том IV Часть вторая

Толстому так важно убедить читателя в правильности своих взглядов на роль личности и народных масс в истории, вообще на законы исторического развития, что каждый эпизод Отечественной войны он считает необходимым прокомментировать с позиций этих взглядов. Все новыми и новыми аргументами он подтверждает уже несколько раз повторенные тезисы. Мысль не развивается, не углубляется, а иллюстрируется новыми фактами истории Отечественной войны.

— **Явился ли фланговый марш русской армии, по мнению Толстого, выражением чьей-либо гениальности?** — Нет, «даже глупый тринадцатилетний мальчик без труда мог догадаться, что в 1812 году самое выгодное положение армии, после отступления от Москвы, было на Калужской дороге».

— **Был ли этот марш кем-то предусмотрен?** — Нет, «бесчисленное количество обстоятельств» заставило нашу армию перейти на Калужскую дорогу. Любое историческое событие, являясь следствием взаимодействия тысячи тысяч человеческих волей, совершается с необходимостью, которую ни предсказать, ни тем более спланировать невозможно.

— **В чем же видит Толстой заслугу Кутузова?** — В том, «что он один понимал значение совершившегося события».

— **Что было основным в действиях Кутузова после Бородина?** — «...Он один все силы свои употреблял на то, чтобы удержать русскую армию от бесполезных сражений».

— **Почему же Кутузов не хотел сражений?** — Все из-за того же оптимистического фатализма: он верил, что «подбитый под Бородином зверь» должен погибнуть.

— **Подтверждал ли ход событий эту уверенность Кутузова?** — Да. Наполеон послал к Кутузову Лористона с предложением о мире. Это был «стон... раненого зверя».

— **Удалось ли Кутузову удержать русскую армию от сражения?** — Кутузову не удалось удержать армию от Тарутинского сражения, потому что, как считает Толстой, ни один человек не может предотвратить то, что должно совершиться из-за стечения множества обстоятельств. Наступление же стало необходимым по множеству причин, сумма которых и привела к Тарутинскому сражению.

— **Какую из них Толстой считает главной?** — Главная причина наступления — «неясное, но возникшее в душе каждого солдата сознание того, что отношение силы изменилось теперь и преимущество находится на нашей стороне». Следовательно, опять дух армии, дух народа оказал решающее воздействие на течение событий. Наступательный же порыв был подготовлен не приказами свыше, а множеством обстоятельств.

— **Как описаны Толстым возникновение и ход Тарутинского сражения?** — Оно возникло случайно. Казак Шаповалов убил зайца и подстрелил другого. Гонясь за ним, казак наткнулся на лагерь французов, увидел, что он не защищен, и, смеясь, рассказал об этом товарищам. Эти сведения дошли до высшего командования. Толь составил диспозицию, по которой первая колонна шла туда-то и туда-то, вторая колонна туда-то и туда-то», — и началось сражение. Но сражение происходило совсем не так, как предусматривал план Толя. Множество мелких обстоятельств помешало этому.

Толстой, как всегда, когда он обращается к описанию важных исторических событий, фиксирует внимание читателя на мелочах быта. Он — непревзойденный мастер в воссоздании этих «мелочей». Если можно с чем-то соглашаться и с чем-то не соглашаться в том, как объяснял и изображал Толстой *общий* ход дела, то детали, дельные картины не только ярки и наглядны, но и безусловно достоверны. Так, Толстой на одной страничке описывает бал у генерала Кикина. Несколько штрихов — и перед нами генерал Ермолов. Еще несколько мазков — жанровая картина: «Веселящиеся генералы». «Все генералы были в расстегнутых сюртуках, с красными, оживленными лицами, и громко смеялись, стоя

полукругом. В середине залы красивый невысокий генерал с красным лицом бойко и ловко выделявал трепака...» Другая картина — «Разгневанный Кутузов».

— **Что привело Кутузова в состояние неумолимого гнева?** — Полная путаница — ни одна часть не пришла туда, куда должна была прийти. Вот Кутузов встречает пехотинцев. Он видит их сидящими «за кашей и с дровами, в подштанниках». Кутузов набрасывается на офицера, «угрожая руками, крича и ругаясь площадными словами». Все эти мелочи — и подштанники, и площадные слова, и даже мысли Кутузова («Напрасно так хлопотал молиться о нынешнем дне, напрасно не спал ночь и все обдумывал!») — казались Тургеневу «кукольной комедией». Тургенев писал, что «Толстой поражает читателя носком сапога Александра, смехом Сперанского, заставляя думать, что он все об этом знает, коли даже до этих мелочей дошел, а он и знает только что эти мелочи». Тургенев не прав. Не потому Толстой описывал мелочи, что только их и знал, а потому, что только их считал *достоверными*. Все, что рассказывали историки и мемуаристы об общем ходе дела, Толстой знал, но в рассказы эти не верил. К тому же художник — не историк, он мыслит образами, а образ — это прежде всего детали, художественные подробности.

— **Описывает ли последовательно Толстой ход Тарутинского сражения?** — Нет. он только подчеркивает путаницу, которая возникла во время сражения, и говорит о бессмысленных жертвах.— Достигло ли это сражение той цели, которую ставил Толь? — Нет, эта цель достигнута не была и не могла быть достигнута. Но сражение это, по мнению Толстого, было целесообразным. «При самом малом напряжении, при величайшей путанице и при самой ничтожной потере были приобретены *самые большие результаты* во всю кампанию, был сделан переход от отступления к наступлению, была обличена слабость французов и был дан тот толчок, которого только и ожидало наполеоновское войско для начатия бегства». Так из случайности (охота казака Шаповалова) возникло сражение, давшее «самые большие результаты».

Но сама по себе эта случайность, при отсутствии множества других обстоятельств, не привела бы к таким результатам. Суть воззрения Толстого на ход истории выражена как раз в этой части романа. «Ежели многие, одновременно и разнообразно направленные силы действуют на какое-нибудь тело, то направление движения этого тела не может совпадать ни с одной из этих сил; а будет всегда среднее, кратчайшее направление, то, что в механике выражается диагональю параллелограмма сил». Отрицанием решающей и определяющей роли гениальных людей и утверждением главной роли масс в истории Толстой сближается с марксизмом. Но если марксизм объясняет, почему именно народные массы играют решающую роль в истории, Толстой или отказывается объяснить эту закономерность, или ссылается на волю провидения, орудием которой, по его мнению, являются как массы, так и так называемые великие люди, с той лишь разницей, что простые люди не говорят и не думают о своей великой миссии, но делают свое дело, а «великие личности» уверены, что судьбы человечества в их руках. Кутузов был бессилен предотвратить ненужное, по его мнению, сражение. Но сражение произошло — и дало важнейшие результаты.

— **А Наполеон? К чему он стремился и чего достиг?** — Он стремился победить русских в сражении и думал, что достиг этого при Бородине; он стремился захватить Москву с ее богатствами — и достиг этого. Но результат — его поражение, гибель его войск.

— **Считает ли Толстой, что Наполеон действовал в России хуже, глупее, чем раньше, в других странах?** — Нет, «он точно так же как и прежде, как и после, в 13-м году, употреблял все свое умение и силы на то, чтобы сделать наилучшее для себя и своей армии»; «Деятельность его в Москве так же изумительна и гениальна, как и везде».

— **Почему же тогда он был великим, а теперь, в России, перестает быть великим и гениальным?** — Толстой считает, что Наполеон никогда не был ни гением, ни великим, а таким сделали его те, кого он бил. «...Непостижимая сдача в плен корпусов без сражений и крепостей без осады должна склонять немцев к признанию гениальности как к единственному объяснению той войны, которая велась в Германии». То, что произошло с Наполеоном в России, подобно тому, что произошло с голым королем из сказки Андерсена. Право сказать о Наполеоне «А король-то голый» дал Толстому, как он считает, русский народ: «...Нам признавать его гениальность, чтобы скрыть свой стыд, слава богу, нет причины. Мы заплатили за то, чтобы иметь право просто и прямо смотреть на дело, и мы не уступим этого

права». Не потому, в глазах Толстого, Наполеон не гений и не великий, что он потерпел в России поражение. Он и раньше гением не был, хотя бы потому, что военного гения вообще не может быть. Но победа России дала возможность русским без священного страха смотреть на Наполеона и определить его истинную цену.

— **Почему Наполеону не удалось осуществить тот план, который он осуществлял во всех захваченных европейских столицах?** — Потому что простые люди, ремесленники и крестьяне, торговцы, священники не откликнулись на его призывы наладить нормальную жизнь в Москве (крестьяне «ловили тех комиссаров, которые слишком далеко заезжали с этим провозглашением, и убивали их»). А происходило это, в частности, потому, что Наполеон, которого европейские историки называли гением, не смог предотвратить мародерства в своих войсках, и потому, что сам-то Наполеон не только не выполнял данных народу обещаний, но еще и выпускал фальшивые деньги. Французская армия превратилась в толпу мародеров. Движимая одним лишь стремлением — обогатиться за счет грабежа побежденных народов — эта армия, дорвавшись до Москвы, перестала существовать. Да и сам Наполеон увозил из Москвы награбленное добро.

Мы видим, что не столько рука судьбы решила поражение французов и победу русских войск, сколько различие тех идеалов, во имя которых сражались французские и русские войска. Русские *защищали свои дома*, французы *грабили чужие*, а потому нравственный дух русских оказался сильнее духа французов. Стоило французам потерпеть первое поражение (под Тарутином), как они побежали.

Личность бессильна что-либо изменить. Толстой самыми разнообразными сравнениями стремится подчеркнуть эту мысль. И он то сравнивает тех, кто верит в силу «великого человека», с дикарями, которым «фигура, вырезанная на носу корабля, представлялась силою, руководящею корабль»; то сравнивает Наполеона с ребенком, держащимся «за тесемочки, привязанные внутри кареты», и воображающим, «что он правит».

Тот человек, который вмешивается в ход событий и с помощью разума пытается изменить эти события, ничтожен. Величие и счастье человека в другом. В чем же? Отвечая на этот вопрос, Толстой обращается вновь к внутреннему состоянию Пьера, к той истине, которую нашел он.

— **Как изменился облик Пьера в плену?** — «Он не казался уже толст, хотя и имел все тот же вид крупности и силы...»; «Борода и усы обросли нижнюю часть лица, отросшие и спутанные волосы на голове, наполненные вшами, курчавились теперь шапкою»; «Пьер смотрел... на свои босые ноги, которые он с удовольствием переставлял в различное положение, пошевеливал грязными, толстыми, больными пальцами». Все это — выражение крайнего опрощения. Опрощение — следствие тяжелого внешнего положения пленного. Но опрощение внешнего облика вызывает изменение внутреннего содержания характера, что оказывает обратное воздействие на внешний облик. «Выражение глаз было твердое, спокойное и оживленно-готовое, такое, какого никогда не имел прежде взгляд Пьера. Прежняя его распушенность, выражавшаяся и во взгляде, заменилась... *подобранностью*». Портрет у Толстого — психологический и социальный (лицо, глаза выражают внутреннее состояние героя; «маленькие ручки» князя Андрея — признак аристократизма). Причем социальное и психологическое в портрете тесно связаны. «Круглость» Каратаева — это и нечто крестьянское, как думает Пьер, и вместе с тем выражение психологической и мировоззренческой законченности Платона Каратаева. Опрощение Пьера, отрывая его от своего класса, меняет и его психику. «Распушенность», выражавшаяся прежде и во взгляде Пьера, — выражение ненадежности целей, к которым он стремился. Теперь же он нашел истину, а потому «выражение глаз... твердое, спокойное».

— **К чему всю жизнь стремился Пьер?** — К спокойствию и довольству собой, «согласию с самим собою».

— **В чем искал он этого спокойствия?** — «...Он искал этого в филантропии, в масонстве, в рассеянии светской жизни, в вине, в героическом подвиге самопожертвования, в романтической любви к Наташе...» — На каком пути он думал найти согласие с самим собой? — «...Он искал этого путем мысли, и все эти искания и попытки обманули его». Пьер, как и князь Андрей,

действовавший в иных сферах, чем он, пришел к выводу о бессилии мысли, о безнадежности поисков счастья «путем мысли».

— **В чем же нашел теперь счастье Пьер?** — «Удовлетворение потребностей — хорошая пища, чистота, свобода — ...казались Пьеру совершенным счастьем...» Мысль, пытающаяся поднять человека над его непосредственными потребностями, лишь вносит путаницу и неуверенность в его душу. Человек не призван делать более того, что касается его лично. Пьеру «не приходило и мысли ни о России, ни о войне, ни о политике, ни о Наполеоне. Ему очевидно было, что *все это не касалось его*, что он не призван был и потому не мог *судить обо всем этом*». Человек должен определить границы своей свободы, говорит Толстой. И хочет показать, что свобода человека не вне его, а в нём самом.

— **Как отзывается Пьер на грубое требование часового не выходить из рядов пленных?** — Он захохотал и проговорил вслух: «В плену держат меня. Кого меня? Меня? Меня — мою бессмертную душу». Почувствовав внутреннюю свободу, став безразличным к внешнему течению жизни, Пьер находится в необычайно радостном настроении, настроении человека, открывшего наконец истину. К этой истине был близок князь Андрей на Аустерлице, — тогда уже он, приблизившись к истине, увидел бесконечное небо. «Бесконечные дали» открывались и перед Николаем Ростовым, но они остались ему чуждыми. А теперь Пьер, познавший истину, не только видит эту даль, но чувствует себя частицей мира. «Леса и поля, невидимые прежде вне расположения лагеря, открывались теперь *вдали*. И еще дальше этих лесов и полей виднелась светлая, колеблющаяся, зовущая в себя *бесконечная даль*. Пьер взглянул в небо, в глубь уходящих, играющих звезд. «И все это мое, и все это во мне, и все это я!» — думал Пьер».

Так выразил Толстой ту мысль, которая, как он писал Погодину, была ему наиболее дорога в романе. Мы можем не соглашаться со взглядами Толстого на границы свободы и зависимости человека, но понять их мы должны.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский пишет: «История встречи Пьера с Каратаевым есть история встречи с народом нашей оторванной от народно-национальной формы интеллигенции». Но дело обстоит куда сложнее. История этой встречи — образное выражение воззрений Толстого. В людях эпохи 1812 года он стремился найти то, что могло выразить его воззрения на правду человеческого бытия. Овсяннико-Куликовский утверждал, что Платон Каратаев — «верный и яркий выразитель русской национальной психологии». Исследователь правильно понял Толстого: Толстой действительно хотел показать в Платоне Каратаеве тип «национальной психологии». Однако стал ли таковым Платон Каратаев у Толстого, или нет, — вопрос очень спорный, настолько же спорный, насколько спорен вопрос о том, что такое национальная психология и существует ли она вообще в применении к представителям разных классов, разных культурных складов внутри одной нации. Толстой передал в Каратаеве психологию какой-то части (и притом не передовой) крестьянства, переработал и объяснил ее в необходимом для идеи «Войны и мира» духе, — и получилась каратаевщина, то, к чему пришел Пьер и что верно было бы назвать оптимистическим квиетизмом.

Толстой уже тогда видел, что истина — в народе, и потому-то Пьер познал истину, сблизившись с крестьянином. Следует лишь подумать, в той ли части народа нужно было искать истину и та ли это истина? Итог, к которому пришли князь Андрей и Пьер (причем князь Андрей самостоятельно, а Пьер с помощью мудрого мужичка Каратаева), — выражение взглядов Толстого на границы свободы и зависимости человека, взглядов, о которых Толстой говорил, что они «не случайный парадокс, который на минуту меня занял», а «плод умственной работы моей жизни». В Платоне Толстой изобразил личность, чье нравственное влияние на окружающих так сильно, что его чувствует не только Пьер, «но даже французы. Интересна сцена разговора Платона с французом, которому он сшил рубашку.

— **Что тревожило француза?** — Он беспокоился, не утаил ли Платон остатки полотна.

— **Взял ли французский солдат это полотно, когда Платон вернул его?** — «Возьмите себе,» — вдруг покраснев, крикнул француз пискливым голосом, подавая обрезки, повернулся и ушел. Каратаев, как мы видим, обладает каким-то секретом нравственного влияния на людей. Француз «покраснел», потому что в нем под воздействием Каратаева проснулась совесть. И Каратаев доволен: «Сам голый, а вот отдал же». Ведь Каратаев любил всех

людей, в том числе и французов. Пробуждение в французе общечеловеческих чувств кажется Каратаеву проявлением человеческого братства («Говорят, нехристи, а тоже душа есть»).

В одной из своих статей о русской литературе Достоевский писал, что русский человек «инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях других народов; тотчас же соглашаясь, примиряет их в своей идее, находит им место в своем умозаключении... Он со всеми уживается и во все вживается. Он сочувствует всему человеческому, вне различия национальности, крови и почвы... У него инстинкт общечеловечности». Вот это начало и видит Толстой в Каратаеве. Каратаев — единственный тип из народа, которому Толстой уделит не несколько строк, а несколько глав романа. И здесь столкнулись две главные мысли романа: мысль о братстве всех людей, о служении всех людей единому богу, любви и патриотическая *мысль* — *мысль* о необходимости изгнания захватчиков, врагов с родной земли.

Если в плане нравственно-философском между образами Каратаева и Кутузова нет различий, то в отношении к Отечественной войне эти герои резко противоположны.

— **О чем мечтал Кутузов?** — Он мечтал о «совершенном истреблении французов»; «Погибель французов, предвиденная им одним, было его душевное, *единственное* желание». Насколько в Каратаеве выразилось абсолютное безразличие к судьбе России, настолько в Кутузове — абсолютное безразличие ко всему, *кроме* судьбы России.

— **Прочитаем сцену, в которой Толстой описывает, как Кутузов принял известие об оставлении французами Москвы (главка XVII)... Как назвать то чувство, которое выразилось у Кутузова в этой сцене?** — Кутузов в «Войне и мире» — выразитель народного чувства. Русский народ чувствовал себя оскорбленным. Французы не в гости пришли в Россию — они грабили ее. Для русских людей французское нашествие было стихийным бедствием, чем-то вроде нападения хищных зверей. Народ стремится освободить Россию от хищников. Кутузов чувствует то же, что и народ. Как мы увидим дальше, толстовский Кутузов никакой особенной ненависти к французам как к людям не имел. Мстить французам он не хотел.

— **Какая у него была цель после того, как французы покинули Москву?** — У него единственная цель — изгнать французов из России. Он стремился нанести зверю смертельный удар, после которого зверь — французское нашествие — уже не смог бы осуществлять свои хищнические намерения. Он добился этого при Бородине. И как только зверь перестал быть зверем и армия захватчиков превратилась в толпу несчастных людей, Кутузов счел свою миссию законченной (речь идет, конечно, не об историческом Кутузове, а об образе Кутузова в романе Толстого). Все это было выражением того чувства, которым был охвачен весь русский народ,— того чувства, о котором Толстой говорит: «*какое-то* чувство», «*что-то* лежало в душе каждого русского человека»,— и, наконец, раскрывает это *что-то*: «скрытая теплота патриотизма».

Г. Н. Фейн

Анализ романа Л. Н. Толстого

«Война и мир»

Том IV Часть третья

Роль народа в войне 1812 года — главная тема третьей части.

И, как обычно, до описания идут у Толстого рассуждения, то, что мы называли философским вступлением.

— **В чем своеобразие войны, которую вел Наполеон в России?** — Раньше во всех войнах победа одного войска над другим автоматически влекла за собой порабощение народом войска победителя народа войска побежденного.

В России же «французами одержана победа под Москвой. Москва взята и вслед за тем, без новых сражений, не Россия перестала существовать, а перестала существовать 600-тысячная армия, потом наполеоновская Франция».

— Что доказывает, по мнению Толстого, этот факт?—Он доказывает, «что сила, решающая участь народов, лежит не в завоевателях, даже не в армиях и сражениях, а в чем-то другом» (опять это «что-то»).

— Что же это такое? Почему, несмотря на выигранное сражение, перестала существовать армия-победительница? — «Выигранное сражение не принесло обычных результатов, потому что мужики Карп и Влас, которые после выступления французов приехали в Москву с подводами грабить город и вообще не выказывали лично геройских чувств, и все бесчисленное количество мужиков не везли сена в Москву за хорошие деньги, которые им предлагали, а жгли его».

Враждебность населения армии завоевателей, нежелание подчиниться ей решают, по мысли Толстого, участь войны. Народ — главная сила, определившая судьбу войны. Народ не понимает и не признает *игры* в войну. Война ставит перед народом вопрос о жизни и смерти.

— **С кем сравнивает Толстой русских и французов?** — С двумя фехтовальщиками, один из которых требует фехтования по правилам, т. е. требует *игры* (это — французы), а другой никаких правил не признает (это — русские), потому что понял, что «дело это не шутка, а касается его жизни», и потому бросил шпагу» и, «взяв первую попавшуюся дубину, начал «ворочать» ею».

— **Как относится Толстой к такому способу ведения войны?** — «И благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменится презрением и жалостью». Толстой — историк, мыслитель — приветствует народную войну. Появляются слова, необычные для толстовской тактики: «*величественная сила*», «*благо* тому народу». Он — будущий непротивленец, не раз отдававшийся» формировавшемуся в нем мировоззрению и на страницах «Войны и мира», заканчивая роман, воспекает «дух народной войны», считает партизанскую войну выражением справедливой народной ненависти к врагу.

— **Какова была, по мнению Толстого, историческая роль партизан? Как изображает Толстой партизан?** — «Партизаны уничтожали великую армию по частям. Они подбирали те отпадавшие листья, которые сами собою сыпались из иссохшего дерева — французского войска, и иногда трясли это дерево». Толстой рассказывает о дерзости русских партизан, особенно мужиков, «лазивших между французами» и считавших, «что теперь уже все было возможно».

Так Толстой — историк и мыслитель — говорит о партизанской войне.

Затем Толстой берет кисть художника. Опять перевертывается бинокль: после общего обзора, данного историком,— художественная картина с решающей ролью детали.

- **Какую погоду рисует Толстой, приступая к описанию действий отряда Денисова?** — «Был осенний, теплый, дождливый день. Небо и горизонт были одного и того же цвета мутной воды. То падал как будто туман, то вдруг припускал косой, крупный дождь»; «И одежда, и седла, и поводы — все было мокро, склизко и раскисло, так же как и земля и опавшие листья, которыми была уложена дорога». Это — и живое описание, и фон, создающий настроение действующих лиц и через них — читателя.

— **В каком настроении был Денисов?** — «Денисов был не в духе...»; «При первом взгляде на... Денисова видно было, что Денисову и мокро, и неловко...»

- **Кто приезжает к Денисову с письмом?** — Петя Ростов. — О чем он рассказывает Денисову? — «...О том, как он проехал мимо французов и как он рад, что ему дано та кое поручение, и что он был уже в сражении под Вязьмой и что там отличился один гусар». В косвенной авторской речи передана манера речи Пети, с этими набегающими друг на друга придаточными предложениями и восторженной интонацией: Пете хочется рассказать побольше, и он хочет, чтобы слушатель заразился его настроением. Он уже кем-то увлекся («отличился один гусар»), как свойственно увлекаться Ростовым.

— **Какой вид имел Петя?** — Петя был «растрепанный, насквозь промокший и с сбившимися выше колен панталонами». Разговаривая с Денисовым, он поправляет под шинелью панталоны так, чтобы никто не заметил, «стараясь иметь вид как можно *воинственнее*». Петю роднит с Денисовым *невоинственный* вид (Денисову в эту дождливую погоду было «и мокро, и неловко», не то что есаулу, которому было «так же удобно и покойно, как и всегда»). Обоим им чужда война, несмотря на то что Васька Денисов — старый кадровый, как мы теперь говорим, офицер, а Петя Ростов — новобранец. *Петя* в войне видел что-то увлекательное, как во всем, что меняет течение обыденной жизни (этим он близок к Наташе); по сути же своей, которую он хочет сделать незаметной и для окружающих, и для себя, он «невоинственный» человек. Он подавляет в себе лучшее, ростовское — неприязнь к убийству, к насилиям. Он не чувствует вражды к французскому пленному мальчику.

— **Как реагирует Петя на рассказ Тихона Щербатого об убийстве француза?** — Сначала он смеется со всеми, но потом «Петя понял на мгновение, что Тихон этот убил человека», и «ему сделалось неловко. Он оглянулся на пленного барабанщика, и что-то кольнуло его в сердце. Но эта неловкость продолжалась одно мгновение. Он почувствовал необходимость повыше поднять голову, подбодриться...» Эти ощущения напоминают ощущение Николая Ростова в островненском деле, когда он взял в плен француза с «домашним лицом». Николай Ростов тоже не понимал, зачем ему убивать этого человека, чем он перед ним виноват. И оба они, и Петя и Николай, подавляют в себе эти добрые, человеческие чувства.

— **Кто в отряде был самый полезный и храбрый человек?** — Крестьянин Тихон Щербатый.

— **Знакомо ли ему чувство жалости к французам?** — Нет, когда он рассказывает о том, как убил француза, «вся рожа его растянулась в сияющую *глупую* улыбку». Многие критики видят в Тихоне Щербатом олицетворение мысли Толстого о дубине народной войны, которая тоже «с *глупой* простотой» гвоздила французов. *Глупый* у Толстого не всегда антоним к слову *умный*, — нам уже приходилось об этом говорить. *Глупый* — не мудрящий, не рассуждающий, а действующий. Таким и является перед нами Тихон.

— **Как он попал к партизанам?** — Он еще до того, как вступил в отряд Денисова, убивал французов.

— **Чувствует ли он ненависть к французам, понимает ли патриотический характер своих действий?** — «Мы французам худого не делаем... Мы только так, значит, по охоте баловались с ребятами. *Мародеров* точно десятка два побили, а то мы худого не делали...» Он убивает лишь мародеров, видя в них что-то общее с мироедами. Сознательного патриотизма у него нет. Но, как утверждает Толстой в своих философских отступлениях, бессознательные поступки и приносили наибольшую пользу. «Тихон Щербатый был один из самых нужных людей в партии», — пишет Толстой. Так что, действительно, в Тихоне Щербатом — олицетворение мысли о «глупой простоте» дубины народной войны. Но интересно и другое...

- **Как относятся партизаны к Тихону Щербатому, как относится к нему автор? И, далее, к кому Толстой-художник питает большую симпатию — к Платону Каратаеву или к Тихону Щербатому? Чтобы ответить на этот большой вопрос, нужно сначала ответить на ряд других вопросов.**

- **С кем Толстой сравнивает Тихона?** — С волком. Оружие Тихона «составляли мушкетон... пика и топор, которым он владел, как волк владеет зубами, одинаково легко выдирая им и блох из шерсти и перекусывая толстые кости».

— **Как называют Тихона партизаны?** — «...Меринина здоровенный».

— **Что поручалось Тихону?** — Ему поручалось «сделать что-нибудь особенно трудное и гадкое — выворотить плечом из грязи повозку, за хвост вытащить из болота лошадь, ободрать ее, залезть в самую середину французов, пройти в день 50 верст...» Итак, все, что не под силу человеку или что человеку гадко, противно, поручается Тихону, «волку», «мерину».

— **О Платоне Каратаеве, о его человеческой судьбе мы знаем многое. Знаем ли мы что-нибудь о прошлом Тихона, об его отношении к людям?** — Ничего. Мы узнаем лишь о том, какие дела ему поручали и как он их выполнял. Единственная его индивидуальная, человеческая черта — умение передразнивать людей, потешно изображать сцены своей борьбы с французами. Это кривляние Тихона вызывает смех, он «был шут всех казаков». Толстой-художник не проявляет подлинного интереса ни к человеческой судьбе Тихона, ни к его характеру.

— **Как изображает Толстой внешность Тихона Щербатого?** — Лицо его «изрыто оспой и морщинами»; у него «маленькие узкие глаза», «недостаток зуба» во рту. Ни слова не говорит Толстой о впечатлении, которое производил облик Тихона на окружающих (о Каратаеве сказано, что во всем его облике было что-то «приятное, успокоительное»).

— **Чем отличается речь Тихона от речи Каратаева?** — Во-первых, полным отсутствием пословиц, поговорок, выражающих народную мудрость. Во-вторых, узостью тематики. Платон говорит о семье и о крестьянском быте. Он размышляет о Москве, о господах и народе, о суде («Где суд, там и неправда»). Тихон говорит только об охоте на французов. В-третьих, вообще речь Тихона значительно беднее речи Платона Каратаева. Платон может о многом подробно и довольно ярко рассказать. Тихон же даже о небольшом эпизоде борьбы с французом без изображения того, как что произошло, обойтись не может.

— **Как обращается к Тихону Денисов?** — Денисов или допрашивает его («Где пропадал?»; «Зачем же ты этого не привел?»; «Зачем же ты днем полез?»), или ругает и угрожает ему («Скотина»; «Эка бестия!»; «Ты дурака-то не представляй»; «Вот я те всыплю сотню горячих, ты и будешь дурака-то корчить»). Вряд ли полностью прав Н. Н. Арденс, когда утверждает, что Толстой хотел этой манерой обращения Денисова показать «ту дистанцию, которая отделяет партизана-барина от партизана-мужика». В какой-то степени это верно, но вспомним, что ничего подобного в обращении Пьера к Каратаеву нет, хотя социальная дистанция между ними не меньшая, чем между Денисовым и Тихоном. Речь идет о различном отношении Пьера и Денисова, а с ними и через них Толстого — к Платону и Тихону. Ссылаться же на то, что Пьер вообще вежливее с простыми людьми, нельзя. Вспомним его обращение к кучеру: «Дурак», «Скотина! Скорей ступай, болван». А Денисов даже и к дворянину обращался так же, как к Тихону, если был возмущен (его обращение к Телянину — «А! Распротакрой сякой!»). Представим себе на минутку, что Денисов встретился с Платоном Каратаевым. Смог бы он с ним обращаться так же, как с Тихоном? Конечно, реальные Денисовы могли с любым мужиком говорить одинаково хамски, независимо от духовных качеств этого мужика. Но мы говорим о художественных образах Тихона Щербатого и Платона Каратаева, созданных Толстым.

Толстой-художник не показал величия Щербатого, хотя Толстой-философ говорил не только о «глупой простоте», но и о «грозной и величественной силе» «дубины народной войны». Возникающий в Толстом пацифизм и особое, толстовское понимание своеобразия характера русского мужика оказали решающее воздействие на создание характеров. Как проповедник пассивности Платон Каратаев должен был быть чуждым певцу патриотического подвига русского народа *историку* Толстому, так и активный деятель Тихон Щербатый должен был быть ему близким. Но художник Толстой с большим любовным интересом рисует непротивленца-крестьянина Платона Каратаева, чем героя-партизана Тихона Щербатого, признавая тем не менее полезность и даже необходимость таких Тихонов в Отечественной войне.

Можно соглашаться или не соглашаться с художническим видением Толстого, но определить его точно, без натяжек, не выдавая желаемого за действительное, необходимо. Тихон Щербатый как личность настолько малоинтересен Толстому-художнику, что, появляясь в двух главах (Платон Каратаев — в семи), он бесследно исчезает из романа (о Платоне еще долго думает Пьер, и даже в эпилоге, т. е. через семь лет после войны, будет вспоминать о нем).

Большую часть страниц о партизанах Толстой уделяет не Тихону Щербатому, а Пете Ростову.

— **В каком состоянии находился в эти дни Петя Ростов?** — Он «находился в постоянно счастливо-возбужденном состоянии радости на то, что он большой, и в постоянно восторженной поспешности не пропустить какого-нибудь случая настоящего геройства».

— **Почему он остается у Денисова?** — Потому что «ему было бы стыдно уехать от них в трудную минуту». В Пете, как и в Николае, нет стремления найти дело полегче.

— **Куда просит Петя послать его?** — «...Вы меня пустите в самую... в главную...» И это у него не от желания отличиться, выделиться («Мне не нужно наград...»), а от постоянного стремления быть в самом важном, интересном месте. Толстой любит его непосредственностью, искренностью.

— **Как относится Петя к людям?** — Он был «в восторженном детском состоянии нежной любви ко всем людям...» К этому состоянию пришел князь Андрей после долгих жизненных исканий и заблуждений. Пете же это чувство «любви ко всем людям» дано от природы. Он не только людей любит, он любит и мир вещей.

— **Как эта любовь Пети ко всем и всему, что его окружает, отражается на его языке?** — «У меня изюм *чудесный*», у маркиганта «такие прекрасные вещи», кофейник «я... купил *чудесный*», сам маркигант «*честный* очень».

— **Распространяется ли его чувство любви ко всем на французов?** — Да; он жалеет пленного мальчика-барабанщика, причем это чувство в нем сильнее даже желания казаться взрослым. Он хочет спросить о мальчике. «Спросить бы можно,— думал он,— да скажут: сам мальчик и мальчика пожалел... Ну, да все равно»,— и он просит разрешения покормить пленного.

— **Кому это чувство к пленному понятно и кто смеется над ним?** — «Да, жалкий мальчишка,— сказал Денисов, видимо не найдя ничего стыдного в этом напоминании. — ...Позвать его». И солдаты тоже любовно относятся к мальчику. Казаки называют его «Весенним», а мужики и солдаты — «Висеней». «В обеих переделках это напоминание о весне сходилось с представлением о молоденьком мальчике». Долохов же называет этого мальчика «молodчиком» и смеется над жалостью к нему. «Вот молоденькому графчику в шестнадцать лет говорить эти любезности прилично, а тебе-то уж это оставить пора»,— говорит он Денисову, выражая убеждение, что пленных брать не нужно.

— **Кто и когда еще в романе высказывает мнение, что на войне не надо брать в плен?** — Князь Андрей перед Бородином тоже утверждал, что пленных брать не надо: война — не игрушка. И сам Толстой в философских отступлениях высмеивает ведение войны по правилам, а ведь одним из таких правил является гуманное отношение к пленным.

— **Но на чьей стороне Толстой в споре Денисова и Долохова о пленных?** — Конечно, на стороне Денисова, заявившего: «И смело скажу, что на моей совести нет ни одного человека». Всех пленных он отправляет под конвоем в город. Долохов же не только убивает пленных,— он находит «особенное удовольствие говорить об этом предмете». Денисову на войне «неловко»; Петя Ростов тоже чувствует себя «неловко», когда слушает Тихона, только что убившего человека. Долохов же с *удовольствием* говорит об убийствах, и у Тихона рожа расплывается в *сияющую улыбку*, когда он рассказывает, как убил француза. Быть человеком и на войне дано не всякому...

Долохов и в мирное время отличался жестокостью. Изменилась лишь сфера приложения его холодной храбрости. Раньше он пил ром, свесившись с окна; участвовал в рискованных проделках Анатоля, за которые полагалась бы Сибирь; убил, как говорили, в Персии брата шаха... Теперь же великая война открыла ему великие возможности испытывать свою

храбрость и убивать людей. Он, как мы помним, вытолкнут из ростовского мира. Он не изменился. И теперь Пете Ростову ближе Денисов, чем Долохов; ближе Денисов и народу (солдаты любят «Висеню» и с удовольствием рассказывают, как кормят его).

— **Чем же все-таки нравится Долохов Пете?** — Тем же, чем когда-то его тезке — Пьеру: хладнокровием, храбростью. Как Пьер вслед за Долоховым хотел влезть на окно и пить ром, свесив ноги наружу, так и Петя хочет подражать Долохову и потому едет вместе с ним в разведку. Но участие Пети в войне, во всякого рода рискованных предприятиях — это нечто противное его существу. Петя — носитель жизни и любви, а не смерти и ненависти. И в войне-то он видит только то, как проявляются «чудесные» качества людей. Толстой ни разу не показывает страха Пети. Петя — сама жизнь и любовь — даже как будто не знает о возможности смерти на войне. Зато об этом знает Денисов.

— **Как отвечает Денисов на просьбу Пети отпустить его в разведку с Долоховым?** — «...Уж его я ни за что не пушу». Денисов, вероятно, не одного человека отправлял на смерть, а вот Петю не может.

— **Как встречает Денисов Петю, возвратившегося из разведки?** — «Слава богу! — крикнул он. — Ну, слава богу! — повторял он, слушая восторженный рассказ Пети. — И че'гт тебя возьми, из-за тебя не спал!» Денисов интуитивно чувствует, что мир Пети — это, больше чем чей-либо, мир жизни и любви.

— **Что видит во сне Петя? Каков смысл этого сна?** — Только во сне Петя становится совсем самим собой. Когда он спит, он уже не играет в войну. Он сквозь сон видит преображенный мир. Только детям, хочет сказать Толстой, мир видится не таким, каков он есть, а таким, каким он должен быть. В этом мире раскрываются все лучшие, таинственнейшие, прекраснейшие свойства, таящиеся в людях и предметах. «Большое черное пятно, может быть, точно было караулка, а может быть, была пещера, которая вела в самую глубь земли... Может быть, что под фурией сидит просто казак Лихачев, а очень может быть, это — самый добрый, храбрый, самый чудесный, самый превосходный человек на свете, которого никто не знает». Пете слышится музыка. В этой музыке — тот же клич к единению людей, который услышал Петин брат Николай («Да здравствует весь мир!»). Все инструменты поют что-то свое, как у всех людей есть свое сердце, своя музыкальная тема. Но отдельные звуки сливаются в один, общий: «...Каждый инструмент играл свое и, не доиграв еще мотива, *сливался* с другим, начинавшим почти то же, и с третьим, и с четвертым, и все они *сливались в одно* и опять разбегались, и опять сливались, то в торжественное церковное, то в ярко блестящее и победное». Возглас немца «Да здравствует весь мир!», реплика французского солдата: «Мы все люди, надо по-человечески», предсмертные мысли князя Андрея о любви к людям и, наконец, Петина музыка — это вехи на пути развития главной идеи романа — идеи единения людей и любви их друг к другу. И теперь, как всегда в романе, тема единения, счастья и любви вызывает тему неба. Петя «поглядел на небо. И небо было такое же волшебное, как и земля. На небе расчищало, и над вершинами деревьев быстро бежали облака, как будто открывая звезды... Иногда казалось, что небо высоко, высоко поднимается над головой; иногда небо спускалось совсем, так что рукой можно было достать его». Петя чувствует, что небо и земля сливаются. Так должно быть... Небо Аустерлица казалось князю Андрею величественным, но чужим ему, и он завидовал облакам, плывущим по этому небу. Но уже Пьер, открывший истину жизни, чувствует небо своим: «И все это — мое, и все это во мне, и все это я!» В Пете же, как и в Наташе, небо живет. Они хотят достать его рукой. Наташа хочет полететь в небо, и Пете кажется сквозь сон, что он «сидит не на фуре, а на страшно высокой башне, с которой ежели упасть, то лететь бы до земли целый день, целый месяц — все лететь и никогда не долетишь».

— **Что говорит Пете Лихачев, который его будит?** — «Готово, ваше благородие, *надвое хранцуза распластаете*». Лихачев дает Пете саблю, которую натачивал по его просьбе. Реальная жизнь со всей своей жестокостью вторгается в Петины сны. В этом «надвое распластаете» — вся жестокость и раздробленность мира, столь чуждого Петиней музыке.

- **Расскажите о гибели Пети Ростова.** — Петя погибает, так и не успев совершить героического поступка, о котором он мечтал. Вот он скачет к месту боя и... не успевает. «Опять опоздал, мелькнуло в голове Пети». Гибнет он бессмысленно. Долохов приказывает подождать пехоту. «Подождать?.. Ура-а! — закричал Петя и, не медля ни одной минуты, поскакал к тому месту, откуда слышались выстрелы и где гуще был

пороховой дым». Опять перед нами «безумство храбрых» с ударением на первом слове. С Петей погиб его мир любви и счастья. Денисов видит «запачканное кровью и грязью, уже побледневшее лицо Пети». Сцена гибели Пети — новое проклятие войне, ее бессмысленной жестокости.

- **Как Долохов и Денисов воспринимают смерть Пети?** — Долохов два раза сказал: «Готов!», «как будто выговаривание этого слова доставляло ему удовольствие». А Денисов вспомнил слова Пети: «Я привык что-нибудь сладкое», — и «казаки с удивлением оглянулись на звуки, похожие на собачий лай, с которыми Денисов быстро отвернулся, подошел к плетню и схватился за него». Вся атмосфера гибели Пети — трагическая...

— **Кто был в числе освобожденных Денисовым и Долоховым пленных?** — Пьер Безухов.

— **Что узнал, что понял Пьер «всем существом своим, жизнью», находясь в плену?** — Он узнал, «что человек сотворен для счастья, что счастье в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей, и что все несчастье происходит не от недостатка, а от излишка... он узнал, что на свете нет ничего страшного... Он узнал, что... тот человек, который страдал оттого, что в розовой постели его завернулся один листок, точно так же страдал, как страдал он теперь, засыпая на голой, сырой земле, остужая одну сторону и согревая другую...» Вот из этой-то философии выросло толстовство. Счастье человека — в нем самом. Внешние условия его жизни — ничто. Надо «по душе» жить. В статье «К рабочему народу» (1893) Толстой скажет: «...нет ничего вреднее для людей той мысли, что причины бедственности их положения не в них самих, а во внешних условиях». Надо изменить человека, и тогда сами собой изменятся внешние условия его жизни. Теория, враждебная революции. Если каждый будет думать только о своей душе, он станет безразличным к страданиям других людей. В «Палате № 6» у Чехова один из героев — доктор Рагин, проникшись подобной философией, не обращал внимания на безобразия, которые творились у него в больнице. Но он оказался менее стойким, чем Пьер. Стоило ему самому попасть в эту больницу и почувствовать на себе все, что чувствовали всегда больные, как он отказался от этой теории. Чехов ненавидел толстовство...

Толстой верил в то, что нравственное усовершенствование человека — единственный путь к справедливости и правде. Чтобы стать на этот путь, каждый должен, по мнению Толстого, считать себя виноватым.

— **Какую повестушку рассказал Платон Каратаев Пьеру? В чем ее смысл?** — Купец, сосланный на каторгу, невиновен. Не он убил своего товарища, под подушкой которого нашли окровавленный нож. Но, невинно наказанный, он не считал себя обиженным. Он говорил товарищам по каторге: «Я за свои грехи страдаю». Смысл такой: если меня сослали и не за то, в чем меня обвиняют, то все же, наверное, за дело: есть же и у меня грехи. Эта покорность судьбе так действовала на настоящего преступника, случайно оказавшегося среди товарищей этого купца, что тот «объявился по начальству», во всем признался. Если каждый человек будет себя считать виноватым, никто не захочет, чтобы из-за него люди страдали. Толстой нащупывает дорогу к толстовству. Платон Каратаев — первый «толстовец» в галерее толстовских героев. Уже в это время, до перелома, Толстой верил в силу нравственного влияния таких людей, как Каратаев.

— **Пьер понял сущность жизни после сближения с Каратаевым. В чем же он увидел эту сущность жизни?** — В том, чтобы жить не задумываясь, просто существовать, удовлетворяя свои потребности. Человек — частица жизни, а «жизнь есть бог». Каждый человек должен любить других. Чем больше он любит, тем больше отражает в себе бога. К этому же пришел и князь Андрей. И оба они почувствовали, что любить всех — это значит не любить никого.

— **Как действовала на Пьера смерть Каратаева?** — Он отнесся к ней равнодушно, он был занят *своими* ощущениями и воспоминаниями. Князь Андрей не смог жить с таким мироотношением. Он умер. Пьер жив. А потому в его поведении — неизбежные противоречия с каратаевской философией.

— **Как вел себя Пьер, когда партизаны освободили его?** — Он «рыдал, сидя посреди их, и не мог выговорить ни слова; он обнял первого подошедшего к нему солдата и плача целовал его». Если свобода человека в нем самом, если безразлично его внешнее положение, не все ли равно — плен или свобода? Пьеру же оказывается не все равно, раз он плачет слезами радости. Философия столкнулась с живой жизнью и потерпела первый крах.

Да и сам автор далек от каратаевской уравниловки. После описания освобождения Пьера Толстой завершает рассказ об Отечественной войне.

Французы ушли из России. Толстой подводит итог. Он выносит приговор Наполеону.

— **Как он оценивает бегство Наполеона от своей армии?** — Толстой говорит, что этот поступок называется «последней степенью *подлости*, которой учится стыдиться каждый ребенок». Это — язык и манера мышления не Каратаева, а обличителя, борца со злом. Обо всех этих маршалах и герцогах, сытых, довольных, Толстой говорит, что они, те, кто завели в Россию и бросили там французских солдат, — «жалкие и *гадкие* люди, наделавшие много зла». Толстой спорит с историками, которые в каждом поступке Наполеона видят величие.

Он утверждает: «И нет величия там, где нет простоты, добра и правды». Это — слова нашего современника. Мы тоже поняли теперь, что не был великим человек, не знавший «простоты, добра и правды».

Толстой шел не только к тому, что определило реакционные стороны его учения, но и к тому, что составило величие этого учения. Он начинает смотреть на события с точки зрения интересов не одиночек, а масс. Именно с этой точки зрения он осуждает в «Войне и мире» императоров, королей, царей, герцогов, маршалов, генералов...

С этой же точки зрения Толстой рассуждает и о планах окружения и уничтожения Наполеона.

— **Каково его отношение к этим планам?** — Он говорит о них с гневом. «...Войска без сапог и шуб, с неполным провиантом, по месяцам ночуют в снегу при 15 градусах мороза», а те, кто наверху, требуют от этих людей окружать и уничтожать французов, которые убегают из России. Толстой повторяет, что «цель народа была одна: очистить землю от нашествия». Толстой — на стороне народа, против тех, кто им командовал. «Русские, умиравшие наполовину, сделали все, что можно сделать и должно было сделать для достижения достойной народа цели, и не виноваты в том, что другие русские люди, сидевшие в теплых комнатах, предполагали сделать то, что было невозможно». Заканчивая повествование о войне 1812 года, Толстой окончательно определил свою ненависть к одним русским людям и любовь — к другим. У него нет любви ко всем, которую узнал перед смертью князь Андрей, которой проникся под влиянием Каратаева Пьер и которую сам Толстой хочет внушить читателям.

Г. Н. Фейн

Анализ романа Л. Н. Толстого

«Война и мир»

Том IV Часть четвёртая

«Война и мир» — роман о жизни и смерти. О смысле и цели жизни, о бессмысленности и величии смерти. Пьер Безухов понял смысл жизни. И ему открылось небо, открылись «бесконечные дали». Князь Андрей понял смерть. «Смерть — пробуждение от жизни», — думает он в последние минуты своего земного существования, — ибо в жизни невозможна та великая любовь ко всем, которая открылась ему. Нужно было много перестрадать, чтобы прийти к таким итогам.

Толстой стремится проникнуть в душу того, кто умирает, и тех, кому умерший был самым близким существом. Раскрытие сложных процессов душевной жизни человека — одна из особенностей толстовского реализма. Но психологизм не самоцель для Толстого. Это — еще одно средство выражения тех идей, во имя которых создавался роман.

— Почему княжну Марью и Наташу раздражали звуки внешней жизни после смерти князя Андрея? — Потому что «все болезненно раздражало рану, казалось оскорблением и нарушало ту необходимую тишину, в которой они обе старались прислушиваться к незамолкшему еще в их воображении страшному, *строгому хору*, и мешало вглядываться в те таинственные *бесконечные дали*, которые на мгновение открылись перед ними». У постели умирающего князя Андрея они почувствовали, но лишь *на мгновение*, близость к великой правде. Они боятся расплескать это чувство близости к «бесконечным далям», они боятся, что перестанет звучать в их душах «строгий хор». Это те же «дали», которые (тоже на мгновение) открылись Николаю Ростову в первом его бою, это те же дали, которые увидел Пьер, познавший истину, и это тот же хор, что звучал в воображении Пети. Это — особое состояние души, когда человек как бы отрывается от земли и видит больше, чем в повседневной, обыденной жизни. И даже когда это состояние приходит в моменты печали, с ним не хочется расставаться. Не хотят с ним расставаться и княжна Марья и Наташа. В эти моменты Наташа думает только о нем, об Андрее. «Где он и *кто* он теперь?» Ей казалось, что он там, где открываются «бесконечные дали», но она не понимала этих далей. «И вот-вот, ей казалось, она проникает тайну...» В сущности, она пережила то же, что князь Андрей после Аустерлица: «Ничего, ничего нет верного, кроме ничтожества всего того, что мне понятно, и величия *непонятого, но важнейшего*».

— Как относилась Наташа к своим семейным? — «Все свои: отец, мать, Соня, были так ей близки, привычны, так *будничны*, что все их слова, чувства казались ей *оскорблением* того мира, в котором она жила последнее время, и она не только была равнодушна, но даже враждебно смотрела на них». Толстой прослеживает это чувство отчуждения Наташи от обыденного мира и вместе с тем, зная свою Наташу, понимает, что не сможет она надолго уйти от жизни, ибо жизнь живет в ней самой. Та *неземная* правда (Андрей думал об этой правде: «это не человеческая, а божеская любовь»), которая открылась Андрею, лишь на мгновение может захватить *земную* Наташу. И как бы глубоко ни была Наташа захвачена этим мгновением (ибо у Наташи все глубоко, все до предела: и радость, и печаль, и любовь, и ненависть), требования жизни окажутся в ней сильнее.

— Что вывело Наташу из состояния отключенности от жизни? — Смерть Пети, горе матери.

В мировой литературе мало найдется таких описаний горя матери, потерявшей сына, как в «Войне и мире». — Прочитаем главу II. Нам важно проследить, как Толстой показывает не только горе матери, но и силу жизненности, таившейся в Наташе.

— Почему матери стало легче? — «Любовь Наташи, упорная, терпеливая, *не как объяснение, не как утешение, а как призыв к жизни*, всякую секунду как будто со всех сторон обнимала графиню». Разумными доводами нельзя утешить мать, у которой отняли и убили сына. Только нечто интуитивное, таящееся в таких избранных натурах, как Наташа, с силой их любви, с их способностью понять близкого человека, может смягчить бесконечные страдания. Наташа напрягала «все силы своей любви на то, чтобы как-нибудь *снять с нее* (матери. — Г. СР.) на себя излишек давившего ее горя». Эта напряженность любви вернула и Наташу к жизни. «Проснулась любовь, и проснулась жизнь», — пишет Толстой. Это уже не та любовь, какую узнал князь Андрей, — это любовь земная, человеческая, а не божеская.

— Когда-то княжна Марья и Наташа не понравились друг другу. Какие у них теперь отношения? — Между ними установилась «страстная и нежная дружба». Это — примирение двух мироотношений. «...Наташа, прежде с спокойным непониманием отворачивавшаяся... от поэзии христианского самоотвержения, теперь... поняла непонятную ей прежде сторону жизни». И «для княжны Марьи... тоже открылась прежде непонятная сторона жизни, вера в жизнь, в наслаждения жизни». Мир многообразен, многообразно и отношение к нему. Создавая образы княжны Марьи и Наташи, Толстой утверждает прелесть и право на существование христианского самоотвержения и языческой любви к жизни, показывает различные формы перехода одного из этих качеств в другое (самоотверженная любовь язычницы и эгоистки Наташи к матери, раньше — ее забота о раненых, уход за князем Андреем; а у христианки княжны Марьи — мечты о личном счастье, любовь к Николаю Ростову). Но чувствуется тайная мечта Толстого о гармонии, о том, чтобы люди, любя себя, любили других.

— Мы говорили об отношении Толстого к войне. Это — противное человеческой природе состояние.

— **Что же должен делать и что делал, по мнению Толстого, народный избранник Кутузов?** — Он «направлял все свои силы не на то, чтоб убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасать и жалеть их». Перед нами явный исторический парадокс: главнокомандующий армии целой страны ставит перед собой задачу не убивать людей, а спасать их. Толстой не оговаривает — *русских* людей, он говорит — вообще *людей*.

— **Но ведь если цель народа состояла в изгнании неприятеля, как же достигнуть ее, не прибегая к насилию?** — Толстой разъясняет: «Все делалось само собой». Французы сами ушли из России, армия же русская «шла следом за французами, готовая употребить силу в случае остановки движения французов». Значит, если бы французы сами не ушли, Кутузов должен был бы приказать применить силу, т. е. убивать. В этом нераспутанном клубке противоречий отразился тот этап в развитии мировоззрения Толстого, когда он прославлял патриотическую войну с неизбежными во время войны убийствами, но уже чувствовал отращивание к любой войне, к любому убийству.

Блестяще нарисована сцена обращения Кутузова к солдатам и офицерам, преследующим французскую армию.

— **Кого встречает Кутузов перед этим на дороге?** — Французских пленных.

— **Как они выглядели?** — «Большая часть лиц французских солдат были изуродованы отмороженными носами и щеками, и почти у всех были красные, распухшие и гноившиеся глаза».

— **Как вид этих людей подействовал на Кутузова?** — «...Сморщившись, он прищурил глаза и раздумчиво покачал головой»; «Вам трудно, да все же вы дома; а они — видите, до чего они дошли,— сказал он, указывая на пленных.— Хуже нищих последних. Пока они были сильны, мы их не жалели, а теперь и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята?» Здесь — сгусток толстовского отношения к войне 1812 года: беспощадность к врагу, пока он силен, гуманное отношение к поверженному врагу, который из врага превращается просто в несчастного человека.

— **Был ли Толстой верен этой концепции на протяжении всех страниц романа, где описывается Отечественная война?** — Читая роман, мы убедились, что на этот вопрос надо дать отрицательный ответ. Многие сцены романа, переживания некоторых героев (Николая Ростова в островненском сражении, Пьера на Бородине и т. п.) не подводят к концепции, которая выразилась в словах Кутузова. В Толстом-художнике не выработалось целостного, законченного решения одного из сложнейших вопросов, мучивших человечество: как совместить гуманизм со справедливой войной, хотя Толстой и был на пути к решению этого вопроса, о чем, в частности, свидетельствует эта речь Кутузова.

Самому Кутузову, как рисует его Толстой, война была тяжела. Ни в одной сцене Толстой не показал, что Кутузов не жалел врагов, ненавидел их. А вот призыв пожалеть бывших врагов (причем в то время, когда война еще не закончена, города и села лежат в пепелищах) Толстой считает очень важным для Кутузова: «...заговорил простой, старый человек, очевидно что-то *самое* нужное желавший сообщить теперь своим товарищам». Закончив речь, «он *галопом*, в первый раз во всю кампанию, поехал прочь от... солдат». В этом галопе — отражение душевной разрядки Кутузова. Призывать к жалости для него естественнее, чем призывать к убийству.

— **Как восприняли солдаты речь Кутузова?** — «...Сердечный смысл этой речи не только был понят, но то самое чувство величественного торжества в соединении с жалостью к врагам и сознанием своей правоты... это самое чувство лежало в душе каждого солдата...» Жалостливость к врагу Толстой считал отличительной чертой русского народа. Как мы видели, жестокость Тихона Щербатого не вызывала у него симпатии, а любовь Платона Каратаева ко всем людям подается Толстым подчеркнута как свойство народное.

— **Как приняли русские солдаты замерзших Рамбаля и Мореля?** — Рамбаль стонет от голода, от слабости. Один из солдат издевается над ним. «Что? Не будешь?» — насмешливо

подмигнув, сказал один солдат, обращаясь к Рамбалю.— «Э, дурак, что врешь нескладно! Тот мужик, право мужик,— слышались с разных сторон упреки пошутившему солдату. Рамбаль окружили, подняли двое на руки, перехватившись ими, и понесли в избу». Как видим, лишь один солдат решил поиздеваться над поверженным врагом. Остальные не только не поддержали его, но помогли измученному человеку, в котором они уже, как и Кутузов, не видели врага.

— **Что говорит старый солдат о французах?** — «Тоже люди...» Толстой все время показывает, описывая отступление французов от Москвы к Березине, что положение русских солдат было не лучшим, чем положение французов: они так же мерзли, голодали, утомлялись от переходов, отставали, умирали. «...Положение и бегущих и преследующих было одинаково дурно».

— **Отразилось ли это на отношении русских солдат к пленным французам?** — В душе русских солдат, как и в душе Кутузова, нет чувства ненависти, стремления к мести тем, кто был виновником их страданий. Воспевая красоту гуманизма русских солдат, Толстой обрамляет сцену дружелюбного обращения русских солдат с Рамбалем и Морелем описанием звездного неба. «Звезды, как будто зная, что теперь никто не увидит их, разыгрались в черном небе. То вспыхивая, то потухая, то вздрагивая, они хлопотливо о чем-то радостном, но таинственном перешептывались между собою».

Кутузов и солдаты едины в своем отношении к врагам, к людям.

— **А как относились к Кутузову в верхах, при дворе?** — «...Недовольство им, презрение к нему и подтрунивание над ним выражались сильнее и сильнее». Два начала — народное и ненародное — определили свою враждебность друг к другу через отношение к Кутузову. Царю нужно сдерживать себя, чтобы не выразить неприязни к Кутузову. Вот встреча царя с Кутузовым. «Государь быстрым взглядом окинул Кутузова с головы до ног, на мгновение нахмурился, но тотчас же, *преодолев себя*, подошел и, расставив руки, обнял старого генерала». Толстому абсолютно ясно, что Кутузов выполнил великое дело, возложенное на него народом. Ему так же ясно, что никто, кроме Кутузова, не смог бы выполнить этой миссии. И тот, кто смеется над Кутузовым, презирает его,— тот, по мысли Толстого, смеется над народом, презирает народ.

— **Что сказал Александр, когда Кутузов с почестями встретил его у себя во дворце в Вильне?** — «...Государь неприятно поморщился и проговорил слова, в которых некоторые слышали: «старый комедиант».

Читая первый том и некоторые эпизоды в третьем томе, мы пришли к выводу об отрицательном отношении Толстого к Александру. Но чтобы прийти к этому выводу, нам нужно было разобраться в целой системе образных средств. Теперь же все на поверхности. Толстой говорил: «Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии». Лакеями Толстой называет тех, кто не видел величия Кутузова. Этого величия не видел и Александр I. Царь — лакей.

— **Когда умер Кутузов?** — Кутузов умер, когда кончилась Отечественная война. «Представителю русского народа, после того как враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена на высшую ступень своей славы, русскому человеку, как русскому, делать больше было нечего».

— **Но ведь война продолжалась. Какой она приняла характер?** — «Война 1812 года, кроме своего дорогого русскому сердцу народного значения, должна была иметь другое — европейское».

— **Кто же должен был возглавить движение русской армии на запад?** — «Александр I, для движения народов с востока на запад и для восстановления границ народов, был так же необходим, как необходим был Кутузов для спасения и славы России». Но сказать, что русскому человеку делать было нечего, когда война получила европейское значение, и вместе с тем заявить, что Александр I был необходим для движения народов с востока на запад, значило отказать Александру I в имени русского человека. Поставлены все точки над i.

Не решена еще одна проблема. Мы не раз говорили о «необъятных, бесконечных далях», о небе, которое открывалось героям. Герои романа чувствовали что-то важное, что-то великое,

когда перед ними открывались эти дали. Но, чувствуя это великое, они не всегда понимали его и не знали, где же искать его.

— **Кто понял смысл и значение этих «бесконечных далей» бытия?** — Пьер.

— **В чем он заблуждался до плена и что открылось перед ним теперь?** — Раньше «он вооружался умственной зрительной трубой и смотрел в даль, туда, где... мелкое житейское, скрываясь в туманной дали, казалось ему великим и бесконечным, оттого только, что оно было неясно видимо. Таким ему представлялась европейская жизнь, политика, масонство, философия, филантропия... Теперь же он выучился видеть великое, вечное и бесконечное во всем...» Научись видеть великое во всех мелочах, окружающих твою жизнь, и ты будешь счастлив. «Бесконечные дали» будут бесконечно близки тебе. — Что же надо делать, по мысли Толстого, чтобы понять величие в обыденном, далекое — в близком? — Нужно отказаться от поисков цели жизни.

— **Чем же заменить эту цель?** — Верой. Пьер счастлив: он нашел веру. «Прежде разрушавший все его умственные постройки, страшный вопрос: зачем? теперь для него не существовал. Теперь на этот вопрос — зачем? в душе его всегда готов был простой ответ: затем, что есть бог, тот бог, без воли которого не спадет волос с головы человека». Это — предельное выражение каратаевского квиетизма. К этому упорно вел Толстой своего героя. Кутузов, Каратаев, а теперь Пьер проникнуты этим сознанием своей бесконечной зависимости от судьбы, от провидения, от бога. Все мучения Пьера, князя Андрея — от разума. Счастье — в вере, в отказе от разума. Жизнь ставит множество вопросов. Пьер и князь Андрей силой своего интеллекта пытались решить эти вопросы — и были несчастны. Лишь когда они убедились в бессилии разума и отдались вере, они нашли свое счастье. Человек верящий, а не размышляющий обретает те критерии, которых никогда не может выработать разум.

— **Как изменился Пьер после плена?** — «...Улыбка радости жизни постоянно играла около его рта, и в глазах его светилось участие к людям, — вопрос: довольны ли они так же, как и он? И людям приятно было в его присутствии».

— **Почему он теперь правильно решал все вопросы жизни?** — «В нем теперь явился судья, по каким-то неизвестным ему самому законам решавший, что было нужно и чего не нужно делать».

Иррациональное, интуитивное, почти мистическое «что-то» оказывается надежнее разума. Недоверие Толстого к разуму, воспевание им интуиции было не только выражением каких-то личных особенностей его мышления. Толстой шел к разрыву со своим классом, — в 80-е годы он перейдет на позиции патриархального крестьянства. Противоречиями в отношении к русской действительности, свойственными этому крестьянству, все в большей и большей степени уже в 60-е годы наполняются произведения Толстого. В 60-е годы Толстой еще окончательно не перешел на позиции патриархального крестьянства, но чем ближе он был к 80-м годам, тем более проникался психологией и мировоззрением этой части крестьян. Не случайно образ Каратаева появился в романе на последнем этапе работы над «Войной и миром». Толстой в романе страстно критикует военщину (вспомним гневные речи князя Андрея перед Бородином), государственный аппарат России (деятельность Аракчеева, Сперанского), духовенство (мысли Пьера о лживости церкви), эксплуатацию крестьян (положение крестьян у Пьера). Но разумных средств преобразования жизни он не видит — и приходит к выводу о бессилии разума, о могуществе веры. Вот в этой любви ко всем, к которой пришли князь Андрей и Пьер на последнем этапе своего развития, отразилось как раз «желание уйти от мира», потому что, живя в мире, приходится не только любить, но и ненавидеть, не только примиряться с судьбой, с закономерностью, необходимостью, но и бороться за торжество правды и справедливости.

Из романа окончательно ушли люди, олицетворяющие зло мира. Курагины, Берги, Друбецкие уже не появляются рядом с Пьером, Ростовыми, княжной Марьей. Исчезновение со страниц романа этих людей художественно неизбежно. Трудно было бы Пьеру любить всех людей, если бы он встречался с Курагиными или Друбецкими.

— **Как он теперь любит людей?** — «...Он не дожидался, как прежде, личных причин, которые он называл достоинствами людей, для того, чтобы их любить, а любовь переполняла его сердце, и он, *беспричинно* любя людей, находил несомненные причины, за которые стоило любить людей». Человек достоин любви просто потому, что он человек.

— **Что же думает теперь Пьер о князе Василии и его дочери, которые сделали ему столько зла?** — «Князь Василий... представлялся ему трогательным, добрым и жалким стариком». О своих отношениях с Элен он говорит Наташе: «Когда два человека ссорятся — всегда оба виноваты... Мне очень, очень жаль ее».

— **А что думает Пьер о полицмейстере?** — «...Какой славный, красивый офицер и как добр!.. А говорят, что он не честен и пользуется. Какой вздор! А впрочем, отчего же ему не пользоваться? Он так и воспитан. И все так делают. А какое приятное, доброе лицо, и улыбается, глядя на меня». Вырабатывается одна из основ толстовства: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

— **Какими эпитетами награждает Пьер людей, которых он так теперь полюбил?** — Савельич, слуга — «какой он *добрый*, какой внимательный»; полицмейстер — «славный, красивый офицер и как *добр*»; князь Василий — «трогательный, *добрый* и жалкий»; княжна и слуги, собиравшие его в дорогу, — «как они *добры* все». Какая бедность, какое однообразие характеристик! Как же эти характеристики расходятся с теми фактами, которые мы знаем о князе Василии и о полицмейстере!.. Поставить рядом князя Василия и верного Савельича — значит еще раз подтвердить, что любить всех — это, в сущности, никого не любить. У читателя неизбежно возникает недоверие как раз к тому, убедить в чем так хочет его Толстой: к вере, к силе интуиции и непосредственного чувства. И если такой великий художник, как Толстой, оказывается не в состоянии убедить читателя, значит, не всеми силами своей художественной натуры он сам верит в это.

Совершенно иначе рисует Толстой Наташу и «особенную» любовь к ней Пьера. — Проследим, как меняется Наташа на глазах у Пьера. — Сначала он видит, что в комнате княжны Марьи сидит кто-то «в черном платье». Потом замечает «внимательно-ласковый, любопытный взгляд», который устремила на него эта девушка. Он сам внимательнее всматривается в «бледное, тонкое, с черными глазами и странным ртом» лицо. И, наконец, это лицо, которое он узнал, лицо Наташи, «с трудом, с усилием, как отворяется заржавевшая дверь, — улыбнулось, и из этой растворенной двери вдруг пахнуло и обдало Пьера тем давно забытым счастьем, о котором, в особенности теперь, он не думал». Если читатель не ощущал любви Пьера ко всем, и не ощущал потому, что у Толстого не хватило убедительных художественных средств для передачи этой любви, то теперь, когда у Пьера возникает *особенная* любовь, когда его охватывает «давно забытое счастье», читатель верит Пьеру и вместе с ним живет этой любовью и этим счастьем. Не «беспричинную» любовь к человеку вообще, а любовь именно к данному человеку и именно за определенные его достоинства рисует Толстой в сценах любви Пьера к Наташе.

— **Что же поражает Пьера больше всего в теперешней Наташе, в ее облике?** — «...Ее нельзя было узнать, потому что на этом лице, в глазах которого прежде всегда светилась затаенная улыбка радости жизни», теперь «не было и тени улыбки; были одни глаза, внимательные, добрые и печально-вопросительные». Эта печаль не только из-за личных утрат: на лице Наташи отразились все печали людей, столько переживших за последний год. Наташа не только свое горе понимает — она умеет проникнуться страданиями другого человека, понять их.

— **Как она слушала рассказ Пьера о его приключениях?** — «Наташа, облокотившись на руку, с постоянно изменяющимся, вместе с рассказом, выражением лица, следила, ни на минуту не отрываясь, за Пьером, видимо *переживая с ним вместе* то, что он рассказывал»; «...она не упускала ни слова, ни колебания голоса, ни взгляда, ни вздрагиванья мускула лица, ни жеста Пьера. Она на лету ловила еще невысказанное слово и прямо вносила в свое *раскрытое сердце*, угадывая тайный смысл всей душевной работы Пьера». Так может слушать только человек, сердце которого раскрыто для других людей, человек, в котором бьется живая жизнь.

— **Каков характер глав, завершающих четвертый том?** — В этих главах господствует лиризм. Многие предложения строятся ритмически, как стихотворение в прозе: «Это строгое, худое и бледное, постаревшее лицо...»; «...были одни глаза, внимательные, добрые и печально-вопросительные»; «Она на лету ловила еще невысказанное слово и прямо вносила в свое раскрытое сердце». Мы говорили о симфоничности построения «Войны и мира». И теперь, в финале, после эпических и трагических глав, звучит лирическая песня любви. Из этой темы любви двух человек друг к другу вырастает тема любви к жизни. Много сделали люди,

чтобы прекратилась жизнь, и главное преступление против жизни — война. Но война кончилась, уходят в прошлое страдания, которые она принесла. Раны зарубцовываются. В конце романа Толстой утверждает право людей на любовь, на счастье, на жизнь.

— **Как меняется Наташа под влиянием любви к Пьеру?** — Она уже смотрит на него «блестящими, *оживленными* глазами». Оживленными, потому что в них проснулась любовь к жизни. У нее появляется и шаловливая улыбка. «...Сила жизни, надежды на счастье всплыли наружу и требовали удовлетворения...»; ей было «радостно и весело». Как в исканиях Пьера и Андрея отразилось богатство человеческого разума, жажда человека к познанию смысла жизни, так в развитии Наташи отразилось все богатство настоящего человеческого сердца, с его способностью к бесконечной тоске и бесконечному счастью.— Вспомним, какая мысль была Толстому наиболее дорога в романе.— «Мысль народная». Эта мысль выразилась и в образе Наташи. Страдания и радости Наташи синхронно повторяют страдания и радости народа. Народ расстается со своим имуществом, ибо какое-то чувство было в нем сильнее привязанности к вещам,— Наташа требует, чтобы раненым отдали подводы, и в голосе ее гнев против тех, для кого вещи важнее людей. Народ переживает трагедии утрат,— Наташа, как и тысячи русских женщин, ухаживает за раненым на поле сражения любимым человеком. Смерть близких, разрушение городов и сел принесли тоску России,— Наташа после смерти князя Андрея уходит в свою печаль, и ей кажется, что после всего выстраданного не может быть жизни. Но вечен народ, вечна жизнь. Не случайно Толстой изображает возвращение Наташи к жизни сразу после маленькой главки, где рисует возрождение из пепла Москвы. В Москве «все» было разрушено, кроме чего-то невещественного, но могущественного и неразрушимого. Это могущественное и неразрушимое — сила народной жизни. Казалось бы, все разрушено и в душе Наташи, но осталось нечто «неразрушимое» — «сила жизни... надежда на счастье».

Вечен народ, вечна любовь, вечна жизнь.

Радость, пламя неземное,

Райский дух, слетевший к нам,

Опьяненные тобою,

Мы вошли в твой светлый храм.

Ты сближаешь без усилий

Всех разрозненных враждой,

Там, где ты раскинешь крылья,

Люди — братья меж собой...

Обнимитесь, миллионы!

Слейтесь в радости одной!

Шиллер. «К радости»

Г. Н. Фейн

Анализ романа Л. Н. Толстого

«Война и мир»

Эпилог

Мы прочитали роман «Война и мир». Что хотел сказать нам великий художник и что он сказал, стало нам понятно; мысли его, его взгляды на жизнь, на людей, даже если мы и не можем принять некоторые из этих взглядов, стали нам ясны. Толстой многое видел дальше, чем большинство людей его поколения, понимал и чувствовал во многом так, как мы теперь. Мы увидели, что, если даже отношение Толстого к конкретным событиям и историческим деятелям не всегда совпадает с нашим, есть нечто нетленное в «Войне и мире», что вошло

составной частью в наше мирозерцание: это — вера в вечность народа, в вечность жизни, ненависть к войнам, убеждение в необходимости упорных поисков истины, отвращение к культу личности, прославление чистой любви, презрение к индивидуализму и, как основа романа,— призыв к единению людей. Эти добрые мысли и чувства Толстой пробудил в нас благодаря потрясающей силе своей художественной логики, мастерству эстетической организации волшебного воссозданной действительности.

Казалось бы, художественный круг к концу четвертого тома замкнут. Проблемы решены, все, что Толстой хотел выразить, выражено. Но — появляется эпилог.

— **Как вы думаете, зачем Толстому понадобилось написать эпилог?** — Для того чтобы рассказать, что произошло с героями после войны.— Но ведь нам и после эпилога остается неизвестным, что произойдет с героями после 1825 года. Да и разве великие художники считают обязательным рассказывать «до конца» о жизни героев? Нет, дело все же в другом...

Когда мы изучали историю создания «Войны и мира», мы говорили, что Толстой хотел создать роман о декабристе. Одно из первых названий романа было — «Три поры». Три поры — это 1812, 1825 и 1856 годы. Но рассказ о первой поре вылился в грандиозную эпопею жизни людей в страшное и великое время 1805—1812 годов.

Однако мысль о романе, где главным героем был бы декабрист, не покидала художника. Эпилог — мостик между существующим романом и неосуществленным замыслом. Герои его — те же, проблемы — новые.

Как и все части третьего-четвертого томов, эпилог начинается с философского вступления.

— **Каковы основные мысли философского вступления к эпилогу?** — Одну излюбленную свою мысль, высказанную в романе, Толстой формулирует во вступлении к эпилогу предельно четко — мысль о бессилии разума изменить действительность: «Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом,— то уничтожится возможность жизни».

Вновь повторяет Толстой мысль о невозможности познать законы исторического развития. Дается оценка деятельности Наполеона и Александра.

Но если философские отступления в предыдущих частях были тесно связаны с художественным воссозданием действительности в этих частях, то связь философского вступления с художественными сценами эпилога прослеживается с большим трудом. Поэтому мы будем подробно говорить лишь о первой части эпилога, и только с главки V, где Толстой продолжает повествование о судьбах героев.

- **Что же случилось с Ростовыми?** — Старик Ростов умер с чувством вины за разорение детей. Николай Ростов вернулся из армии, чтобы как-то сохранить часть состояния. Но ему это не удавалось долго, до тех пор, пока он не женился на княжне Марье.
- **Легко ли ему было решиться на этот брак?** — Нет, не легко. Он не хотел, чтобы княжна Марья видела в искании ее руки расчет.

— **Любил ли он еще Соню?** — Нет, не любил, хотя видел ее достоинства: «В ней было все, за что ценят людей, но было мало того, что бы заставило его любить ее. И он чувствовал, что чем больше он ценит, тем меньше любит ее». К княжне Марье он чувствовал и жалость, и нежность, и любовь. Они женятся. Завершается путь развития Николая Ростова.

- **Вспомним, как представлял себе Николай семейное счастье (в третьем томе).**— «Славная жена, дети, добрая стая гончих, лихие десять-двенадцать свор борзых, хозяйство, соседи, служба по выборам». Законченная картина дворянско-мещанского благополучия.

— **Каким же он стал хозяином? Что он считал в хозяйстве главным?** — «В имени... главным предметом был не азот и не кислород, находящиеся в почве и воздухе, не особенный плуг и назем, а то главное орудие, чрез посредство которого действует и азот, и кислород, и назем, и плуг,— т. е. работник-мужик».

Когда Толстой писал о войне, он говорил, что не количество орудий, не место, на котором стоят войска, и т. д. решают участь сражений, а та неуловимая сила, которая называется

духом войска, духом народа. Солдат — главное в сражении. Мужик — главное в хозяйстве. Ростов это понял. Но понял как эксплуататор.

— **Как он относился к крестьянскому хозяйству?** — «...Он совершенно одинаково следил за своими и мужицкими полями».

— **Казалось бы — забота о народе, но в конечном счете в этом только расчет. Вспомним галерею гоголевских помещиков в «Мертвых душах». Кого из них до некоторой степени напоминает Ростов в своих заботах о мужицком хозяйстве?** — Собакевича. Тот тоже заботился о крестьянах ради собственной выгоды. Собакевич отличался от Манилова, как умный эксплуататор от глупого. Гоголь называет Собакевича кулаком. «Все это поэзия и бабьи сказки,— все это благо ближнего»,— говорит Николай Ростов. Он тоже кулак по своей натуре. У него одна цель — сделать благоустроенным свое имение. «А для этого нужен порядок, нужна строгость... Вот что! — говорил он, сжимая свой сангвинический кулак». Толстой еще не пришел к позднейшей своей мысли о том, что каждый должен работать на себя и лишь с тем, чтобы обеспечить свое существование, а не обогащаться. Он еще на позициях дворянских. Поэтому он любит дворянский быт, охотой, помещичьими заботами о полях, всеми мелкими радостями поместной жизни. Явно сочувствует он и взглядам Ростова на мужика.

— **В чем все-таки Толстой не сочувствует Николаю Ростову?** — Ростов допускает некоторые крайности. Он нередко пускает в ход кулаки. Правда, Толстой и здесь находит оправдание для своего героя. Ростов бьет старосту, «обвиненного в разных мошенничествах и неисправностях».

— **Как действует на графиню Марью этот поступок Николая?** — Она плачет.

— **Но сочувствует ли она мужику?** — «Николай, я видела... он виноват, но ты, зачем ты?» Душевное состояние мужа волнует ее, а не сам факт рукоприкладства. Графиня Марья и раньше была, по существу, безразлична к положению крестьян, она и не знала о них ничего. Вспомним первую встречу Николая Ростова с княжной Марьей в Богучарове: тогда она не проявила большого интереса к тому, каким образом Николай усмирив «бунт» ее мужиков. Ее христианское стремление служить ближним ограничивалось служением *близким*: отцу, брату, племяннику, теперь — мужу и детям. Она пришла к своему идеалу: она служит другим. Но эти другие — только ее муж и дети. Идеал оказался убогим. Не случайно она стала женой Николая Ростова. Не случайно Николай Ростов «с женой... сходил все ближе и ближе». Николай Ростов, чья душевность и доброта проявлялись лишь в отношениях с близкими, и княжна Марья, желавшая понять, к чему она призвана богом, и нашедшая, что он призвал ее к служению семье,— дополняют друг друга.

- **Одобрят ли графиня Марья отказ мужа вступить в тайное общество?** — Одобрят, ибо «у нас есть другие обязанности, ближе, которые сам бог указал нам, и мы можем рисковать собой, но не детьми». Она соглашается с Пьером, что надо помогать ближним, но не согласна жертвовать благополучием семьи. Таким образом, ближними, служить которым завещал, как она думала, Христос, оказываются только ее дети.
- **Как строятся отношения Николая и графини Марьи?** — Николай расширяет и укрупняет состояние семьи, делая тем самым жизнь графини Марьи счастливой.. Графиня Марья вносит в семью свою доброту и нежность,, в сущности, не мешая мужу делать что угодно в его, мужском мире. Толстой именно так и мыслит в это время семейные отношения. Только при таких взаимоотношениях мужа и жены возможно, по его мнению, семейное счастье. Эпилог романа — это картины семейного счастья, нарисованные художником, уверенным в возможности и необходимости крепкой семьи.

— **Как Николай Ростов говорит жене о своей любви к ней?** — «Не по хорошу мил, а по милу хорош. Это только Мальвина и других любят за то, что они красивы; а жену разве я люблю? Я не люблю, а так, не знаю, как тебе сказать... Ну что, я люблю палец свой? Я не люблю, а попробуй, отрежь его...»

В самом романе, до эпилога, Толстой показывал или несчастные браки (князь Андрей и Лиза), или браки фальшивые, по расчету (Друбецкой — Жюли Карагина), или же пародийный брак (Берг и Вера). В эпилоге — два счастливых брака.

— **Как зовут детей Николая и Марьи?** — Андрюша и Наташа. Это — в честь князя Андрея и Наташи Ростовой. «Маленькая черноглазая» Наташа напоминает свою тетку в детстве. Недаром Николай Ростов мечтает, что когда-нибудь, «как, бывало, покойник отец танцевывал с дочерью Данилу Купора, пройдет с нею мазурку».

Сразу после описания маленькой Наташи Толстой переходит к рассказу о жизни Наташи Ростовской — жены и матери.

— **Что же с ней стало и, главное, какой она стала?** — Она — жена Пьера, мать четверых детей. «Она пополнила и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу... Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не видно было. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка». Вот к чему привел Толстой свою Наташу.

Самый важный вопрос — это вопрос о логике образа.

— **Является ли предыдущее развитие Наташи логическим обоснованием такого итога?** — Толстой понимает, что такой вопрос может возникнуть, и дает две точки зрения. «Все, знавшие Наташу до замужества, удивлялись происшедшей в ней перемене, как чему-то *необыкновенному*». В жизни такие необыкновенные перемены возможны. В искусстве они должны быть художественно мотивированы. Как для всех, знавших Наташу, перемена, происшедшая с ней, кажется необыкновенной, так необыкновенна, необъяснима она и для читателя... Но, оказывается, была и другая точка зрения: одна только мать «удивлялась удивлению людей, не понимавших Наташи». Толстой становится на точку зрения старой графини. Все лучшее, что было в Наташе, было направлено к одному — к желанию иметь мужа, детей, семью. Наташа всегда была оживленна, весела, когда была любима и любила, — она всегда была подавлена, даже зла, когда у нее отнимали человека, которого она любила. Теперь у нее муж. И она «бросила сразу все свои очарования». Цель любви, рассуждает Толстой, — супружество. Цель супружества — семья. Пока Наташа была девушкой, она мечтала о муже, который соответствовал бы ее человеческому, женскому идеалу. Получив же именно такого мужа, она меняется. И это действительно резкое изменение внутренне оправдано. Наташа никогда не интересовалась чем-либо, находящимся вне сферы чувств. Мы ни разу не видели ее с книгой, ни разу не слышали, чтобы она что-то говорила об общественной жизни. Став женой, матерью, она, как и раньше, не проявляет никакого интереса к общественным вопросам, в том числе и к вопросу о женском равноправии. «...Эти вопросы не только не интересовали Наташу, но она решительно не понимала их». — Каковы ее отношения с мужем? — «Наташа у себя в доме ставила себя на ногу рабы мужа». Можно возмущаться этим, но нельзя забывать, во-первых, что муж Наташи — Пьер, который никак не может выступать в роли «господина» жены, а во-вторых, что взамен своего «рабства» Наташа потребовала «рабства» мужа. «С самых первых дней их супружества Наташа заявила свои требования... Пьер удивился требованиям своей жены, но... *подчинился* им». Такова идеальная толстовская семья с *взаимным* полным подчинением супругов друг другу, но с отчетливым разграничением «сфер влияния». Вне дома Пьер имел право делать только то, на что давала согласие Наташа; дома — Наташа подчинялась малейшему желанию Пьера.

Семья выглядит несколько идиллически. Толстой воспекает эту идиллию и реальность ее объясняет силой интуитивного понимания близкого человека, в высочайшей степени свойственной Наташе и раньше. Взаимопонимание Пьера и Наташи происходило не благодаря единству мыслей, обмену мыслями, а другим, «таинственным путем». Этот «таинственный» путь был всегда свойствен Наташе, не понимавшей возможности и необходимости логического выражения чувств, столь понятных при сообщении их другим, интуитивным путем.

Но Толстому важно не только художественно убедительно раскрыть логику образа, но и убедить читателя, что Наташа эпилога — это идеал жены, идеал женщины. Каждый читатель решает сам, является ли такой тип женщины идеалом, но ясно одно: Наташа потеряла больше, чем приобрела. Прелесть Наташи-девушки была ясна всем, прелесть Наташи-женщины — только мужу. — Как Денисов смотрел на теперешнюю Наташу? — Он «с

удивлением и грустью, как на непохожий портрет когда-то любимого человека, смотрел на Наташу. Унылый, скучающий взгляд, ответы невпопад и разговоры о детской было все, что он видел и слышал от прежней волшебницы». Действительно, что-то унылое, приземленное появилось в Наташе-женщине. Уже нет того стремления к полету, что было в лунную ночь в Отрадном.

В сцене радостной встречи Пьера с Наташей, в том, как он «тетешкал» ребенка, как Наташа кормила младенца,— во всем этом много автобиографического. Шестидесятые годы — годы семейного счастья Толстого, годы, когда складывались его воззрения на семью. Эти настроения и взгляды и отразились в эпилоге.

Но, конечно, не тема семьи — главная в эпилоге, а тема декабризма.

— **Что говорит Пьер о политическом положении в России?** — «В судах воровство, в армии одна палка: шагистика, поселения,— мучат народ; просвещение душат. Что молодо, честно, "то губят!»

— **Что поражает в этих словах Пьера, если мы вспомним, чем завершилось его развитие в четвертом томе?** — Поражает экспрессивное выражение протеста. Из этих слов, из того, как они сказаны, сразу становится ясным, что Пьер отошел от каратаевщины.

— **Что предлагает Пьер?** — «...Обязанность всех честных людей противодействовать по мере сил». Противодействие и каратаевское непротивленство взаимно исключаются. Пьер с пути каратаевского переходит на путь борьбы. Он сознает, что путь этот — нелегальный, опасный (начав говорить, Пьер оглядывается вокруг себя).

— **Пьер — член тайного общества. Насколько революционным было это общество?** — Пьер утверждает: это общество «не только не враждебное правительству, но это общество настоящих консерваторов». Пьер, следовательно, стал членом правого крыла какого-то тайного общества, с одинаковой неприязнью относившегося и к революционному народу, и к реакционному правительству: «Мы только для того, чтобы Пугачев не пришел зарезать и моих и твоих детей и чтоб Аракчеев не послал меня в военное поселение,— мы только для этого беремся руку с рукой, с одною целью общего блага и общей безопасности».

— **Как относится каждый из присутствующих к этим речам Пьера?** — Денисов критикует Пьера, так сказать, слева: «Все скве́г'но и ме́г'зко, я согласен, только Тугендбунд я не понимаю, а не нг'авится — так *бунт*, вот это так! Еще в войну 1805—1807 годов возникла у Денисова ненависть к правительству. После войны 1812 года, когда выдвинулись шварцы и аракчеевы, Денисов оказался в опале. В Денисове намечается образ декабриста, более, чем Пьер, революционного толка.

С критикой Пьера «справа» выступает Николай Ростов: «...Ты лучший друг мой, ты это знаешь, но составь вы тайное общество, начни вы противодействовать правительству, *какое бы оно ни было*, я знаю, что мой долг повиноваться ему. И вели мне сейчас Аракчеев идти на вас с эскадроном и рубить — ни на секунду не задумаюсь и пойду». Однажды Николай уже, в сущности, предал своего друга Денисова, потому что не хотел задумываться. Уже тогда он заявил: «Наше дело *исполнять свой долг, рубиться и не думать*, вот и все». И теперь он, клянясь, что Пьер — лучший друг его, готов рубить его и его единомышленников, потому что не желает думать. (Речи Николая невольно вызывают в памяти разглагольствования Ноздрева: «Позволь мне сказать тебе *по дружбе!* Если бы я был твоим начальником, я бы тебя *повесил* на первом дереве...»)

Толстой уже намечает расслоение дворянства, которое и приведет к столкновению на Сенатской площади.

— **Сознает ли Пьер, что он отошел от каратаевского мировосприятия?** — Да, сознает. На вопрос жены, одобрил бы Каратаев его теперешнюю жизнь или нет, Пьер отвечает: «Нет, не одобрил бы».

— **А вот одобряет ли Толстой новое увлечение Пьера?** — С одной стороны, мы чувствуем в некоторых строчках ироническое отношение Толстого к деятельности Пьера. Пьер что-то

говорит Наташе, она перебивает его, затем просит, чтобы он продолжал. «Пьер сказал то, что он начал. Это было продолжение его *самодовольных* рассуждений об его успехе в Петербурге. Ему казалось в эту минуту, что он был призван дать новое направление всему русскому обществу и всему миру». На протяжении всего романа Толстой доказывал, что человек должен жить личными интересами, не заботясь о ходе истории, изменить который он не в состоянии, отсюда — ироническое отношение к стремлению Пьера «дать новое направление всему русскому обществу и всему миру».

Но вместе с тем в эпилоге есть образ героя, с явным сочувствием нарисованный Толстым, — героя, который восхищается Пьером.

— **Кто этот герой?** — Это Николенька — сын Андрея Болконского.

— **Кем хотел стать Николенька Болконский?** — «Он не хотел быть ни гусаром, ни Георгиевским кавалером, как дядя Николай, он хотел быть ученым, умным и добрым, как Пьер».

— **Почему для Николеньки Пьер был «святыней»?** — «Прошедшая жизнь Пьера, его несчастья до 12-го года, его приключения в Москве, плен, Платон Каратаев, его любовь к Наташе... и главное, его дружба к отцу... — все это делало из Пьера для него героя и святыню».

— **Какой вопрос задал Николенька Пьеру после его спора с Ростовым и как Пьер ответил на этот вопрос?** — «Ежели бы папа был жив... он бы согласен был с вами?» Пьер ответил: «Я думаю, что да». Пьер верит, что князь Андрей стал бы участвовать в борьбе против правительства. И у нас есть основания согласиться с ним (вспомним несомненно революционные речи князя Андрея перед Бородинским сражением). Однако князь Андрей пришел в конце жизни к выводу о примирении с действительностью, к мыслям о любви к врагам своим. И сам Пьер так думал прежде о последних днях князя Андрея: «Неужели он умер в том *зломном* настроении, в котором он был тогда? Неужели не открылось ему перед смертью объяснение жизни?» Ненависть к правительству, которую теперь, в 1820 году, чувствует Пьер, в 1812 году тот же Пьер считал выражением *зломного* настроения и мечтал, чтобы князю Андрею открылось «объяснение жизни». Но теперь, в 1820 году, Пьер уже хотел бы, чтобы князь Андрей был охвачен тем же «зломным настроением», что и он, той же ненавистью к общественным отношениям в России, той же готовностью к борьбе.

Толстой понимал историческую неизбежность прихода таких людей, как Пьер и Андрей, к декабризму. И он верил в чистоту их помыслов, он видел величие героизма декабристов.

Конец эпилога — сон Николеньки, воспевание героического самоотвержения, героического подвига.

— **Какую клятву дает Николенька Болконский?** — «...Отец! Отец! Да, я сделаю то, чем бы даже *он* был доволен...» Это — клятва верности идеалам борьбы, самоотвержения. И то, что клятву произносит ребенок, доказывает сочувствие Толстого этим идеалам. Мы говорили, что во всем романе самое чистое и человеческое связано у Толстого с детьми, с «детскостью» в человеке.

И все же, учитывая всю концепцию романа, мы не можем с определенностью сказать об отношении Толстого к дворянской революционности. Ведь во всем, что делали Пьер и князь Андрей, Толстой *всегда* видел нечто, ставящее их выше их среды. Но и *всегда* оказывалось, что истина, к которой они пришли, — это не абсолютная, не конечная истина. Так и теперь: Пьер с его логикой протестанта, и Николенька Болконский, воодушевленный этой логикой на революционное дерзание, ближе Толстому, чем Николай Ростов или, тем более, те, кто стоит за ним (царь, Аракчеев). Но на верном ли пути его герои, не ждет ли их очередное разочарование?... Вероятно, заканчивая «Войну и мир», Толстой еще не выработал определенного отношения к пути дворянских революционеров. Поэтому-то, может быть, роман о декабристах и не состоялся. (Позже, рассказывая об истории создания «Войны и мира», Толстой писал: «Невольно от настоящего я перешел к 1825 году, эпохе *заблуждений и несчастий* моего героя» (Поли. собр. соч., т. 13, стр. 54). **Декабризм Пьера сам Толстой считал, следовательно, очередным заблуждением героя**).

А в 70-е годы пришли новые замыслы. Не историческая, а современная Толстому действительность манит художника. Он пишет «Анну Каренину»...